

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

187

**СЛАВЯНО-РУССКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

187

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1986

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

СТАТЬИ

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗНАКИ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ

Древнерусская астральная символика неоднократно привлекала к себе внимание исследователей — археологов и искусствоведов. В археологическом материале она представлена широко распространенными подвесками-лунницами¹, а также различными астральными (преимущественно солярными и лунарными) элементами орнаментики². Б. А. Рыбаков исследовал сосуды, декор которых несет, согласно его интерпретации, календарный, (т. е. отчасти астральный) характер³. Известны русские резные календари, часть мет на которых отражает даты, маркируемые астрономическими явлениями⁴.

Кроме этих материалов, исследовались также календарно-астрономические изображения древнерусских рукописей. Это аллегорические изображения зодиакальных созвездий (известны на Руси с XI в.)⁵ и планет⁶.

В одном из томов Лицевого летописного свода имеются также изображения взаимного расположения светил и зодиакальных созвездий (простейшая комбинация — Солнце в одном из знаков зодиака)⁷. Характерно, что, хотя эта необычная для Руси иконография вызвана текстом западноевропейского происхождения («Тройнская история» Гвидо де Колумна), астральные аллегории носят русский, иконописный облик (Солнце трактовано в виде диска с профильным ликом и выделенным полумесяцем)⁸.

В рукописи начала XV в., из числа принадлежавших Кириллу Белозерскому, имеются графические схемы, показывающие степени частичных затмений Солнца и Луны⁹. На рисунке, примыкающем к таблицам для вычислений в списке XVI в. астрономического сочинения Шестокрыл (популярного у русских еретиков рубежа XV—XVI вв.), имеется схема солнечных и лунных затмений, осложненная некоторыми деталями астрологического характера¹⁰. В отдельных древнерусских рукописных книгах также встречаются астрономические чертежи (иногда в рукописях они отсутствуют, но в тексте сохранено упоминание о чертежах, имевшихся в оригинале)¹¹.

Определенную связь с астральной символикой имеет и известная серия аллегорических изображений «трудоу месяцев» из рукописи конца XV в.¹²

Отметим, что это лишь небольшая часть сюжетов, известных среди астральных изображений средневекового европейского искусства. В западноевропейском искусстве встречаются образы незодиакальных созвездий и их частей, самые разнообразные композиции, отражающие варианты взаимного расположения светил и комет¹³. Из числа незодиакальных созвездий в русском искусстве представлена иконография созвездия Центавра¹⁴ в виде кентавра-охотника со зверьком в руке (на стенах Дмитриевского собора во Владимире¹⁵ и Георгиевского в Юрьеве-Польском¹⁶). По-видимому, изображения эти возникли под влиянием чужеземных образцов, значение которых на Руси усвоено не было. Во всяком случае, на рельефах Георгиевского собора зверек в руке кентавра,

обычно изображавшийся перед ним (что соответствует расположению реально существующей группы звезд), переместился за спину кентавра; противоречит астральному значению образа и то, что кентавров стало два, причем они изображены рядом.

Образы, по-видимому, происходящие от астральных символов, встречаются на русских монетах XV в. Это, в частности, фигура льва, представленная под миниатюрной идеограммой скорпиона на монете Василия Дмитриевича¹⁷. Композиция, вероятно, воспроизводит изображение на сасанидской гемме¹⁸. Изображение четвероногого, на спине которого покоится человеческая голова, встречающееся на суздальско-нижегородских и ярославских монетах¹⁹, вероятно, восходит к популярной в мусульманском искусстве астральной аллегории — Лев и Солнце. Следует полагать, что все эти примеры отражают лишь механическое воспроизведение чужеземных образцов.

Помимо изображений, в астральную символику входит также значительное число условных значков, использовавшихся как астрономами, так в особенности и астрологами, магами и алхимиками нередко в роли талисманов. На Руси подобные значки магического назначения изредка встречаются с XV в.²⁰

В русских рукописях бывают также астрономические значки, обозначающие планеты и зодиакальные созвездия. Значки одних и тех же планет сильно варьируют, иногда имеют весьма своеобразный облик. Ряд значков, обозначающих планеты, представлен уже в одной из древнейших русских рукописей — Изборнике Святослава 1073 г. Мне известны также подобные значки в двух рукописях XV в. (в одной из них они образуют две серии, расположенные в разных местах рукописи). Значки из этих серий я публикую целиком. Кроме того, в качестве сравнительного материала привлекаются значки из более поздних рукописей. Публикация не претендует на исчерпывающий охват материалов подобного рода. Вместе с тем собранные материалы дают основания для некоторых выводов и сопоставлений.

Астрономические значки в Изборнике Святослава 1073 г. (рис., 8—11)²¹ представлены в тексте «Иоанна Дамаскина о македонских месяцах от церковнаго предания». Значки сопровождают перечень небесных светил. Список последних включает семь планет (в число которых, согласно средневековым представлениям, включены Солнце и Луна), однако лишь четыре из них сопровождаются значками (нет значков Меркурия, Юпитера и Сатурна). Неполные серии астрономических значков встречаются и в более поздних русских рукописях.

Астрономический знак Солнца (рис., 8) в Изборнике Святослава, по-видимому, является искаженной вариацией византийского знака в виде кружка (иногда с точкой посередине), от которого в одну сторону отходит заостренный луч (рис., 1)²². Подобное начертание значка Солнца встречается в русских рукописях XV—XVII вв., но в них оно ближе византийским образцам. Значок Луны (рис., 9) имеет вид полумесяца со срезанными окончаниями «рогов».

Знак Марса (рис., 10) в Изборнике, по-видимому, изображен ошибочно (такой знак, очевидно, должен был изображать Меркурий). Знак Венеры (рис., 11) с палочкой вместо креста в нижней части встречается в византийских рукописях, а также в русских XV—XVII вв. (рис., 31, 37).

Две полные серии астрономических значков находятся в сборнике конца XV в.²³ Одна из них (л. 187; рис., 12—20) входит в состав сочинения Дамаскина «Небеса» (глава «О свете и о огни и о светильниках, слово 18»). Часть значков этой серии тут же продублирована на полях, причем значки некоторых планет (Юпитер, Венера — рис., 16, 17, 19, 20) сильно варьируют. Вторая серия (л. 255 об.—256) находится в тексте статьи «О летном обхождении и воздушных переменениях» (рис., 21—27).

В той же рукописи (л. 187) Солнце представлено в виде кружка с заостренным лучом извилистых очертаний (рис., 12). В целом значок сле-

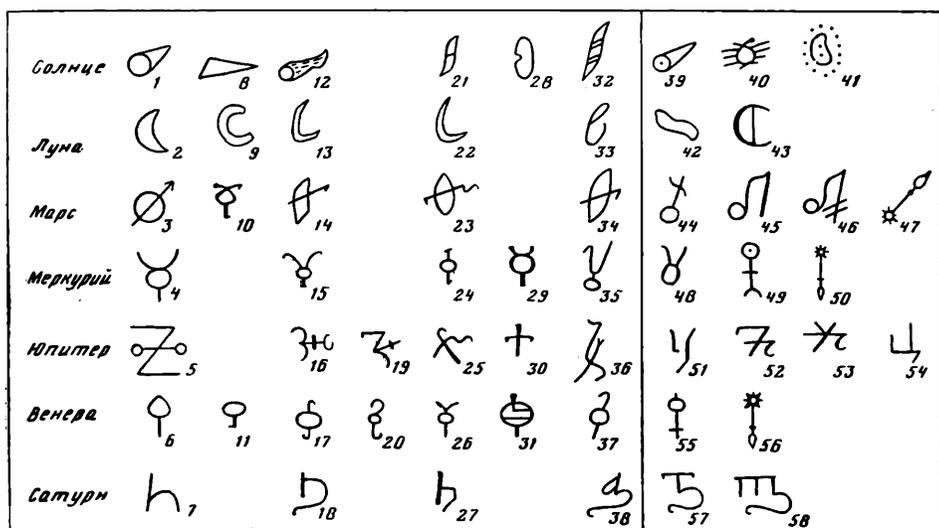

Рис. Древнерусские знаки небесных светил и их византийские аналоги

1—7 — из византийской рукописи X—XI вв. (по М. Бертелю); 8—11 — из Изборника Святослава 1073 г.; 12—27 — по рукописи конца XV в. (ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 177); 28—31 — по рукописи XV в. (ГПБ, Погодинское собр., № 943); 32—38 — по рукописи рубежа XVI—XVII вв. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 187); 39—58 — знаки из рукописей XVII—начала XVIII в.: 39, 44, 51 — собр. ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632, л. 37; 40, 42, 45, 46, 48, 57, 58 — ГБЛ, собр. Десницкого, ф. 439, картон 21, ед. кр. 3; 41, 43, 47, 49, 50, 52, 53, 55, 56 — ГПБ, собр. Вяземского, О 58, л. 142—145 об.; 54 — ГПБ, QXVII, № 176, л. 102 об.

дует византийской иконографии. На л. 255 об. оно представлено в виде древнерусской фиты (рис., 21). По-видимому, такое начертание идет из Византии (в греческой палеографии известно начертание этой буквы в виде кружка с точкой посредине, что соответствует древней идеограмме Солнца).

Значок Марса (рис., 14) в рукописи имеет основу в виде не кружка, а овала с заостренными концами сверху и снизу. «Стрелка» как бы перечеркивает овал наискось снизу вверх и завершается односторонним острием (по начертанию напоминающим верхнюю часть арабской цифры 1). Значок Марса в виде кружка, перечеркнутого наискось стрелкой, известен в византийских рукописях (рис., 3). Во втором случае в той же рукописи значок Марса слегка изменен — острие стрелки заменено зигзагом (рис., 23).

Значок Меркурия представлен в одном случае сходно с современным начертанием, но только с палочкой вместо креста в нижней части (рис., 15). Подобные значки Меркурия есть в византийских рукописях (рис., 4). Во втором случае значок Меркурия имеет иной вид — кружка, от которого вверх и вниз отходят черточки (рис., 24). По-видимому, в данном случае значки Венеры и Меркурия поменялись местами.

Наиболее сложные очертания знака Юпитера (с передней частью, напоминающей начертания буквы «земля») находят отдаленные аналогии в византийских рукописях (рис., 16, 19). Отметим, что значок Юпитера отличается причудливостью и разнообразием и в более поздних русских рукописях (рис., 36, 52—54).

Значок Венеры имеет в первом случае сходство со знаком §, причем здесь же на полях он повторен, но его верхние и нижние завитки повернуты по-другому (рис., 17, 20). Во втором случае знак Венеры соответствует обычному начертанию знака Меркурия (рис., 26).

Оба знака Сатурна (рис., 18, 27) сходны между собой и отличаются от современных тем, что вертикальная черта не перечеркнута в верхней части.

Значки Луны (рис., 13, 22) воспроизводят образ полумесяца. В первом случае он изображен сильно искривленным, с неправильными извилистыми контурами.

Подведем некоторые итоги. Ряд значков сильно отличается друг от друга. Это прежде всего значки Солнца, Юпитера, в меньшей степени Марса. Неустойчивость и путаница характерны для значков Венеры и Меркурия. Сильно отличаются даже два расположенных рядом значка Венеры.

В рукописи Златоуста постного и недельного XV и XVI вв. (в части, датируемой XV в.) имеется неполная серия астрономических значков. Она находится в тексте статьи «В понедельник четвертой недели поста слово от шестодневца о небесных силах», в той ее части, которая является вставкой восточного происхождения (л. 75 об.)²⁴. Действительно, в данной рукописи даются не обычные для древнерусской письменности греческие названия планет, а арабские (Зугел, Мошир, Емерих, Шимес, Зугра, Утенф, Юмамар). По-видимому, особенность первоисточника определила и своеобразие начертания некоторых значков. Особенно своеобразны начертания знаков Мошир — Юпитера — в виде креста (точнее, глаголической буквы «аз»; рис., 30) и Венеры — Зугры (круг, внутри которого проведены две поперечные черты, а сверху и снизу отходят вертикальные черточки; рис., 31). Знак Меркурия соответствует уже известному начертанию (рис., 29). Необычен знак Солнца — для него использованы неправильные округлые очертания (рис., 28). Можно предположить влияние начертания греческой скорописной тэты.

В русских рукописях можно встретить не только греческие и арабские, но также и латинские, а в некоторых переводных текстах, связанных с ересью жидовствующих, и древнееврейские названия планет и зодиакальных созвездий²⁵.

В русских рукописях XVII в. встречаются ссылки на «татарский лунник»²⁶. Был известен в то время на Руси и дальневосточный зодиак (циклические знаки)²⁷. В рукописях он носит иногда название «половецкого», или «угорского». Русские книжники установили соответствие между дальневосточным и общеевропейским зодиаком и показывали его на специальных таблицах. Необходимость знакомства с циклическими знаками первоначально возникла, вероятно, в связи с дипломатической практикой, поскольку ханские грамоты могли быть датированы по дальневосточному (и тюркскому) календарю²⁸.

Помимо указанных рукописей, один планетный знак — полумесяц — многократно повторен в календарных текстах одной из книг, связанных с Кириллом Белозерским (начало XV в.)²⁹. В работе Е. К. Редина упоминаются значки, обозначающие планеты в известной рукописи Христианской топографии Косьмы Индикоплова 1495 г.³⁰ На самом деле на указанном листе имеются лишь обобщенные астральные символы (звездочки из черточек), ничем не отличающиеся друг от друга.

Значок Луны — полумесяц — можно видеть на некоторых русских монетах XV в., где он выступает в роли второстепенного изобразительного элемента³¹. На части монет Василия Дмитриевича имеется также идеограмма Солнца — в виде кружка с точкой посередине (т. е. такой, какой в ранних рукописях не встречается)³².

Специфические черты ряда русских астрономических значков, известных по рукописям XV в., частично переходят и в более поздние рукописи, иногда получая дальнейшее своеобразное развитие. Об этом свидетельствует, в частности, рукопись рубежа XVI—XVII вв., содержащая Новый Маргарит князя Курбского³³, включающая уже упоминавшееся сочинение Дамаскина «Небеса» (л. 304 об.). Значок Солнца, как и в первой из рукописей XV в., напоминает начертание фиты (рис., 32). Только в данном случае она имеет не одну поперечину, а целых четыре. Сходство с той же рукописью обнаруживается и в начертании значка Марса. Значок Венеры типологически примыкает к значкам той же рукописи (рис., 37). Знак Луны (рис., 33) имеет плавные очертания (на-

поминает современную рукописную строчную букву «в»), причем сходство с реальным полумесяцем утрачено полностью. Труднее определить происхождение особенностей значков Меркурия и Юпитера в этой рукописи, но в целом они близки уже описанным.

Наиболее своеобразно в данной рукописи начертание значка Сатурна (рис., 38). Он как бы представляет собой лигатуру из обычного значка этой планеты и буквы «а» (одновременно церковно-славянской цифры 1). Такое слияние, можно думать, объясняется тем, что в некоторых астрономических текстах Сатурн называется первой планетой.

Более поздние астрономические значки древнерусских рукописей обнаруживают зачастую черты сходства с уже описанными. Нередко в одной рукописи знаки одной и той же планеты сильно варьируют. Наряду с распространением обычного западноевропейского начертания астрономических значков в XVII в. сохраняются и восходящие к византийской традиции. Среди них знаки рис., 39, 44, 51, которые сопровождают не греческие, а латинские названия планет. Иногда значки планет приобретают слабо различимый декоративный облик (рис., 47, 50, 56). Отметим, что в рукописи рубежа XVII—XVIII вв. знак Сатурна (рис., 57, 58) приобретает в верхней части (вместо обычного крестика) завершение то в виде буквы «Т», то в виде той же буквы в «трехмачтовой» разновидности. Такая вариация вносит путаницу в астрономические значки данной рукописи, поскольку совершенно аналогичным образом изображается и значок созвездия Девы. В той же рукописи отметим необычное начертание значка Марса с изогнутой стрелкой (рис., 45, 46) и Луны — с заостренными «рогами» и извилистыми очертаниями (рис., 42).

Привлеченные здесь материалы показывают, что имевшиеся для большинства знаков прообразы в византийских и иных астрономических рукописях подвергались на Руси искажениям и дальнейшей трансформации. Это приводило к разнообразию их начертаний и путанице. Любопытно, что деградации подвергается даже знак полумесяца, который полностью теряет связь со своим реальным прообразом («рога» заменяются плавным завершением, очертания становятся извилистыми). Подобным же образом трансформируется и стрела значка Марса. Значок Солнца иногда утрачивает наиболее характерную черту — основу в виде кружка.

Очевидно, устоявшейся традиции употребления знаков, во всяком случае на рубеже XVI—XVII вв., не существовало. Судя по разнообразию начертаний, значки были нечитаемы даже для писцов, которые лишь механически их перерисовывали.

О том же свидетельствуют неполнота некоторых серий, искажения значков под влиянием привычных начертаний букв. Эти особенности существенны для оценки распространенности на Руси астрономических знаний, а также суеверий, связанных с астрологией.

Астрономические значки XVII в. показывают, что картина, характерная для XV в., отчасти сохранялась. Действительно, и в XVII в. начертание астрономических знаков не было чем-то общеизвестным. Так, на странице букваря Кариона Истомина, посвященной букве «А», знак планеты Венера представлен искаженным, по существу аналогичным знаку Марса (но со стрелкой, направленной вниз)³⁴.

¹ Гольмстен В. В. Лунницы Исторического музея. — В кн.: Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914; Изюмова С. А. Бронзовые лунницы с городища у д. Щемилово. — СА, 1958, № 4; Blankoff J. Deux survivances du paganisme slave en vieille Russie: 1. Les ornements en croissant de lune. — In: Symposium International et Pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Bruxelles; Gand, 21—24 mai 1980.

Contributions, Slavica Gandensia. Gand, 1980—1981, 7/8.

² Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. — СА, 1960, № 4.

³ Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян. — СА, 1962, № 4.

⁴ Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке, изобретенных св. Стефаном. М., 1873; Срезневский В. И. Северный резной

- календарь. СПб., 1874; *Лебедева А. А.* Русский деревянный календарь Сибири. — В кн.: *Этнографический сб. Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962.*
- 5 *Гириберг В. Б.* Козлырог в Изборнике Святослава 1073 г. — В кн.: *Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.; Л., 1972; Он же. Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977; Пуцко В.* Знаки зодиака на полях Изборника Святослава 1073 г. — В кн.: *Старобългаристика. София, 1984, VIII, № 2.*
- 6 *Редин Е. К.* Христианская топография Космы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, с. 169—183.
- 7 ГИМ, Музейское собр., № 358, л. 646 об. (Солнце «в зоден Юнца», т. е. Тельца); л. 890 об. (Солнце в созвездии Рака).
- 8 Об особенностях русско-византийской иконографии Солнца см.: *Чернецов А. В.* К изучению Радзивилловской летописи. — ТОДРЛ, 1981, т. 36, с. 277—279.
- 9 *Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского. — ТОДРЛ, 1981, т. 36, с. 363, 364.
- 10 *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, вкл. в конце кн.
- 11 Там же, с. 412, 419, 431.
- 12 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863, т. II, с. 415—420; *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI в. М., 1975, табл. 52—55.
- 13 *Boll F.* Stern Glaube und Sterndeutung. Leipzig; Berlin, 1926; *Gundel W.* Dekane und Dekansbilder. Hamburg, 1936; *Hansmann L.* Astrographik der späten Mittelalters. — In: *Gebrauchsgraphik, 1965, N 3.*
- 14 *Thiele G.* Antike Himmelsbilder. Berlin, 1898, S. 125, Fig. 53.
- 15 *Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси. Владимир, Боголюбово. М., 1969, с. 264, 266.
- 16 *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, табл. XXVIII, б.
- 17 *Толстой И. И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича. — В кн.: *Зап. Нумизматич. отд. Русск. археологич. об-ва. СПб., 1911, т. II, табл. 4, 83—89.*
- 18 *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963, с. 124.
- 19 *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896 (Исторический музей. Описание памятников, вып. I), табл. XV, 710.
- 20 *Чернецов А. В.* Об одном рисунке Радзивилловской летописи. — СА, 1977, № 4.
- 21 См.: *Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, табл. V.*
- 22 *Wiedemann E.* Über die Zeichen für die Planeten usw. auf Astrolabien. — In: *Byzantinische Zeitschrift, 1910, XIX, N1/2; Berthelot M.* Introduction à l'étude de la chimie. Paris. 1938, p. 104.
- 23 ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 177.
- 24 ГПБ, Погодинское собр., 943. Пользуясь случаем выразить глубокую признательность А. А. Турилову, указавшему мне на эту рукопись. Об этом тексте см. также: *Рачева М.* Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици: няколко редки астрономически названия — заемки в старобългарски или в староруски език? — В кн.: *Старобългаристика. София, 1981, V, № 3.*
- 25 *Соболевский А. И.* Переводная литература. . . , с. 418, 432.
- 26 ЦГАДА, собр. ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632, л. 25.
- 27 *Тихомиров М. Н.* О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности. — СЭ, 1958, № 3; *Ryan W. F.* The Oriental duodenary animal cycle in Old slavonic manuscripts. — In: *Oxford slavonic papers, N. ser., 4, 1971.*
- 28 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819, т. II, с. 6, 10, 12 («заячьего лета»); с. 14 («овечья лета»); Сб. Русск. историч. об-ва. СПб., 1884, т. 41, с. 420 («курячье лето»).
- 29 *Прохоров Г. М., Розов Н. Н.* Перечень книг. . . , с. 363.
- 30 *Редин Е. К.* Христианская топография. . . , с. 173.
- 31 *Орешников А. В.* Русские монеты. . . , табл. I, 9; VII, 313, 315; VIII, 351.
- 32 *Толстой И. И.* Монеты великого князя. . . , табл. 2, 46.
- 33 ГБЛ, собр. Увдольского, № 187.
- 34 *Тарабрин И. М.* Лицевой букварь Карiona Истомина. — В кн.: *Древности: Тр. МАО, 1916, т. XXV, табл. 16.*

Е. Н. НОСОВ, В. П. ПЕТРЕНКО

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЧЕЙ ПОВОЛХОВЬЯ

Для изучения особенностей планировки древних поселений, определения внутренней организации и функционального назначения входящих в застройку усадеб или дворов первостепенное значение имеет по возможности точная атрибуция всех открываемых при исследованиях типов построек. Анализу назначения сооружений, обнаруженных в 1977 г.

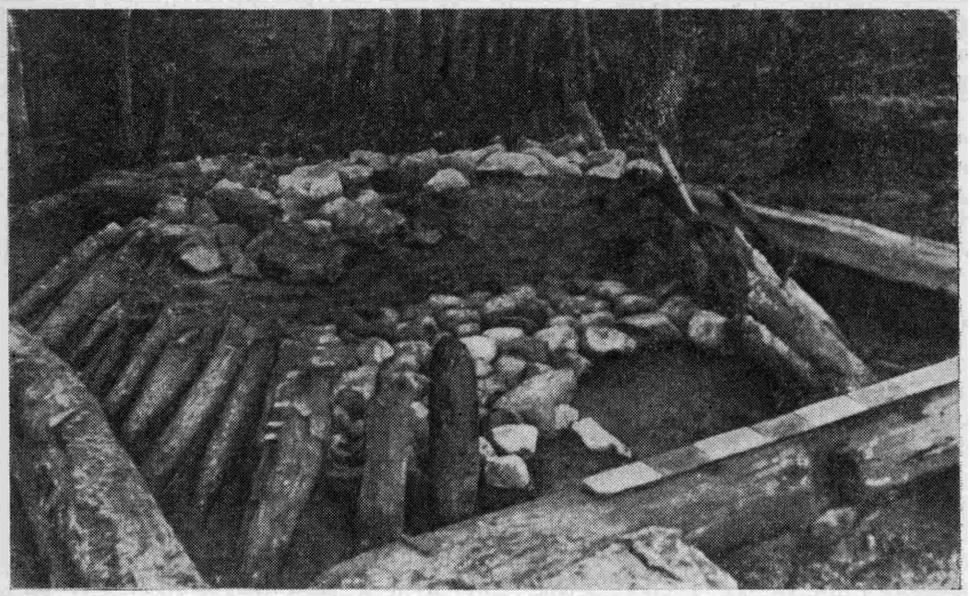

Рис. 1. Ладожская печь

в Старой Ладоге, а также на Рюриковом городище под Новгородом и ранее неизвестных в Поволховье, посвящена данная статья.

В северной половине Старой Ладоги, близ Варяжской улицы, в слоях второй-третьей четвертей X в., открыта своеобразная постройка. Она находилась на не застроенной в то время периферийной части двора, рядом с оградой. Конструкция ее выглядела следующим образом: тесно поставленные в несколько рядов колья (жерди и расколотые по длине бревна), вбитые в землю с наклоном в глубину сооружения под углом около 60° , окружали площадь диаметром $1,8 \times 1,9$ м, на которой находились одна над другой три вымостки из уплощенных, плотно подогнанных друг к другу небольших камней (рис. 1)¹. Ярусы камней были прослоены глиной, прокаленной глиной и углем. Вбитые в землю концы кольев были заострены, а верхние, выступавшие над землей, с неровными краями, — обуглены. Нижняя каменная вымостка имела более прямоугольные очертания, лишь слегка скругленные углы и располагалась прямо на культурном слое. В основании конструкцию окружали бревна. Для обкладки использовался нестройовой лес хвойных и лиственных пород. С внешней стороны северное, восточное и южное бревна были закреплены вертикальными кольями. В плане обкладка имела прямоугольные очертания. Размеры ее $2,1 \times 2,4$ м. Вымостки, колья и бревна перекрывало мощное скопление светло-зеленой глины толщиной $0,1-0,3$ м.

Исследованный комплекс, вне всякого сомнения, представлял собой стоявшую отдельно печь с каменным, промазанным глиной подом, глинобитными стенками и сводом, окруженную по основанию бревенчатой рамой. Колья могли служить либо каркасом стен печи, верхняя часть которого выгорела при обжиге (колья из-за своей массивности, безусловно, образовывать каркас свода не могли), либо своеобразным креплением основания устройства. Устье печи шириной не более $0,5-0,6$ м, судя по расположению кольев и топографии сооружения, находилось в западной стенке. Возможно, с системой, при помощи которой закрывалось устье, связан вертикальный паз, прослеженный примерно на середине западного бревна с внешней стороны. Реконструируемая высота печи около $1-1,5$ м. Над печью мог быть легкий навес. Не исключено, что с ним связана найденная в развале комплекса жердь с раздвоенным концом, служившая, возможно, опорой для поперечной сляги. Печь

функционировала сравнительно долгое время, и ее неоднократно подновляли, о чем свидетельствуют три сменявших друг друга пода и многоярусность кольев каркаса.

Глинобитные печи, аналогичные ладожской, в 1977—1979 гг. раскопаны и на Рюриковом городище, за пределами густонаселенной части поселка, в сырой ложбине. Это, несомненно, было сделано в противопожарных целях, хотя расположение на участке с влажным грунтом влекло за собой массу неудобств — части конструкций проседали, расплзались и требовали постоянного ремонта.

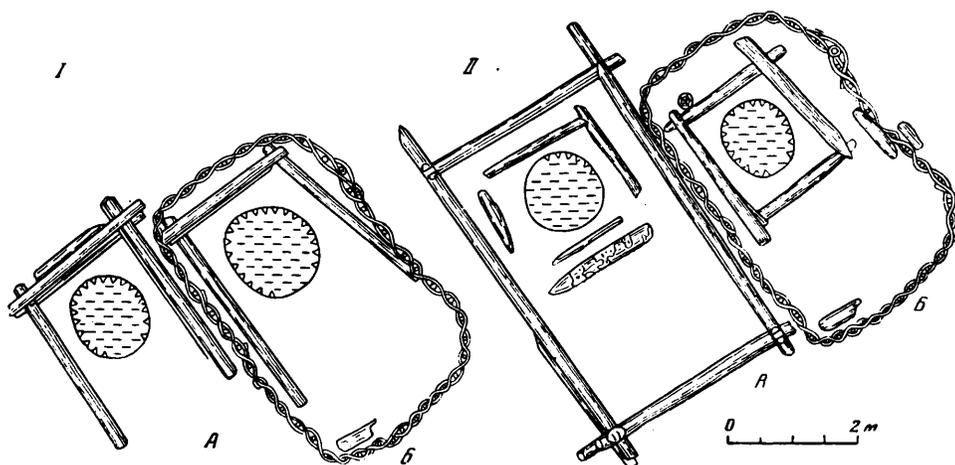
Самая ранняя глинобитная печь находилась внутри небольшого сооружения из бревен, располагавшегося поперек ложбины и имевшего три стены, связанные в углах рубкой в обло (рис. 2, IА). Бревенчатые венцы вплотную подходили к основанию печи и укрепляли его. Северо-западная стенка конструкции имела высоту в четыре бревна, северо-восточная и юго-западная — в три. Более высоким сооружение никогда не было — на верхнем венце врубок нет.

Под и соответственно сама печь имели округлую в плане форму. Диаметр пода 1,1—1,3 м. Он состоял из плотно уложенных в один слой небольших (диаметр около 10 см) валунов. Промежутки между камнями и камни промазывались глиной. Мощность слоя обожженной глины над камнями 6—10 см. Вокруг пода, вплотную к камням, были наклонно вбиты 25 дубовых и главным образом березовых кольев, заостренных в нижней части. Кольев нет лишь с юго-восточной стороны печи, откуда был подход к ней и где находилось ее устье. Длина кольев 0,4—0,6 м, диаметр — 6—10 см. Они были подтесаны с двух-трех сторон и этими сторонами обращены к поду. На противоположных сторонах у некоторых кольев сохранилась кора. Верхние части кольев обуглены, но их вершины, и на это обратим особое внимание, были плоскими и находились приблизительно на одном уровне — уровне пода и основания печи. Таким образом, перед нами целиком сохранившиеся детали конструкции, обуглившиеся под воздействием высокой температуры, а не остатки деревянного каркаса глинобитной печи, выгоревшего при ее обжиге (в этом случае вершины кольев никак не могут быть ровными и плоскими). Следовательно, наклонно вбитые колья укрепляли под печи, как бы стягивали его, и на них опирались глиняные стенки. О конструкции верхней части печи определенных данных нет. Лишь над подом и по его сторонам зафиксировано скопление коричневой глины толщиной от 0,1 до 0,4 м.

При исследовании было выяснено, что бревенчатая обноска вокруг основания печи была сделана не сразу, а в два этапа. Первоначально она состояла из двух бревнышек с северо-западной стороны и по одному — с двух других сторон, тем самым почти не отличаясь от ладожской конструкции. Длина бревнышек достигала 2,5 м, диаметр — 11—15 см. Под печи был приподнят над обноской на 0,2—0,3 м. Установлены даты рубки бревнышек — 889, 896 и 897 гг. Таким образом, сооружение первой печи в ложбине относится к самому рубежу IX—X вв.

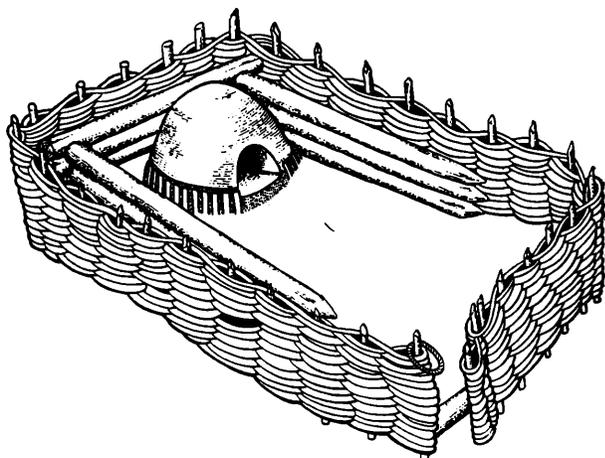
Через некоторое время, когда вокруг печи накопился культурный слой, обноску нарастили на два венца. При этом использовались более длинные (до 3—3,5 м) бревна диаметром 13—22 см. Под печи после наращивания обноска оказалась на ее уровне. Была ли в это время подновлена и сама печь, никаких данных нет. Для четырех бревен верхних венцов определены даты рубки — 905 г. Конструкция сооружена несколько позже, поскольку для строительства использовались бревна, уже бывшие в употреблении.

Печь была заброшена, и некоторое время это место пустовало. Здесь успел накопиться культурный слой толщиной 6—20 см. Однако вскоре тут был возведен новый комплекс с печью, аналогичной по конструкции более ранней. Теперь она была устроена внутри небольшого сруба, при этом бревна предшествовавшего сооружения использовались как своеобразное основание для новой постройки (рис. 2, IIА). Сруб сохранился

Рис. 2. Печи Рюрикова городища. Схематические планы двух основных этапов строительства хлебных печей

I — около 910 г.;
II — вторая четверть — середина X в.

Рис. 3. Рюриково городище. Реконструкция сооружения с хлебной печью (около 910 г.)

Соответствует плану *IB* на рис. 2.

на высоту трех венцов и имел размеры 3×5 м. Он был возведен очень небрежно из бревен диаметром 12—16 см, часто вторичного использования. В трех случаях на концах бревен даже отсутствовали чашки, и бревна верхних венцов были положены без всякого крепления. С внутренней стороны, в углах и у стен, сруб дополнительно был укреплен кольями.

В северной половине постройки находился огромный массив глины, возвышавшийся над бревнами третьего венца на 0,4—0,8 м. Он состоял из чередующихся слоев глины, в том числе обожженной, и серого песка. При разборке были выявлены остатки печи, сходной с печью, стоявшей на этом месте до строительства сруба. Под печи имел округлую в плане форму диаметром 1,2—1,6 м. Он состоял из слоя камней, промазанных глиной. С северо-восточной стороны вокруг него были наклонно вбиты восемь березовых кольев. Вершины их, плоские и обожженные, находились на уровне камней пода. С других сторон печи зафиксирован лишь один кол. Основание печи укрепляли положенные параллельно стенам постройки четыре коротких бревнышка и плахи, некоторые из них были закреплены на месте кольями. Эта обноска отстояла от прилегавших стен сруба на 0,4 м и находилась на уровне пода печи, ограничивая площадь $1,5 \times 1,9$ м.

Скопление глины в постройке свидетельствует о том, что печь неоднократно подновляли, а оставшуюся глину разравнивали в пределах северной части сруба. Судя по дендрохронологическим датам, сруб был

возведен после 911 г., скорее всего во втором десятилетии X в. Погибла постройка во время пожара.

В ложбине, близ рассмотренных комплексов с глинобитными печами, также на одном месте, сменяя друг друга, в X в. функционировало несколько аналогичных печей. Древнейшая из них находилась в небольшом бревенчатом сооружении с тремя стенами, которые почти вплотную подходили к печи (рис. 2, *IB*). Стены были связаны рубкой в обло. Все сооружение имело высоту в три венца, а общая его высота не превышала 0,4—0,5 м. Длина северо-западной стенки обноски 2 м, двух других — 2,9—3 м.

Это сооружение располагалось в небольшом дворике с плетневыми стенами размерами 2,8—3×4,8—4,9 м (рис. 3). Стенки обноски печи отстояли от плетневых стен на 0,1—0,3 м. Не исключено, что столб в ряду плетня был связан с конструкцией какого-то навеса над печью. Под печи имел размеры 1,3×1,5 м. Он состоял из плотного слоя валунов, промазанных глиной. Вокруг пода были вбиты 24 кола, аналогичных кольям других печей. Судя по дендрохронологическим датам, печь была сооружена в конце первого десятилетия X в., т. е. одновременно с увеличением высоты обноски у стоявшей рядом печи.

В середине X в. (даты рубки бревен обноски: два — 944 г.; одно — 947 г.) в плетневом дворике на месте старой печи была сооружена точно такая же новая печь (рис. 2, *IIB*). В плане ее основание имело размеры 1—1,1×1,4—1,5 м. Печь по основанию была окружена, как и в Ладоге, бревенчатой рамой размерами 2×2 м. Углы рамы не врубались, а закреплялись кольями. Через некоторое время здесь была построена в очередной раз новая печь. От нее сохранились развал глины и под из валунов, а от бревенчатой обноски, укреплявшей печь по основанию, — неопкurenное березовое бревнышко. Плетневых стен дворика уже не было, не было и стоявшего рядом срубца с аналогичной печью.

Раскопки не дали прямых свидетельств функциональной принадлежности глинобитных печей, окруженных бревенчатыми обносками разных видов и стоявших на открытом воздухе без прочих ограждений, внутри дворика с плетневыми стенами, а в одном случае — в срубце. Сооружая печи, жители придавали большое значение длительному сохранению подом и соответственно всей печью тепла. Именно поэтому под сооружали очень тщательно и во всех случаях ниже слоя глины укладывали плотный ряд небольших валунов. Функции этих печей были иными, чем у домовых печей Ладоги и Рюрикова городища, поскольку печи в домах на обоих поселениях имели иную конструкцию. Кроме того, подчеркнем обособленность расположения подобных глинобитных печей в застройке поселений: вынесение их на Рюриковом городище в сырую ложбину, в сторону от домов, а в Ладоге — на периферийную часть двора, свободную от строений.

Печи, вынесенные за пределы жилищ, стоящие во дворе или на огороде, известны у многих народов. Их строили специально для выпечки хлеба, хотя использовали и для иных нужд. Наружные хлебные печи распространены у великоруссов южных областей, украинцев, словаков, поляков, сербов, болгар, а также у молдаван, венгров, башкир, западно-сибирских татар, обских угров (ханты и манси), селькупов, саамов, финнов и др. Часто над печами делались легкие навесы, вокруг них строились ограждения от скота. Печами пользовались и в летнее, и в зимнее время, иногда члены нескольких семей. Печи были преимущественно глинобитными².

Достаточно детально наружные хлебные печи изучены на территории Финляндии. По материалам, собранным К. Вилкуна и Н. Валоненом, такие печи сохранились в Лапландии и особенно широко — в западной Финляндии, где еще в XVII в. они были обычны. Перед нами следы уходящей этнографической традиции. Печи устраивались под легкими навесами, иногда просто обкладывались сверху наклонно поставленными досками или помещались в небрежно сделанные срубчики, напоминающие

сруб, открытый на Рюриковом городище. В Финляндии печи, описанные этнографами, делались из камня, реже — из кирпича, но, как считает К. Вилкуна, раньше они были глинобитными. Он указал на глинобитную печь, открытую в Мярттеля, в приходе Русско, и датированную концом X—первой половиной XI в.³

Есть основания полагать, что в средние века печи на улице были нередки и у русского населения лесной зоны Восточной Европы, но мы о них мало знаем из-за скудости источников⁴. Во всяком случае в писцовых книгах XVI в. упоминаются хлебни и поварни, т. е. обособленные помещения для выпечки хлеба и приготовления пищи⁵. Позднее, как отмечает Г. Г. Громов, хлебни и поварни вообще исчезают у крестьян⁶. При описании новгородских усадеб 1612—1613 гг. наружные печи с «припередком» (видимо, каким-то легким навесом) указаны в шести из 11 перечисленных усадеб⁷. Столь частое упоминание печей в усадьбах М. Г. Рабинович объяснил тем, что, «видимо, в Новгороде довольно строго придерживались указов правительства летом не топить изб, а готовить во дворе или на огороде»⁸. На наш взгляд, строительство наружных печей в новгородских дворах — свидетельство широкой традиции их использования, а не результат правительственных распоряжений, тем более что по материалам, касающимся Москвы XVII в., надворные печи разрешалось топить на тех же основаниях, что и избы, — только в «указные дни»⁹.

По нашему мнению, глинобитные наружные печи Рюрикова городища и Ладоги служили для выпечки хлеба. Летом, когда дома старались вообще не топить, функциональное использование печей могло быть шире. Обратим внимание на то, что в Финляндии наружные печи иногда располагались близ навесов для скота, в Эстонии же в XIX в. летние кухни (хлебные печи здесь неизвестны) всегда находились у воды, в стороне от домов, а рядом с ними обычно стояли корыта, поскольку в летних кухнях наряду с пищей готовили и корм скоту¹⁰. В свете этих данных представляется не случайным, что на Рюриковом городище к срубнику с глинобитной печью было прислонено долбленое корыто для кормления телят или поросят. В таком случае рассмотренные печи IX—X вв. из Ладоги и Рюрикова городища — это функциональные предшественники различных средневековых хлебен, поварен или летних кухонь.

Анализируемые глинобитные печи в целом сопоставимы с широко известными по раскопкам средневековых жилищ глинобитными купольными печами¹¹. Однако о тождестве здесь не может быть речи. Отличия имеются прежде всего в конструктивных деталях: своеобразном устройстве пода, его массивности, наличии неошкуранных кольев, стягивавших под, бревенчатых обносков вокруг основания печей, а кроме того, в обособленном расположении на поселениях.

В археологическом материале мы знаем лишь небольшую группу печей аналогичного характера. Это печи, открытые в слоях XII—XIII вв. в Гданьске, располагавшиеся вне жилищ. Каждая из них сохранилась в виде глинобитного пода, окруженного двумя рядами наклонно вбитых к центру кольев, а также бревенчатой прямоугольной обкладкой основания. Размеры сооружений достигали 1,7×2,2 м. Печи стояли на незастроенной территории, в одном случае — на перекрестке улиц. Как отмечают исследователи, печи функционировали приблизительно по 70 лет, их переносили в связи с изменением застройки. Двойные ряды кольев вокруг подов свидетельствуют, по нашему мнению, о неоднократном подновлении печей. В Гданьске открыто стоявшие печи, как считают польские исследователи, обслуживали около 10 домов и являлись печами коллективного пользования. В отличие от печей Ладоги и Рюрикова городища, печи из Гданьска были схожи по конструкции с частью печей жилых построек города, только их размеры были несколько больше¹².

Отдельно стоявшие печи X—XI вв. обнаружены в Польше еще в двух пунктах: Санток и Бискупин, но последние по конструкции не похожи на печи из Поволжья¹³.

В польской литературе подобные отдельно стоявшие печи обычно рассматриваются, исходя из данных этнографии, в качестве специальных печей для выпечки хлеба¹⁴. Впрочем, некоторые исследователи допускают, что в Гданьске они могли использоваться артелью рыбаков для копчения рыбы¹⁵. Последнее предположение, однако, осталось не подтвержденным фактическим материалом.

Исследователи полагают, что отдельно стоявшие хлебные печи появились у некоторых народов как заимствование у славянского, позднее — русского населения. Так, К. Вилкуна в статье «История хлебной печи в Финляндии» ссылается на А. Алквиста, установившего, что название хлебной печи (rätsi) заимствовано финнами у славян и свидетельствует об обучении именно у славян «искусству строительства хлебной печи и, таким образом, выпечке хлеба в печи». К. Вилкуна отметил, что в Восточной Европе хлебная печь занимала особое место в приготовлении всей пищи, и славянское слово «печь» было заимствовано многими народами. К. Вилкуна пришел к выводу, что наружные хлебные печи сохранились на окраине расселения русских, законсервировав здесь старую основу, в то время как у собственно русского населения хлебная печь «перешла» в жилое помещение раньше всего. По мнению исследователя, к таким окраинным районам распространения хлебной печи принадлежит и Финляндия. В подтверждение своих построений К. Вилкуна указал на раскопанную А. Тальгренем и уже упомянутую нами глинобитную печь в Мярттеля. Подобная печь «возникла на бескаменной территории славян, и такой она была принесена в область, где были камни»¹⁶. Время этого заимствования, если следовать выводам К. Вилкуна, — по крайней мере, конец I тысячелетия н. э. Наиболее северной областью Восточной Европы, занятой в то время славянами, было именно Поволховье. Здесь финское население могло перенять данную этнографическую сторону быта славян и включить ее в свою культуру. Находки наружных хлебных печей на Рюриковом городище и в Ладоге не противоречат такому заключению.

Для территории Центральной Европы вопрос об этнической атрибуции домовых и наружных хлебных печей решается более сложно. Исследователи единодушны в том, что хлебные печи в домах — безусловно славянская этнографическая черта¹⁷, в то время как хлебные печи на улице известны у разных народов. Относительно появления в Европе традиции сооружения хлебных печей существует обширная литература, рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи¹⁸.

В заключение отметим, что открытие в Ладоге и на Рюриковом городище наружных хлебных печей и их сходство с печами из Гданьска имеют большое значение. Это прежде всего первые достоверно зафиксированные отдельно стоящие хлебные печи в Восточной Европе; затем это — прямое археологическое свидетельство культурных связей поморских славян и населения Новгородской земли, связей, о которых неоднократно писали лингвисты и историки. И последнее. Уличные хлебные печи безусловно были объектами коллективного пользования. Таким образом, они восходят к архаическим традициям общинного быта независимо от причин появления их на том или ином поселении.

¹ План сооружения опубликован. См.: Петренко В. П. Планировка и постройки Ладоги X в. — В кн.: Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Тез. докл. межреспубликан. симпозиума. Рига, 1983, с. 35, рис. 3.

² Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сб.: Тр. Ин-та этно-

графии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1956, нов. сер., т. XXXI, с. 263—265, 451, рис. 55; Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 164, карты 31, 32; Народы зарубежной Европы. М., 1964, т. 1, с. 122, 335; Хынку И. Г. Жилища на территории Молдавии в X—XVII вв. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 102, 103; Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 127.

- рис. 86, 87; Народы Сибири. М.; Л., 1956, с. 480, 585, 586, 675; Соколова З. П. Селькупы. — ВИ, 1973, № 3, с. 218; *Vilkuna K. Leivinuunin historiaa Suomessa.* — In: *Kalevalaseuran Vuosikirja.* Porvo; Helsinki, 1946, N 25/26, s. 250—275; *Valonen N.* Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. — In: *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* Helsinki, 1963, 133, S. 308—321.
- ³ *Vilkuna K. Leivinuunin historiaa Suomessa,* s. 267—269.
- ⁴ Авторы признательны А. А. Шенникову за любезные консультации по вопросу о надворных печах в русских средневековых хозяйствах.
- ⁵ *Чечулин Н. Д.* Русские деревянные жилые постройки в XVI в. — ЗРАО, 1893, нов. сер., т. VI, с. 300.
- ⁶ *Громов Г. Г.* Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. по письменным источникам. — В кн.: *Вестник МГУ,* сер. 9: История, 1965, № 6, с. 47.
- ⁷ АЮБ, 1864, т. II, № 148, II, с. 386; VI, с. 389; IX, с. 391; X, с. 392; XII, с. 394; XIII, с. 395.
- ⁸ *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XII—XVII вв. — В кн.: *Древнее жилище народов Восточной Европы.* М., 1975, с. 196, 197.
- ⁹ *Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968,* с. 109, 210.
- ¹⁰ *Valonen N.* Zur Geschichte..., S. 309; *Хабихт Т. М.* Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в. — В кн.: *Вопросы этнической истории народов Прибалтики: Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.* М., 1959, т. 1, с. 382.
- ¹¹ *Ворохин Н. Н.* Жилище. — В кн.: *История культуры древней Руси.* М.; Л., 1948, с. 9—43; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е1-32, с. 147, 151—154; *Загоруйский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1981, с. 178—183, рис. 113, 116; *Grebe K.* Archäologische Forschungen auf der Dominsel in Brandenburg (Havel). — In: *Das Altertum.* Berlin, 1979, Bd 25, Hf. 4, S. 233—237.
- ¹² *Studia wczesnośredniowieczne.* Warszawa, 1955, t. III, s. 217—232, tab. 30, a, b, c; *Gdańsk wczesnośredniowieczny.* Gdańsk, 1974, t. VIII, s. 76—78.
- ¹³ См., например: *Sprawozdania Państwowe Muzeum archeologiczne,* Warszawa, 1949, t. II, z. 1—4, s. 117—122, rys. 1—6.
- ¹⁴ *Sprawozdania Państwowe Muzeum archeologiczne,* 1949, t. II, z. 1—4, s. 118.
- ¹⁵ *Gdańsk wczesnośredniowieczny,* t. VIII, s. 82.
- ¹⁶ *Vilkuna K. Leivinuunin historiaa Suomessa,* s. 252, 261—269.
- ¹⁷ *Rhamm K.* Etnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Braunschweig, 1910, S. 104—111; *Kostrzewski J.* Pradzieje Polski. Poznań, 1948, s. 248—249; *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967, t. I, s. 537. Однако использование названного признака осложняется отсутствием единообразной систематизации остатков таких устройств, выявленных в ходе раскопок, с выделением эндемичных черт, присущих разнотипным печам и связанных с их функциями в хозяйстве. Так, например, один из исследователей Гданьска, отмечая сходство глинобитных местных и новгородских печей, определяет другие объекты, сохранившиеся в виде скопления глины и каменных развалов в углах гданьских домов и, судя по всему, являвшиеся обычными печами-каменками, как очаги, называя печами лишь каркасные глинобитные устройства. А ведь именно печи-каменки составляют большинство сводчатых сооружений в новгородских постройках. Хлебная печь из Бискупина, уцелевшая в виде массивного скопления камней, отличается по своей структуре от гданьских каркасных устройств. Вместе с тем функции домовых и уличных печей Гданьска, имевших сходную конструкцию, были различными. Первые являлись устройствами для выпечки хлеба, вторые — коптильнями. См.: *Gdańsk wczesnośredniowieczny,* t. VIII, s. 73—79). Указанные противоречия ведут к «размыванию» выделенного этнографического признака.
- ¹⁸ *Z badań nad budownictwem ludowym w Wielkopolsce (1954—1957).* Warszawa, 1959, s. 23, 24; *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian..., s. 276—278.

О. А. ЩЕГЛОВА

РАННИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЫНЦЕВСКОГО ТИПА

Сложность и неоднородность керамического комплекса, будучи отличительной чертой памятников волынцевского типа, неоднократно отмечались исследователями. Еще в начале раскопок поселения и могильника у с. Волынцево Д. Т. Березовец указал на присутствие четырех компонентов в наборе керамики. Он выделил группу грубой лепной посуды,

близкую роменской по облику и способу изготовления; характерные гончарные чернолощенные сосуды с высоким прямым венчиком, которые стали называться «горшками волынцевского типа»; лепные подражания им, выполненные из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, с заглаженной или подлощенной поверхностью; обломки привозных амфор¹.

Лепная керамика волынцевских памятников привлекалась для сопоставления с керамикой роменской культуры (С. П. Юренко, А. А. Узянов) и памятников VIII—IX вв. на правобережье Днепра (В. А. Петрашенок), в результате чего была установлена преемственность традиций изготовления посуды у населения, оставившего волынцевские памятники и достоверно славянскую культуру IX в.²

Особого внимания заслуживают те формы лепной керамики, которые роднят комплекс волынцевской посуды с керамикой третьей четверти I тысячелетия н. э. Д. Т. Березовец отмечал, что при раскопках поселения у с. Волынцево встречались «обломки сосудов, близких к керамике Колочинского городища»³. О. В. Сухобоков в книге «Славяне днепровского левобережья» привел образцы форм лепной керамики из Волынцева⁴. Однако достоверная полевая документация по всем объектам раскопок Д. Т. Березовца в Волынцеве отсутствует. Е. А. Горюнов предположил существование на поселении нарушенного культурного слоя третьей четверти I тысячелетия н. э., материалы из которого смешались с достоверно волынцевскими в заполнениях жилищ и хозяйственных ям⁵. Он отмечал близость отдельных форм лепной керамики наиболее ранних волынцевских комплексов характерным типам посуды пеньковской культуры⁶.

Доследование Волынцева, проведенное С. П. Юренко, показало, что памятник однороден в культурном отношении и «архаические» элементы характеризуют один из этапов существования поселения волынцевского типа. В отличие от Д. Т. Березовца, исследовательница соотнесла их не с колочинской, а с пеньковской керамикой⁷.

Керамика, характерная для третьей четверти I тысячелетия н. э., встречена также в волынцевских горизонтах поселений Вовки, Беседовка, Хитцы, Роище, Ходосовка, Обухов II. Она отсутствует в могильниках волынцевского типа, на Сосницком поселении и Битицком городище, материалы которых представлены небольшими коллекциями и являются наиболее поздними среди волынцевских древностей.

Чтобы охарактеризовать основные формы «архической» керамики и определить ее место в керамике памятников волынцевского типа, рассмотрим материалы, происходящие из документированных комплексов 21 жилища поселения Волынцево⁸, восьми жилищ Ходосовки⁹, пяти — Вовков¹⁰. Выбор памятников обусловлен тем, что, хотя не все они являются однослойными, ни один из них не содержит горизонтов, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э., кроме волынцевских. Это практически исключает случайность попадания в комплексы отдельных жилищ керамики, близкой посуде третьей четверти I тысячелетия н. э.

В рассматриваемую группу входит лепная керамика, изготовленная из отмученной глины с небольшой примесью мелкого и среднего шамота и песка, с ровной, подглаженной поверхностью. За редкими исключениями, она лишена орнамента. Основные виды «архической» керамики и некоторые редкие формы представлены на рис. 1. Наиболее часто встречающиеся округлобокие и биконические горшки находят прямые аналогии среди керамики позднего этапа пеньковской культуры Поднепровья. Так, слабопрофилированные округлобокие сосуды с незначительным отгибом венчика и наибольшим расширением в верхней части тулова (вид I, 1; рис. 1, 1, 2) или посредине высоты (вид I, 2; рис. 1, 3—5) соотносятся с первым и вторым вариантами второго вида пеньковской керамики по классификации Е. А. Горюнова, составленной по материалам поселения Хитцы¹¹, и со вторым и третьим типами по классификации О. М. Приходнюка для пеньковской керамики правобережья Дне-

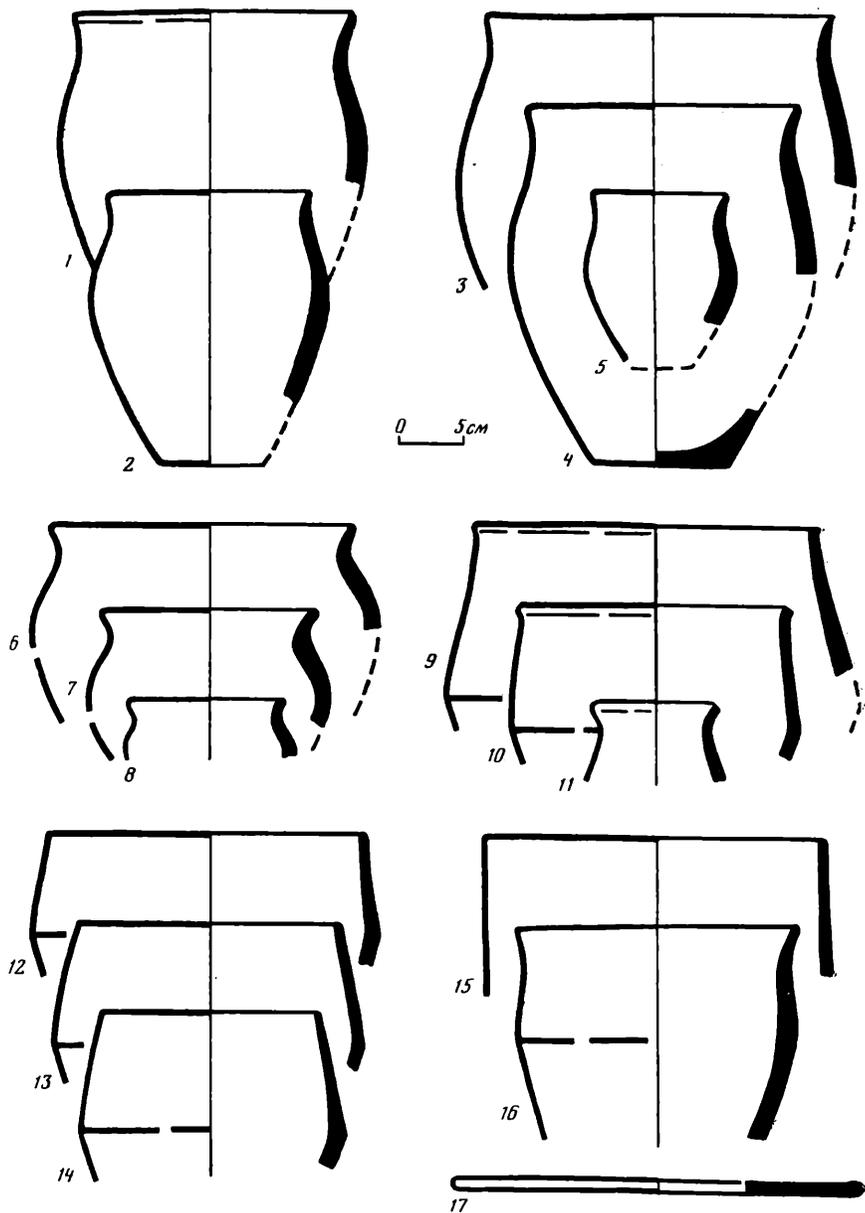

Рис. 1. Основные виды ранней керамики с поселений волынцевского типа

1, 2 — вид I, 1; 3—5 — вид I, 2; 6—8 — вид I, 3; 9—11 — вид II, 1; 12—14 — вид II, 2; 15, 16 — редкие формы; 17 — диск; 1, 3, 7, 9—17 — Волынцево; 2, 6, 8 — Ходосовка; 4, 5 — Вовки

пра¹². Округлобокие горшки с более выраженными плечиками и отогнутыми венчиками (вид I, 3; рис. 1, 6—8) сопоставляются с третьим подтипом первого типа керамики сахновского этапа пеньковской культуры по О. М. Приходнюку¹³.

Биконические сосуды с отогнутым венчиком (вид II, 1; рис. 1, 9—11) и без венчика (вид II, 2; рис. 1, 12—14) также аналогичны пеньковским (ср. первый и второй варианты первого вида пеньковской керамики по классификации Е. А. Горюнова, первый тип пеньковской и третий тип сахновской керамики по О. М. Приходнюку¹⁴).

Кроме описанных, встречаются, но не образуют серий сосуды цилиндрикоконические (рис. 1, 15) и тюльпановидные (рис. 1, 16), попадаются фрагменты массивных зерновиков с продольным валиком под

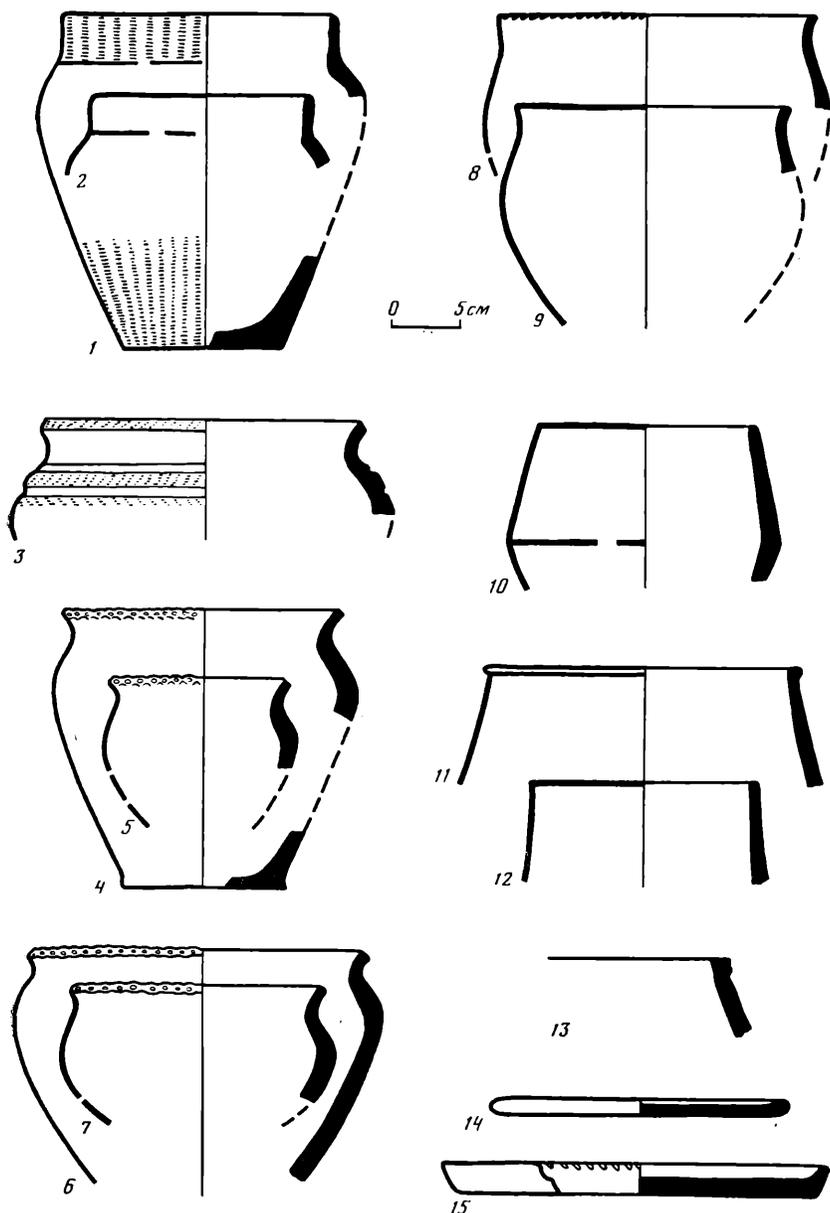

Рис. 2. Керамика из жилища 19 поселения Волынцево

1—3 — гончарная; 4—15 — лепная; 8—14 — ранние виды лепной

венчиком (рис. 2, 13). Представлены в небольшом количестве и плоские диски — крышки (рис. 1, 17).

В ряде комплексов на волынцевских памятниках керамика описанных видов встречается вместе с гончарной и грубой лепной посудой с обильной примесью шамота в тесте, шероховатой поверхностью, значительно отогнутым венчиком, орнаментом в виде пальцевых вдавлений или оттисков палочки (рис. 2).

На рис. 3 представлены распределение видов «архаической» керамики по комплексам жилищ Ходосовки, Вовков и Волынцева и ее соотношение с некоторыми группами, характерными для памятников волынцевского типа. В графах учтены: 1) лепные подражания гончарным горшкам волынцевского типа; 2) грубые лепные сосуды, украшенные оттисками обмотанной веревочкой палочки, — характерным «роменским»

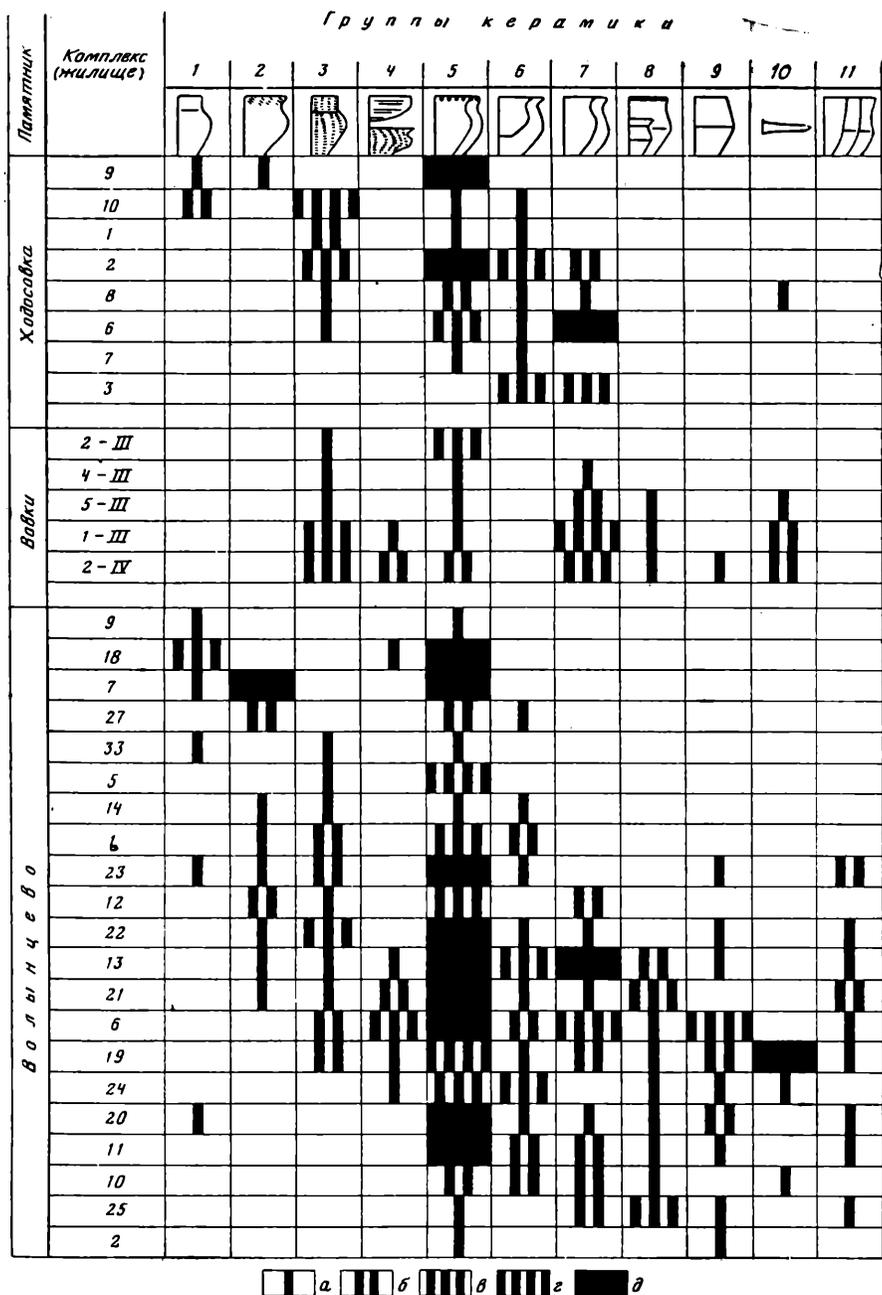

Рис. 3. Распределение групп керамики в жилищах поселений волынцевского типа. а — один фрагмент; б — два фрагмента; в — три фрагмента; г — четыре фрагмента; д — пять и более фрагментов

орнаментом; 3) гончарные лощеные сосуды с прямым высоким венчиком — горшки волынцевского типа; 4) прочие формы гончарной лощеной керамики, встреченные на волынцевских памятниках, но не образующие серий, — миски, сырницы и др.; 5) лепная грубая сильно шамотированная керамика, относящаяся к посуде, характерной для памятников типа Сахновки и Луки Райковецкой и для роменской культуры (горшки с пальцевыми вдавлениями по венчику и сковородки с высоким бортиком); 6—11) группа «архаической» керамики: 6) вид I, 3; 7) виды I, 1

и I, 2; 8) вид II, 1; 9) вид II, 2; 10) диски; 11) редкие формы — тюльпановидные, цилиндроконические и др.

Следует отметить, что объединение в пятой графе разных типов сосудов, сближающихся лишь по наличию грубых примесей в составе теста, характеру поверхности и орнаментации, условно. Их детальное исследование выходит за рамки данной работы и мало что дает для характеристики группы ранней керамики. По тем же причинам не рассматриваются изредка встречающиеся на волынцевских памятниках сосуды кочевнического облика, амфоры салтовского типа и некоторые другие группы посуды.

При анализе распределения материала прежде всего привлекает внимание, что ранние виды керамики неравномерно представлены на разных памятниках. Так, из керамики вида 11 сосуды с ребром не встречены в Ходосовке, а тюльпановидные и цилиндроконические сосуды происходят только из Волынцева. Вероятно, отмеченные особенности свидетельствуют о преемственной связи ранних элементов волынцевского керамического комплекса с керамикой, характерной для местной культуры предшествующего времени — VI—VII вв. Ареал памятников волынцевского типа охватывает территории, на которых в более раннее время были распространены памятники пеньковской и колочинской культур, и контактную зону между ними на левобережье, а также выделенную В. А. Петрашенко северосреднеднепровскую группу памятников на правом берегу Днепра¹⁵.

Находки в ряде жилищ Волынцева наряду с округлобкими и биконическими некоторого числа цилиндроконических и тюльпановидных сосудов, характерных для колочинской культуры, распространенной в среднем течении Сейма до рубежа VII—VIII вв., указывают на то, что наиболее ранние комплексы Волынцева хронологически смыкаются с колочинской культурой. Появляется возможность говорить об участии колочинского населения в формировании культуры волынцевского типа в Посеймье, Подесенье, верхнем течении Сулы и Псла, что подтверждается материалами не только Волынцева, но и других памятников (Роище, Беседовка).

По-видимому, таким же образом объясняется отсутствие ребристой керамики в Ходосовке. Для культуры VII—начала VIII в. в Киевском Поднепровье не характерны биконические сосуды, а цилиндроконические горшки с отогнутым венчиком известны на сахновских памятниках Поросья лишь единицами¹⁶. Переход от культуры VI—VII вв. к волынцевской VIII—начала IX в. зафиксирован на многослойном памятнике Обухов II, где выделены комплексы первой половины VIII в., типологически являющиеся связующим звеном между двумя этими периодами¹⁷. Региональные особенности поднепровской части волынцевских памятников проявляются не только в видовом составе керамики ранней группы. Так, именно в этом районе отмечено присутствие в волынцевских комплексах горшков типа Луки Райковецкой¹⁸.

В ранней группе керамики из Вовков, самого южного поселения волынцевского типа, представлены как округлобокые, так и биконические сосуды, характерные для пеньковской культуры, распространенной в среднем и нижнем течении Сулы, Псла и Ворсклы, и известные по керамике Хитцов. Пеньковские формы, округлобокые или биконические, обнаруживаются в комплексе ранней керамики всех рассмотренных памятников. Их распространение на волынцевских поселениях выходит за пределы ареала пеньковской культуры. Керамика «южного» облика встречена в Волынцеве, Роище, в близких волынцевским комплексах Целикова Бугра и Стрелицы в Подесенье. Е. А. Горюнов предполагал, что появление этих памятников связано с этнокультурным сдвигом, с продвижением в VII—начале VIII в. пеньковского населения на север под нажимом кочевников¹⁹. Рассматриваемые материалы не дают оснований для пересмотра этой точки зрения. Оговоримся, что под этнокультурным сдвигом следует понимать не механическое передвижение пеньковского

населения на север, а его вживание в среду близкого в культурном отношении и, вероятно, этнически родственного колочинского населения. Этим, по-видимому, объясняется совместное бытование пеньковских и колочинских форм в ряде комплексов Волынцева.

Обнаруживается ряд закономерностей в встречаемости различных групп керамики в жилищах, позволяющий выделить несколько этапов развития керамического комплекса. Так, на Волынцевском поселении выделяются пять комплексов (жилища 2, 10, 11, 20, сооружение 25), в которых керамика ранней группы представлена всеми выделенными выше видами и сосуществует с грубой лепной посудой с шероховатой от обильной примеси шамота в тесте поверхностью и пальцевым орнаментом по венчику. Два таких же комплекса происходят из Ходосовки (жилища 3 и 7). Сочетание посуды пеньковского облика с сильно шамотированной керамикой более профилированных форм характерно для памятников типа Сахновки, которые относятся ко времени с середины VII до середины VIII в. в Среднем Поднепровье. На днепровском левобережье и в Подесенье сходные с сахновскими комплексы датируются несколько более поздним временем, начиная от рубежа VII и VIII вв.²⁰ Памятники типа Сахновки известны и за пределами Среднего Поднепровья (Сущаны-Хмельник на Уборти, на Северском Донце), где они относятся к VIII в.²¹ Подобные комплексы являются самыми ранними на поселениях волынцевского типа.

К следующему этапу относятся жилища, керамические комплексы которых отличаются от предшествующих наличием в них гончарной керамики, представленной лощеными сосудами волынцевского типа, а также другими формами — сырницами, низкими горшками, мисками (Волынцево, жилища 6, 13, 19, 21, 24; Вовки, жилища 1-III и 2-IV). В Ходосовке гончарная лощеная керамика присутствует лишь в виде сосудов волынцевского типа (жилища 6—8).

Третий этап характеризуется исчезновением гончарной лощеной керамики редких форм и резким сокращением количества видов ранней керамики, которая представлена теперь лишь округлобокой керамикой вида I, 3 в Ходосовке (жилища 1, 2, 10) и Волынцеве (жилища 1, 12, 14, 22, 23) и видов I, 1 и I, 2 в Вовках (жилища 4-III, 5-III), а в отдельных случаях совсем отсутствует. Почти в каждом жилище третьего этапа в Волынцеве обнаружены фрагменты керамики с оттисками обмотанной ниткой палочки, иногда — лепные подражания гончарным сосудам. Такой набор керамики традиционно считается характерно волынцевским, так как встречается на всех памятниках этого типа, включая могильники и такие поселения, как Битица и Сосница.

Наконец, четвертый этап представлен комплексами, где гончарная керамика волынцевского типа замещена лепными подражаниями ей и полностью исчезли ранние виды посуды (Волынцево, жилища 7, 9, 18, 27; Ходосовка, жилище 9). Встречаются сосуды с «роменским» орнаментом, иногда в большом количестве (Волынцево, жилище 7). В ряде случаев вещевые находки и стратиграфические наблюдения показывают, что жилища с таким составом керамики относятся к заключительному периоду развития волынцевских памятников, вплотную смыкающемуся с роменской культурой IX в. на левобережье Днепра²².

Постепенное изживание ранних видов в керамическом комплексе волынцевских памятников и его сближение с роменским служит еще одним подтверждением того, что памятники волынцевского типа выступают в качестве переходного звена, связующего археологические культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. с достоверно славянскими памятниками IX в. в Киевском Поднепровье и в особенности — на левобережье. Ранние виды представлены на первых двух этапах развития керамического комплекса достаточно широко, иногда количественно преобладают среди лепной керамики. По-видимому, бытование керамических комплексов первого типа без гончарной чернолощеной керамики можно соотносить по времени с памятниками типа Сахновки в Поросье, т. е. с концом

VII—началом VIII в., имея в виду то обстоятельство, что на волынцевских памятниках не встречены вещи, бытование которых ограничивалось бы VII в.

Появление группы чернолощеной гончарной керамики придает своеобразие комплексам второго и третьего этапов. Нужно отметить, что эта керамика, выполненная в традициях салтовского гончарства, и типологически не связывается с формами более раннего времени, хотя ряд исследователей считают форму гончарного горшка волынцевского типа с высоким венчиком славянской²³. Форма «волынцевского горшка» действительно приживается в лепной славянской керамике и существует вплоть до XI в., но это не прототип, а подражание гончарным сосудам волынцевского типа, которое бытует в основном после исчезновения последних, в частности и на самих волынцевских памятниках (четвертый этап развития керамического комплекса).

Привлекает внимание однообразие гончарной керамики на всей территории распространения волынцевских памятников. Различие в наборе форм гончарной посуды между комплексами второго и третьего этапов обусловлено, по-видимому, их разной датой, на что указывают изменения в количестве и видовом составе ранней группы керамики. Однако доля гончарной керамики на волынцевских памятниках с комплексами второго и третьего этапов зависит, вероятно, от их удаленности от места ее изготовления. Так, если памятники Подесенья Роище, Стрелица, Целиков Бугор, Макча причисляются к волынцевским по находкам отдельных фрагментов гончарной керамики, то на памятниках Поднепровья и в Волынцеве ее доля доходит до 10%. Среди находок из культурного слоя и жилищ Вовков гончарная керамика составляет 40%. Наконец, в Битице гончарная керамика преобладает над лепной.

Можно предполагать, что изготовление гончарной керамики происходило где-то в районе верхнего Псла, откуда она и распространялась по левобережью и Поднепровью. Появление центра производства «салтоидной» гончарной керамики, по-видимому, совпадает по времени с проникновением в Среднее Поднепровье и в частности на волынцевские памятники вещей салтовской культуры, что отражает усиление активности кочевников в этом регионе в середине VIII в.

В качестве предположения предлагаем следующую интерпретацию наблюдений над закономерностями распределения различных, в том числе ранних, видов керамики на волынцевских памятниках. Сохранение местных традиций в сочетании с распространением пеньковских форм в ранней керамике на первых этапах развития керамического комплекса отражает участие в создании волынцевской культуры местного населения в Киевском Поднепровье (Ходосовка) и на левобережье Днепра (Волынцево) наряду с продвинувшимися сюда с юга носителями пеньковской культуры, которая послужила основой для формирования памятников волынцевского типа в части их ареала. Комплексы первого этапа мало чем отличаются от сахновских, которые выступают в Среднем Поднепровье как переходное звено между археологической культурой третьей четверти I тысячелетия н. э. и достоверно славянскими памятниками конца VIII—IX в. Специфику керамическому комплексу волынцевских памятников придает гончарная керамика, которая появляется, по всей видимости, в середине VIII в. Центр ее производства находится в ареале волынцевских памятников. Она не имеет прототипов среди лепной керамики ранних видов, и ее изготовление, видимо, связано с деятельностью пришлого салтовского населения, присутствие которого в Среднем Поднепровье в то время фиксируется и по другим данным. К середине VIII в. нужно отнести, вероятно, и изживание в керамическом комплексе традиций третьей четверти I тысячелетия н. э. — пеньковских и колочинских на левобережье. Эту дату подтверждают находки пеньковской керамики в Дмитровском могильнике²⁴ и сосуществование типичной салтовской и пеньковской посуды на некоторых поселениях Харьковщины²⁵.

- ¹ *Березовець Д. Т.* До питання про літописних сіверян. — В кн.: Археологія. Київ, 1953, т. VIII, с. 35, 36.
- ² *Узянов А. А.* Роменская керамика как источник хронологического членения культуры. — В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981, с. 103, 104; *Юренко С. П.* Днепровское лесостепное левобережье в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983, с. 9, 10, 15, 16; *Петрашенко В. А.* О культурной принадлежности памятников лесостепного правобережного Поднепровья. — В кн.: Актуальные проблемы..., с. 101, 102.
- ³ *Березовець Д. Т.* Новые раскопки в с. Волынцево. — В кн.: Археологические исследования на Украине. Киев, 1967, вып. 1, с. 169.
- ⁴ *Сухобоков О. В.* Славяне днепровского левобережья. Киев, 1975, с. 33, рис. 10.
- ⁵ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян днепровского левобережья. Л., 1981, с. 54.
- ⁶ Там же, с. 90.
- ⁷ *Юренко С. П.* Исследования раннеславянского поселения у с. Волынцево. — АО 1980 г. М., 1981, с. 327, 328; *Она же.* Работы Волынцевского отряда. — АО 1981 г. М., 1982, с. 337.
- ⁸ Научные фонды ИА АН УССР, кол. 110: раскопки Д. Т. Березовца за 1948—1949, 1953, 1965—1966 гг.
- ⁹ Там же, кол. 729: разведки Р. С. Орлова за 1969 г.; кол. 731: разведки и раскопки О. В. Сухобокова за 1970 и 1972 гг.
- ¹⁰ Фонды ЛОИА: раскопки Е. А. Горюнова за 1975 и 1977 гг.
- ¹¹ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы..., с. 72, рис. 24.
- ¹² *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX вв. н. э. Київ, 1980, с. 31.
- ¹³ Там же, с. 49, рис. 27.
- ¹⁴ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы..., с. 72, рис. 24; *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки..., с. 31, рис. 9; 11.
- ¹⁵ *Петрашенко В. А.* О культурной принадлежности..., с. 102.
- ¹⁶ *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки..., с. 51, табл. 2.
- ¹⁷ *Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Стугне. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 88.
- ¹⁸ Там же, с. 89; *Савчук А. П.* Раннеслов'янське поселення поблизу Переяслава-Хмельницького. — В кн.: Археологія. Київ, 1983, вип. 42, с. 89, 90.
- ¹⁹ *Горюнов Е. А.* Ранние этапы..., с. 94.
- ²⁰ Там же, с. 26, 127.
- ²¹ *Шукин М. Б.* Славянское поселение Суцаны-Хмельник на р. Уборти. — В кн.: Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982, с. 101; *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Белгородско-Деснинская экспедиция. — АО 1978 г. М., 1979, с. 93.
- ²² *Сухобоков О. В.* До питання про пам'ятки волянцевського типу. — В кн.: Археологія. Київ, 1977, вип. 22, с. 58, 64; *Березовець Д. Т.* Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. в 1948 г. Архив ИА АН УССР, ф. э. 866, 1948/10.
- ²³ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 121; *Флеров В. С.* Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 3, 4.
- ²⁴ *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 108—118.
- ²⁵ *Дьяченко А. Г.* Работы Славянского отряда. — АО 1976 г. М., 1977, с. 292.

А. М. СПИРИДОНОВ

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ КУРГАНОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Культура курганов юго-восточного Приладожья X—XII вв. относится к числу наиболее изученных раннесредневековых древностей северо-запада РСФСР. Детальное исследование инвентаря и погребальной обрядности позволило поставить и решить многие проблемы истории населения региона в древнерусское время¹. Остается, однако, ряд невыясненных вопросов. Керамическая посуда составляет, пожалуй, наименее изученную категорию инвентаря погребений, а между тем она более чем что-либо иное характеризует бытовую, а не ритуальную сторону жизни населения, оставившего курганы. К посуде из приладожских курганов обращалась Я. В. Станкевич и использовала ее в качестве аналогий при классификации керамики Старой Ладоги². Общий обзор керамического материала и его первичная классификация выполнены С. И. Кочкуркиной³.

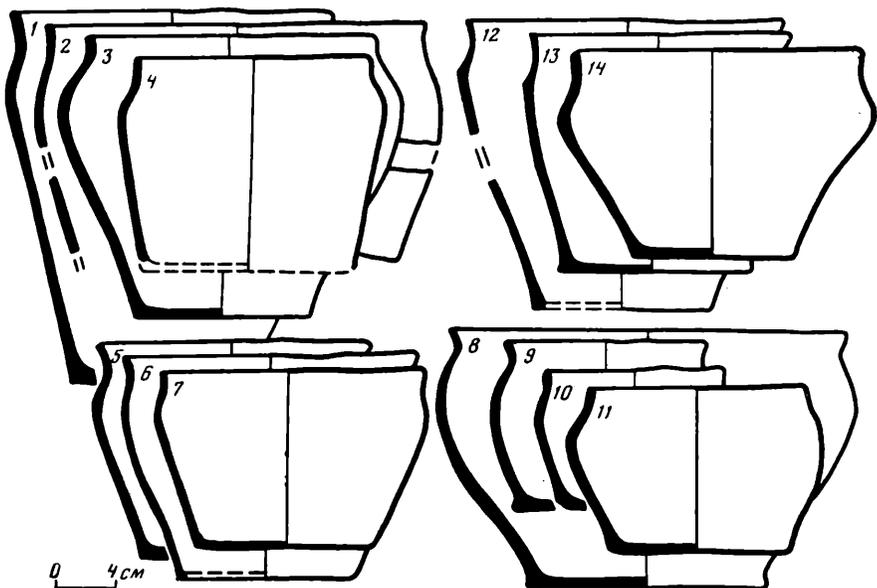

Рис. 1. Ведущие типы лепной керамики из приладожских курганов

1—11 — тип I: 1—4 — вид А, 5—7 — вид Б, 8—11 — вид В; 12—14 — тип II: 12, 13 — вид А, 14 — вид Б; 1 — Новосельск 6 (VI); 2 — Яровщина 6 (III); 3 — Чехихино 1 (III); 4 — Шангеничи-лес 8; 5, 8 — Заозерье 6 (VII); 6, 10 — Нюбиничи 1; 7 — Гайгово 1; 9 — Вичугино 2 (III); 11 — Нюбиничи 8; 12 — Нюбиничи 2; 13 — Шангеничи-лес 7; 14 — Сязнега 9 (III).
Здесь и в подписи к рис. 2 цифры после названия памятника означают: арабские — номера курганов; римские — номера комплексов

В настоящей статье предпринята попытка систематизации лепной керамики из раскопок приладожских курганов. Используются коллекции Н. Е. Бранденбурга⁴, В. И. Равдоникаса⁵, А. М. Линецкого⁶ и С. И. Кочуркиной⁷.

Учено 76 сосудов: 44 — целые или полностью реконструируемые графически; 32 — представленные лишь фрагментами, по которым в 10 случаях восстанавливается верхняя часть сосуда. Таким образом, лишь 54 сосуда оказались пригодными для типологической обработки. Глиняное тесто лепной керамики содержит примесь крупных или средних зерен дресвы, редко — песка; обжиг довольно слабый, черепки в массе легко крошатся. Поверхность сосудов шероховатая, с выступающими зернами отощителя, и лишь у небольшой части она заглажена более тщательно.

По особенностям формы лепная керамика разделена на два типа. Тип I представлен горшковидными сосудами с плавными очертаниями профиля. По различиям в пропорциях выделяются три вида (табл. 1). Вид А (9 экз.) — крупные, более или менее профилированные горшки с выступающими плечиками, толстыми (0,7—1 см) стенками, прямым или чуть отогнутым наружу венчиком, край которого может быть срезан прямо, под небольшим углом наружу или скруглен (рис. 1, 1—4). Два целых сосуда этого вида, найденных на южных окраинах ареала приладожской курганной культуры, характеризуются относительно высокими пропорциями (рис. 1, 1, 3). К виду Б (8 экз.) относятся более приземистые горшки средних размеров. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 0,7 см, край отогнутого наружу венчика обычно скруглен (рис. 1, 5—7). Один сосуд этого вида орнаментирован по плечу и верхней части тулова двумя рядами оттисков кругов, сделанных, очевидно, трубчатой костью. Вид В (13 экз.) — приземистые, за одним исключением (рис. 1, 8), небольшие горшки с выступающими плечиками и обычно несколько раздутым туловом, у которых диаметр горла равен или незначи-

Таблица 1
Распределение типов и видов лепной керамики по комплексам

Комплекс	Тип, вид				
	IA	IB	IV	IIA	IIB
Акулова Гора 7 *	—	—	1	—	—
Валданица 1	1	—	1	—	—
Вичугино 2 (III)	—	—	1	—	—
Гайгово 1	—	—	2	—	—
Заозерье 6 (I)	—	—	1	—	—
Заозерье 6 (VII)	—	1	1	—	—
Новинка 7?	1	—	—	—	—
Новинка 8?	—	—	—	—	1
Новинка 9?	1	—	—	1	—
Новосельск 6 (VI)	—	—	1	—	—
Новосельск 6 (VII)	1	1	—	—	—
Нюбиничи 1	—	1	1	—	—
Нюбиничи 2	—	1	1	2	—
Нюбиничи 8	1	2	1	—	—
Нюбиничи 9	—	—	2	—	—
Сязнега 9 (III)	—	—	—	—	2
Усть-Рыбижна 19 (I)	—	—	1	—	—
Чемихино 1 (III)	1	1	—	—	—
Чемихино 5 (V)	—	1	—	—	—
Шагеничи-лес 7	—	—	—	1	—
Шагеничи-лес 8	1	—	—	—	—
Шагеничи-лес 18	—	—	—	—	1
Шагеничи-лес 26	1	—	—	—	—
Яровщина 6 (III)	1	—	—	—	—
Итого	9	8	14	4	4

* В графе «Комплекс» арабскими цифрами обозначены номера курганов, римскими — номера комплексов.

тельно превышает диаметр дна. Толщина стенок 0,5—0,9 см. Короткий венчик может быть отогнутым наружу или внутрь сосуда, может быть прямым, край его срезан прямо, под углом наружу или скруглен (рис. 1, 8—11). На сосуде, найденном в комплексе сожжения в лагере у д. Усть-Рыбижна⁸, по плечу идет ряд пальцевых вдавлений. К этому же виду можно отнести фрагменты слабопрофилированного сосуда редко встречающейся баночной формы, найденные в кургане Валданица 1⁹.

К типу II отнесены горшки с ребристыми очертаниями плечиков. По различиям в пропорциях они разделены на два вида. Вид А (4 экз.) представлен сосудами вытянутых пропорций с ребристыми плечиками, располагающимися в верхней четверти высоты. Край прямого или чуть отогнутого наружу венчика срезан горизонтально. Толщина стенок 0,5—0,7 см. На двух сосудах этого вида заметны не обычные для прочей лепной керамики вертикальные штрихи от заглаживания (рис. 1, 12, 13). Вид Б (4 экз.) — приземистые сосуды со сглаженно-ребристыми плечиками, располагающимися в верхней трети высоты. Венчик немного отогнут наружу, край его срезан прямо, под небольшим углом или скруглен. Толщина стенок 0,7—0,9 см (рис. 1, 14). Два сосуда, происходящие с р. Сязнега, очень слабо обожжены и имеют подлощенную поверхность¹⁰.

Выделенные типы и виды лепной керамики находят широкие аналогии в курганах с трупосожжением и на синхронных им поселениях Северо-Запада. Отличительной чертой приладожской посуды можно считать преобладание приземистых горшковидных керамических форм типа I, что вообще характерно для раннесредневековых финских древностей северных окраин Руси¹¹. Сосуды с ребристым профилем типа II относятся к так называемому ладожскому типу¹², который доминирует также на поселениях Поволжья¹³, хорошо представлен в сопках и других па-

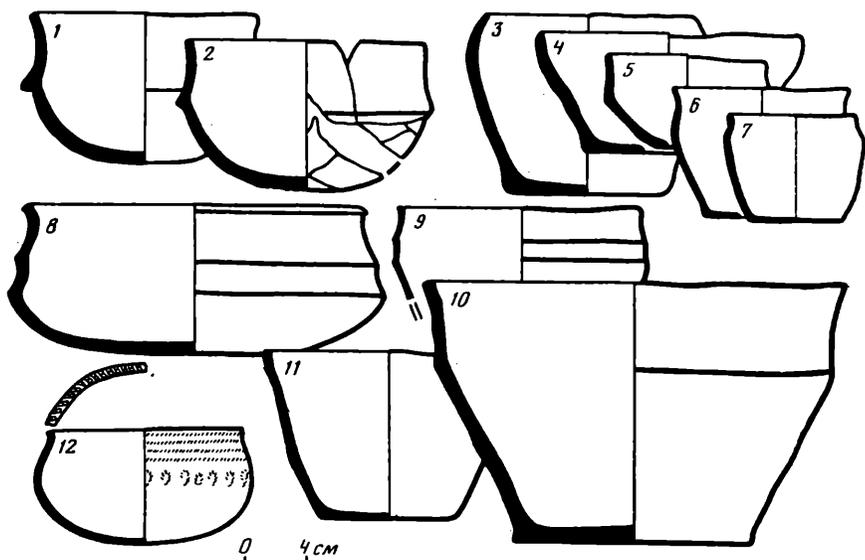

Рис. 2. Заимствованные формы лепной керамики из приладожских курганов

1 — Новосельск 4 (IV); 2 — Сязнега 4 (II); 3—7 — Гайгово 4; 8 — Шагеничи-село 1; 9 — Ньюби-ничи 1; 10 — Гайгово 1; 11 — Шагеничи-село 13; 12 — Акулова Гора 5

мятниках Новгородской и Псковской земель¹⁴ и юго-восточной Эстонии¹⁵, но, в отличие от этих, более южных территорий, в юго-восточном Приладожье он встречен в сравнительно небольшом числе экземпляров. На некоторых приладожских сосудах этого типа отмечены подлощенная поверхность и вертикальные штрихи от заглаживания, не характерные для местной посуды. В целом ребристую форму сосудов следует рассматривать как свидетельство тесных связей населения, оставившего курганы, с Северной Русью и прежде всего со Старой Ладогой¹⁶, но если в северорусских городских центрах этот тип исчезает в первой половине X в., то в Приладожье, как и в Белоозере¹⁷, он, видимо, бытует на протяжении всего этого столетия. Лепная посуда типа I бытовала в Приладожье еще более длительное время. Как видно из табл. 2¹⁸, можно предполагать использование сосудов данного типа даже в погребениях второй половины XI—начала XII в. Картографирование типов и видов лепной керамики не позволило выявить какие-либо закономерности в их распределении в пределах ареала культуры (возможно, это связано и с тем, что коллекции дореволюционных и довоенных раскопок сохранились неполностью и частично депортированы). Отметим лишь, что все четыре сосуда типа IIa встречены в курганах на р. Оять.

В представленную типологическую схему лепной керамики из приладожских курганов не вошли 14 сосудов, которые можно со всем основанием считать привозными или изготовленными в Приладожье по привозным образцам. Поскольку они составляют около четверти всей типологически определяемой лепной керамики, на этих сосудах следует остановиться подробнее. Необычен керамический набор из разрушенного женского трупосожжения кургана Гайгово 1, включающий три небольших горшочка с венчиком, загнутым внутрь сосуда (рис. 2, 3—7). Этот достаточно выразительный керамический комплекс имеет многочисленные аналогии в скандинавском круге древностей¹⁹. В Восточной Европе аналогичные сосуды с загнутым внутрь венчиком известны лишь в Ярославском Поволжье²⁰. Встречено пять круглодонных сосудов. Два из них — из курганов Акулова Гора 5 (рис. 2, 12) и Кумбита 9²¹ — относятся к типам, широко распространенным в бассейнах Камы и Вычегды. Появление таких сосудов в более западных районах, вплоть до Прибалтики, видимо,

Таблица 2
Датированные комплексы с лепной керамикой

Тип, вид	Дата						Всего
	X в.	X—начало XI в.	X—XI вв.	первая половина XI в.	XI в.	XI—XII вв.	
IA	—	2	2	2	1?	—	7?
IB	1	3	2	1	—	—	7
IV	2	2	2	3	—	1	10
IIA	—	2	—	—	—	1?	3?
IIB	—	1	1	—	—	1?	3?
Фрагменты	—	2	—	2	—	1	5
Итого	3	12	7	8	1?	4?	35?

связано с инфильтрацией сюда в период раннего средневековья небольших групп пермского населения²². Два небольших подлощенных чашевидных сосуда выделяются идущими по плечикам валикообразными утолщениями (рис. 2, 1, 2). Ссылаясь на первый из них, Е. И. Горюнова²³ и вслед за ней Н. А. Макаров²⁴ посчитали этот тип сосудов в Приладожье связанным с камско-вычегодскими древностями, что едва ли правомерно. Я. В. Станкевич определила валик на том же сосуде как техническую деталь, указывающую на формовку чаш такого типа в мискообразной деревянной подставке, и привела аналогии из Скандинавии²⁵. Д. Селлинг учла в материковой Швеции 11 находок подобных сосудов, датирующихся X в., и на основании единичных аналогий в юго-западной Финляндии предположила, что чаши с «уступчатым» профилем происходят отсюда²⁶. Нам неизвестны другие финляндские находки, но подобные чаши отмечены в керамическом материале Изборского городища²⁷ и ряда других памятников Псковщины, восточного побережья Чудского озера и восточной Эстонии, правда, повсюду в небольшом числе²⁸. С другой стороны, с керамикой этого же региона сопоставима целая серия иных лепных сосудов из приладожских курганов: объемистая подлощенная чаша и фрагменты тонкостенного, видимо плоскодонного, сосуда, украшенные широкой горизонтальной каннелюрой по плечикам и найденные в комплексах X в. (рис. 2, 8, 9)²⁹, два сосуда с едва намеченным плечиком и коротким, чуть отогнутым венчиком из курганов Ньюбиничи 9 и Вичугино 2³⁰, а также, вероятно, одна целая (рис. 2, 11) и фрагмент другой миски без выделенной шейки (Ньюбиничи 2) и широкогорлый подлощенный сосуд цилиндрической формы (рис. 2, 10)³¹. Намеченное по керамике направление связей с территориями Псковщины и восточной Эстонии представляется тем более интересным, что оно не фиксируется по другим категориям инвентаря захоронений.

Относительно большое количество заимствованных форм в лепной керамике из приладожских курганов отражает широкие и оживленные внешние контакты культуры и сложный этнический состав населения юго-восточного Приладожья в конце I—начале II тысячелетия.

¹ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; Назаренко В. А. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

² Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. — СА, 1951, XV, с. 231—246, рис. 9, 5, 6.

³ Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье. ... с. 46, 47, табл. 5.

⁴ ГИМ, кол. № 32778, оп. 137; ОИПК ГЭ, кол. № 886/69, 70.

⁵ ОИПК ГЭ, кол. № 700; Петрозаводский краеведческий музей, ф. Карельского музея.

⁶ Фонды сектора археологии Ин-та языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР; Петрозаводский краеведческий музей.

⁷ Фонды сектора археологии Ин-та языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

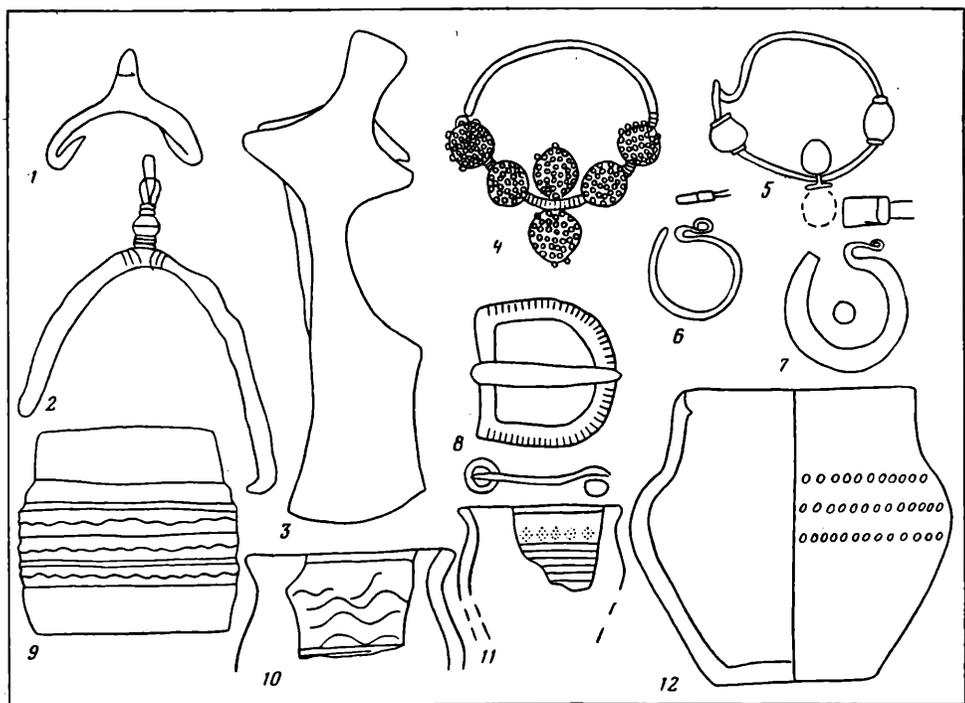
⁸ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18, с. 101, 102, табл. X, 3.

- ⁹ Ср.: *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА, 1976, 146, с. 7, 8, рис. 2, тип IVв.
- ¹⁰ *Кочуркина С. И.* Новые курганы в юго-восточном Приладожье. — В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978, с. 119, рис. 10. См. также: *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. — ЗОРСА, 1915, т. XI, рис. 5, 3.
- ¹¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 24.
- ¹² *Станкевич Я. В.* Классификация керамики..., с. 233, 234.
- ¹³ *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов. — КСИА, 1976, 146, с. 77.
- ¹⁴ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 24; *Смирнова Г. П.* Лепная керамика..., с. 4—7, типы II и III.
- ¹⁵ *Аун М.* Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. — В кн.: Изв. АН ЭССР, общ. науки, 1976, 4, с. 352, рис. 4, 1—4, тип. 1.
- ¹⁶ *Назаренко В. А.* Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 106—115.
- ¹⁷ *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 150, рис. 53, 32.
- ¹⁸ Даты в табл. 2 приводятся в основном по кн.: *Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье..., с. 92—149.
- ¹⁹ *Selling D.* Wikingerzeitliche und Frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955, типы AIV:3a1; AIV:4a.
- ²⁰ *Седых В. Н.* Керамика Тимереvского поселения. — В кн.: *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 194, тип 9А, рис. 49, 16.
- ²¹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья, табл. X, 6.
- ²² *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района. — КСИА, 1983, 175, с. 18—25.
- ²³ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, 94, рис. 59, 9.
- ²⁴ *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды... с. 23.
- ²⁵ *Станкевич Я. В.* Классификация керамики..., с. 234; *Она же.* К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян. — In: Swiatowit. Warszawa, 1961, t. 24, s. 432, 433.
- ²⁶ *Selling D.* Wikingerzeitliche und Frühmittelalterliche Keramik... тип AIV:4c, S. 204—208.
- ²⁷ *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища. — КСИА, 1978, 155, с. 66, рис. 2, В.
- ²⁸ Сведения об этом типе сосудов в указанном регионе любезно предоставлены С. В. Белепким.
- ²⁹ Ср.: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 78; *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской обл. — КСИА, 1977, 150, с. 93—95, рис. 3, 1; *Он же.* Псковское городище (керамика и культурный слой). — В кн.: Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 52, рис. 7, 1, 2, 4; 9, 7 (горшки, тип 7; чаши, тип 3).
- ³⁰ Ср.: *Аун М.* Лепная керамика..., с. 346, рис. 2; 3, 1—6; *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно..., рис. 1, 1; *Он же.* Псковское городище..., с. 52, рис. 6, тип. 5.
- ³¹ *Белецкий С. В.* Псковское городище..., с. 52, рис. 9, 8.

В. Б. ПЕРХАВКО

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И НЕМАНА

В процессе формирования культуры раннесредневекового населения междуречья Днепра и Немана участвовало несколько этнокультурных компонентов. Культура восточнославянских племен, объединенных в союзы дреговичей, кривичей и радимичей, наложилась на местную подоснову и впитала субстратные элементы дославянского населения, относящегося к днепровским балтам. Помимо следов балтского субстрата в раннесредневековой культуре этого региона выделяются и элементы иного происхождения, проникавшие из области расселения западнославянских народов. Сравнение материалов местных раннесредневековых памятников и синхронных западнославянских древностей позволяет вычлениить западнославянские элементы и датировать их, выяснить путем картографирования, каким образом они попали сюда, определить характер западнославянского влияния и его значение для развития раннесредневековой культуры междуречья Днепра и Немана. Рассматривать контакты восточных

Рис. 1. Вещи западнославянского происхождения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана

1, 9 — Волковыск; 2 — Чаплин; 3, 5 — Гнездово; 4 — Эсьмоны; 6 — Дубейково; 7 — Свищев; 8, 11 — Новогрудок; 10 — Городище; 12 — Ратайчицы

и западных славян целесообразно с VII—VIII вв., когда началась дифференциация прежде единой славянской культуры, приведшая впоследствии к выделению славянских народов и сложению трех исторических групп славянства: восточной, западной и южной. Термин «западнославянский», применяемый для элементов, заимствованных с территории Польши, Чехии и Моравии, условен и носит географический характер, так как в период раннего средневековья не существовало особой этнокультурной или политической общности западнославянских народов.

Появление древнейших западнославянских по происхождению предметов на изучаемой территории датируется VIII в. и, возможно, непосредственно связано с освоением славянами междуречья Днепра и Немана. К ним относятся прежде всего железные шпory с острым коническим шипом и загнутыми внутрь крючками на концах, широко распространенные с VI—VII вв. на славянских памятниках Польши и более редкие на территории ГДР и в Моравии. Одна шпора подобной формы со слабоизогнутой дужкой оказалась (случайно или в результате вторичного использования) в заполнении землянки конца X—начала XI в. на Замчище Волковыска (рис. 1, 1). Многочисленные аналогии шпорам этого варианта из польских памятников (Замчиско, Бискупин, Любич и др.) датируются VI—VII вв., но, судя по таким же находкам на поселении Рипнев Львовской обл., к восточным славянам они попали не ранее VIII в.¹ Вторая шпора с загнутыми внутрь крючками имеет большие размеры, шип сложной геометрической формы и сильно изогнутую дужку, покрытую бронзовой инкрустацией. Она происходит из раннесредневековой ямы на территории зарубинецкого могильника Чаплин Гомельской обл. (рис. 1, 2). Наиболее близкие ей по форме шипа, пропорциям и инкрустации шпory известны, например, в Польском Подлясье (городище Климь). Они были распространены в VIII—IX вв.² В междуречье

Днепра и Немана подобные шпоры могли проникнуть, вероятно, через Мазовию, где обнаружены образцы обоих вариантов.

Исходя из восточноевропейского материала, трудно объяснить столь раннее появление в комплексах первой половины VIII в. на селище банцеровской культуры у д. Городище (Мядельский р-н Минской обл.) подправленной сверху на круге посуды, орнаментированной беспорядочными зигзагообразными линиями (рис. 1, 10). Найденный в полуземлянке 27 на этом поселении вместе с фрагментами обточенных на круге сосудов и вещами балтского облика (шпора с отогнутыми наружу крючками на концах дужки, трапецевидная привеска и др.) типично славянский нож с волюттообразным завершением рукоятки как будто бы отражает проникновение каких-то славянских групп в среду местного восточнобалтского населения³. Такая же раннегончарная керамика обнаружена на близлежащем городище у оз. Мядель⁴. Обычай изготовления обточенной керамики не мог быть принесен на Мядельщину с юга, ведь на славянских памятниках Украины гончарная посуда распространяется только с IX в.⁵ Однако обточенная керамика с такой же профилировкой и орнаментом характерна для славянских древностей VII—VIII вв. Великопольши, Малопольши и Мазовии⁶. Отсюда вытекает предположение о ее польском происхождении.

Следующая группа вещей западнославянского происхождения относится к X—XI вв., когда междуречье Днепра и Немана входило уже в состав древнерусского государства. Среди них прежде всего отметим несколько разновидностей гроздевидных серег «волынского», или «екимауцкого», типа. Действительно, на Волини во второй половине X в. существовал один из центров производства подобных серебряных украшений с зернью, но сюда этот тип серег был принесен уже в оформленном виде⁷. Прототипы серег «волынского» типа нужно искать в кочевнических древностях третьей четверти I тысячелетия н. э. Постепенное усложнение форм гроздевидных серег под влиянием провинциально-византийского ремесла можно проследить в материалах аварских могильников Подунавья VII—VIII вв., а довольно разнообразные развитые их типы появляются в великоморавскую эпоху с IX в., в следующем столетии они распространяются из Моравии и Словакии в Польшу, на Волинь, в Поднестровье⁸. Таким образом, к интерпретации находок гроздевидных серег нужно подходить дифференцированно. Так, наиболее точные копии фрагментированной серебряной гроздевидной серьги с перепонкой, найденной в жилище X—начала XI в. на Строчицком городище под Минском (Городище на Менке), можно отыскать среди вещей Борцевского (Волинь) и Гущинского (Черниговщина) кладов⁹. Эта разновидность, кажется, зародилась на Волини, в западнославянских древностях она не встречается. Другая гроздевидная серьга без перепонки и с крупными полыми шариками происходит из Шайбенполя Гродненской обл., а совершенно идентичные серьги обнаружены на городище Екимауцы в Молдавии, в Копиевском (Винницкая обл.) и Токайском (Венгрия) кладах, в мадьярском погребении X в. в Перемышле (Польша)¹⁰. Заметно отличается от них серьга из Эсьмон (Могилевская обл.), на дужке которой нанизаны как бусины четыре полых серебряных шарика с мелкой зернью; по одному шарик у прикреплено снизу и сверху в качестве привески; между шариками на основание дужки навита тонкая серебряная проволока (рис. 1, 4)¹¹. Наиболее близкие по форме и стилю шести- и семибусинные серьги бытовали в Моравии (Микульчице, Старе Место, Пшедомь, Бржецлав-Поганско и другие великоморавские центры) в конце IX—первой половине X в., отсюда они распространялись в Чехию (Юлин, Стара Коуржим) и Польшу¹². Правда, моравские образцы изящнее эсьмонской серьги и украшены чаще всего зернью не сплошь, а в виде ромбов, полосок и других геометрических фигур.

В Эсьмоны этот упрощенный отголосок великоморавского стиля ювелирного искусства проник, возможно, не прямо из Моравии, Чехии или Польши, а через Гнездово — крупное торгово-ремесленное поселение IX—

X вв., в материалах которого прослеживаются западнославянские влияния. Здесь открыта серия вещей западнославянского происхождения. Еще В. И. Сизов отмечал отдельные аналогии гнездовской раннегончарной керамике, украшенной зигзагообразным, ромбовидным и гребенчатым орнаментом и ромбическим решетчатым штампом, в славянских древностях Польского Поморья и Мекленбурга¹³. Е. В. Каменецкая пришла к выводу, что появление в Гнездове круговой посуды и гончарного круга связано с притоком нового населения в 20—30-х годах X в., вероятно, из Моравии и южной Польши; во второй половине или конце X в. сюда проникает в небольшом количестве керамика балтийских славян¹⁴. Единственная на восточнославянской территории находка железного боевого топора-чекана с выступающими узкими щековицами и молоточковидным обушком на основе многочисленных аналогий из аваро-славянских могильников Среднего Подунавья, славянских памятников Моравии, Словакии, Чехии и отчасти Польши может быть отнесена к VIII—X вв., но в Гнездово этот чекан скорее всего был привезен не ранее начала X в. (рис. 1, 3)¹⁵.

В это время здесь появляются и гроздевидные кольца моравского типа (в том числе четырехбусинные) и другие серебряные украшения с зернью (бусы, лунницы, капторги), на связь которых с Моравией уже указывалось в литературе¹⁶. Действительно, уже с IX в. в Моравии появились древнейшие у славян капторги. Ромбовидные привески на цепочках гнездовской капторги напоминают серебряные цепочки с привесками великоморавских серег (Бржецлав-Поганско, Старе Место). По характеру зерненого орнамента гнездовские лунницы также близки моравским¹⁷. Конечно, из-за отсутствия соответствующих данных рано делать вывод о существовании в Гнездове в первой половине X в. ювелирных мастерских по производству подобных украшений, но вряд ли их скопление здесь можно объяснить только импортом. Бесспорно, на разных этапах истории Гнездовского поселения, расположенного в ключевом месте днепровского пути и тесно связанного с соседним путем по Западной Двине, характер западнославянских влияний менялся: сюда из Польского Поморья и южной Польши передвинулась немногочисленная группа населения, сюда переселялись в X в. и отдельные западнославянские ремесленники, часть же предметов западнославянского происхождения попала сюда с купцами или воинами. Наряду с Вольню Гнездово было центром распространения украшений западнославянского облика в междуречье Днепра и Немана и других областях расселения восточных славян.

Еще более заметно прямое западнославянское воздействие между средним течением Буга и верховьями Немана, где в X—XI вв. проживало смешанное население. Помимо продвигавшихся с востока дреговичей и направившихся с юга волынян, с запада в Среднее Побужье и Верхнее Понеманье устремились и отдельные группы мазовшан. Мазовшанские элементы обнаружены в материалах многих древнерусских памятников Понеманья. М. В. Малевская выделила среди них несколько разновидностей керамики западнославянского происхождения¹⁸. К ним относятся гончарные горшки мазовецкого типа с цилиндрической шейкой, выступом у венчика и своеобразной орнаментацией из Волковыска, Здитова, Новогрудка и Новосад, а также сосуды, украшенные квадратным, ромбическим и овальным решетчатым штампом (Волковыск, Гродно, Здитово, Новогрудок, Индуры). Реже в Понеманье встречаются сильнопрофилированные горшки яйцевидной формы с налпными орнаментальными валиками на тулове (Гродно, Покры) и бочонковидные сосуды (Волковыск). Аналогичные сосуды известны на раннесредневековых поселениях Волыни (Бабка, Плиснеск и др.). И хотя посуда западнославянских форм составляет менее 1% керамики Новогрудка и других западнорусских центров, ее присутствие весьма показательно (рис. 1, 9, 11, 12). Поскольку такая кухонная посуда вряд ли могла служить предметом импорта, можно согласиться с предположением М. В. Малевской

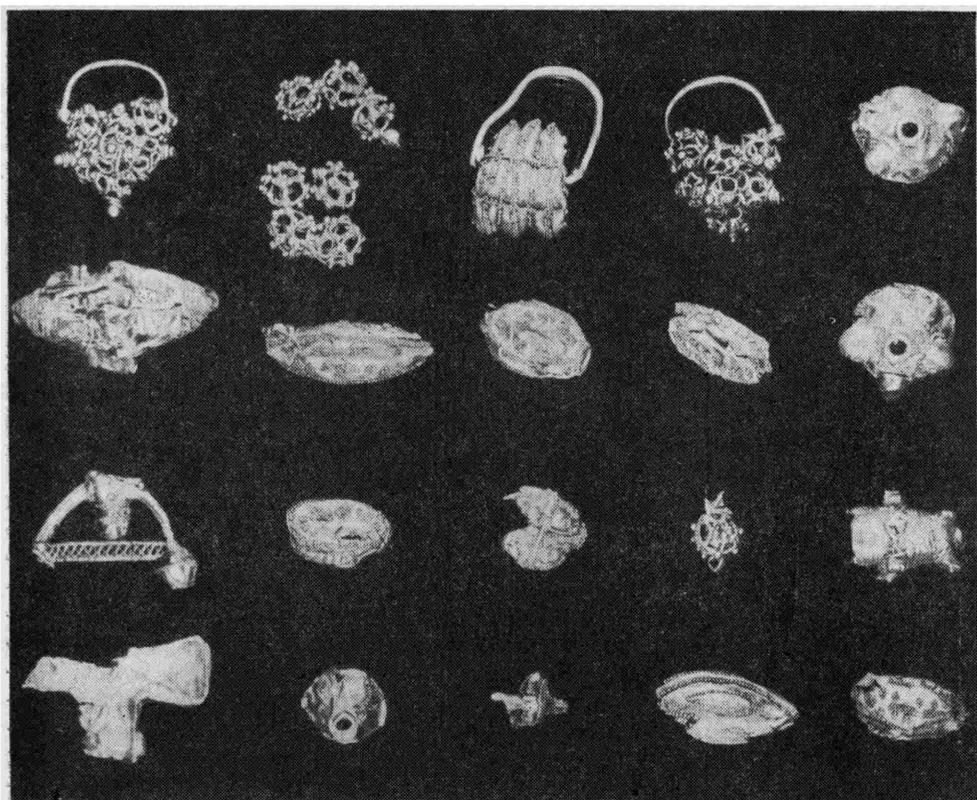

Рис. 2. Западнославянские украшения из Дегтянского клада

о проникновении в Понеманье небольших групп мазовшанского населения во второй половине X—XI в.¹⁹

Это предположение подтверждается и другими фактами. При раскопках городов Понеманья чаще, чем на остальной территории междуречья Днепра и Немана, попадаются более характерные для западных славян втульчатые двушипные наконечники стрел, иные вещи западнославянских типов. Так, железная полуовальная пряжка XI в. с серебряной инкрустацией и насечкой из Новогрудка (рис. 1, 8) близка пряжкам из каменных могил Подлясья (Невярово-Сохи, Чарна Велька)²⁰. Быть может, с польским влиянием связана не получившая распространение в других восточнославянских областях традиция изготовления керамических пряслиц с линейным и волнистым орнаментом, обнаруженных в Волковыске, Новогрудке и ряде других памятников, в том числе на Волини²¹. Мазовецкие элементы заметны в инвентаре могильника Подрось возле Волковыска и особенно курганов с каменными обкладками в бассейнах рек Пульва и Лесная в Среднем Побужье (Войская, Ратайчицы, Свищево, Тростяница, Хотиново и др.), где встречаются сосуды западнославянского облика с цилиндрической шейкой и своеобразной орнаментацией, а также эсоконечные височные кольца²². Известные и в некоторых других районах междуречья Днепра и Немана перстнеобразные эсоконечные височные кольца подразделяются на два варианта: тонкопроволочные первого варианта с узким эсовидным концом (рис. 1, 6), помимо Среднего Побужья и Понеманья, попадают также в дреговичских и радимичских курганах, а массивные толстопроволочные кольца второго варианта с широким эсовидным концом (рис. 1, 7), за исключением Заславля, не получили распространения за пределами Среднего Побужья и Верхнего Понеманья. Зародившись в Среднем Подунавье

в VIII в., эсоконечные кольца были заимствованы в X в. польскими племенами и не позднее рубежа X—XI вв. попали через Польшу к соседним восточнославянским племенным группам²³. Кольца такого простого типа вряд ли могли служить предметом торговли, их распространение логичнее объяснить непосредственными этническими контактами, в том числе проникновением в среду восточнославянского населения небольших западнославянских групп. Известные с VIII—X вв. кольца первого варианта появились в междуречье Днепра и Немана, видимо, раньше и распространились шире, нежели бытовавшие у западных славян с XI в. кольца второго варианта, принесенные в Среднее Побужье мазовшанами²⁴.

С XI в. заметно усиливаются и торговые связи населения междуречья Днепра и Немана с западнославянским миром, о чем свидетельствует состав денежно-вещевых кладов. Клады, найденные у деревень Горовляны (начало XI в.), Людвище (около 1060—1065 гг.), Новый Двор (около 1000 г.), Стражевичи (середина XI в.), в Полоцке (60-е годы XI в.), помимо большого числа западноевропейских денариев из Англии, Германии, Дании и других стран, единичных куфических дирхемов и византийских монет, включали отдельные монеты чешских князей Болеслава II (967—999), Болеслава III (999—1002), Бржетислава I (1034—1055), Спитигнева (1055—1061) и вендки, чеканившиеся в Западном Поморье с 950 по 1050 г.²⁵ Особый интерес для изучения западнославянских связей представляет клад, обнаруженный у д. Дегтяны (середина XI в.), в котором из 320 монет 123 экземпляра оказались редкими чешскими денариями Болеслава I (935—967), Болеслава III, Ольдржиха (1012—1034) и Бржетислава I; в состав клада также входили вендки и обломки серебряных украшений, орнаментированных зернью и сканью²⁶. Среди них отметим гроздевидные височные кольца с ажурной перепонкой, ажурные трехбусинные височные кольца и кольца с нанизанной поллой бусиной в виде трехгранного параллелепипеда, разнообразные по стилю орнаментации эллипсоидные бусины (в том числе и с конусовидными выступами), в наибольшей степени характерные для денежно-вещевых кладов первой половины XI в. Великопольши и Центральной Польши. Аналогии очень редкой разновидности корзинкообразных серег, изготовленных в духе великоморавских традиций, пока удалось обнаружить лишь в Дуцове на западе Словакии (рис. 2)²⁷. Таким образом, монеты и украшения Дегтянского клада частично вначале были привезены из Чехии и Словакии в Великопольшу, откуда, соединившись с западноевропейскими денариями, вендками и местными украшениями польского производства, они поступили скорее всего по активно функционировавшему с X в. припятско-бугскому пути в бассейн Случи.

Наряду с припятско-бугской магистралью важную роль в торговых связях западнославянских земель с древнерусскими центрами междуречья Днепра и Немана в X—XI вв. и позднее играл путь из Балтийского моря по Западной Двине, о чем свидетельствуют, кроме уже упомянутых кладов, отдельные находки чешских монет и вендок в курганах Смоленщины (Мутышино, Саки, Харлапово и др.)²⁸. Серебряные лепешкообразные слитки, трапецевидные оловянные пластинки и бронзовые узкие пластинки с пунсонным орнаментом в виде треугольников из Полоцкого клада широко представлены в кладах Польши²⁹. О значительном размахе торговли Руси с Польшей, которая велась через междуречье Днепра и Немана, говорят многочисленные находки товарных plomb в Дрогичине на Буге, где в XI—XIII вв. функционировали пограничная таможня и крупный международный рынок. Такие plomb встречаются и в Берестье, Витебске, Полоцке, Смоленске³⁰.

Западнославянские элементы представлены на всех этапах развития раннесредневековой культуры междуречья Днепра и Немана VIII—XI вв. (рис. 3), но характер связей западных славян с восточнославянским населением не оставался неизменным. На первых порах преобла-

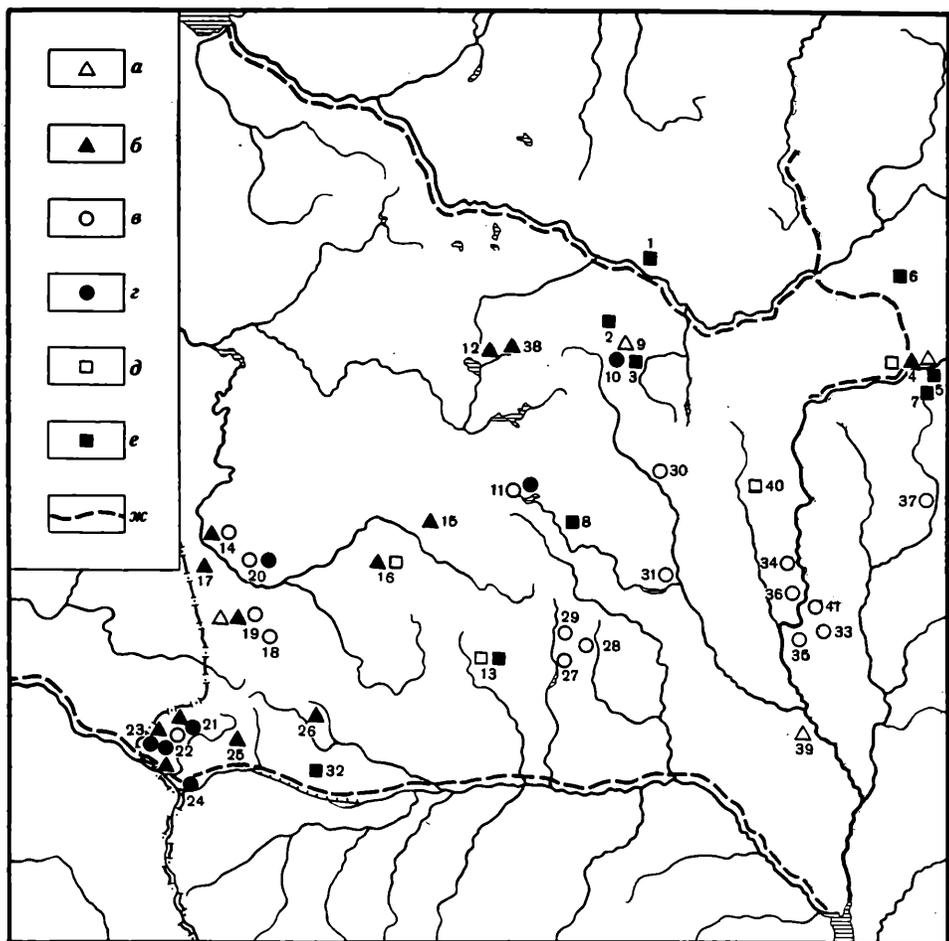

Рис. 3. Находки предметов западнославянского происхождения VIII—XI вв. в между-
чье Днестра и Немана

а — предметы вооружения; б — гончарная керамика; в — эсоконечные височные кольца первого варианта; г — эсоконечные височные кольца второго варианта; д — серьги и другие украшения: с асенью и сканью; е — чешские денарии и вендки; ж — основные торговые пути, связывавшие между-
речье Днестра и Немана с западнославянскими землями; 1 — Полоцк; 2 — Горовляны; 3 — Страже-
вичи; 4 — Гнездово; 5 — Харлапово; 6 — Саки; 7 — Мутышино; 8 — Новый Двор; 9 — Лукомль;
10 — Слободна; 11 — Заславль; 12 — оз. Мядель; 13 — Дегтяны; 14 — Гродно; 15 — Новосады;
16 — Новогрудок; 17 — Индура; 18 — Подрось (Красное Село); 19 — Волковыск; 20 — Мигово;
21 — Ратайчицы; 22 — Войская; 23 — Свищево; 24 — Брест; 25 — Покры; 26 — Здитово; 27 —
Митяевичи; 28 — Нежаровские хутора; 29 — Падзерские Огородники; 30 — Оздятичи; 31 — Ясень;
32 — Людвище; 33 — Мадора; 34 — Лудчицы; 35 — Ходосовичи; 36 — Вишин; 37 — Дубейново;
38 — Городище; 39 — Чаплин; 40 — Эсьмоны; 41 — Каменка

дали непосредственные этнические контакты, не исключавшие переселения небольших групп из Польши в VIII в., из Польского Поморья и южной Польши в первой половине X в. в Гнездово, из Мазовии в конце X—первой половине XI в. в Среднее Побужье и отчасти Верхнее По-
неманье. С XI в. значительно активизировались зародившиеся еще в предшествующем столетии торговые отношения главным образом с Великопольшей, Польским Поморьем, Мазовией и Чехией. Наконец, проникновение некоторых предметов западнославянского происхождения (в частности, оружия) можно объяснить также военными конфликтами.

- ¹ *Пергавко В. Б.* Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы. — СА, 1978, № 3, с. 123, 124, рис. 2, 15.
- ² Там же, с. 124, рис. 3, VI B; *Grodziska Mazowska i Podlasia*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976, s. 69—74, рис. 103, b.
- ³ *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978, рис. 52.
- ⁴ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, рис. 14, а—в.
- ⁵ *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976, с. 41, 42.
- ⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 170—173.
- ⁷ *Корзухина Г. Ф.* О технике тиснения и перегорчатой эмали в древней Руси X—XII вв. — КСИИМК, 1946, XIII, с. 49—52, рис. 13.
- ⁸ *Kostrzewski J.* O pochodzeniu ozdób srebrnych z polskich skarbów wczesnośredniowiecznych. — In: *Slavia antiqua*, 1962, IX, s. 168—171.
- ⁹ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 147, 148, рис. 28, I; *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XI, 5; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954, табл. VII, 1, 3.
- ¹⁰ *Поболь Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск, 1979, с. 101, 103, рис. 64, I; *Линка-Генпенер Н. В.* Кошпівський скарб. — В кн.: *Археологія*. Київ, 1948, II, с. 188—190, табл. IV, 14.
- ¹¹ ОАК за 1889 г., с. 48, рис. 14. Единичные близкие по стилю восточнославянские находки четырех- и пятибусинных серег обнаружены в Лыше и Свирске на Волини. См.: *Prehistoria ziem polskich*. Kraków, 1939—1948, tabl. 99, 27. Экземпляр из Свирска хранится в Историческом музее УССР, инв. № 3825.
- ¹² *Dostal B.* Slovanska pohřebište ze střední doby hradištné na Morave. Praha, 1966, s. 39, obr. 9, 15, 26.
- ¹³ *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. — МАР, 1902, № 28, с. 108, 109.
- ¹⁴ *Каменецкая Е. В.* Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977, с. 19, 20, 27.
- ¹⁵ *Пушкина Т. А.* Топорик-чекан из Гнездова. — В кн.: *История и культура Евразии по археологическим данным*. М., 1980, с. 112—114, рис. 1, 2.
- ¹⁶ *Достал Б.* Некоторые общие проблемы археологии древней Руси и Великой Моравии. — В кн.: *Древняя Русь и славяне*. М., 1978, с. 85; *Пушкина Т. А.* Височные кольца Гнездовского комплекса. — В кн.: *Тез. докл. Советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии*. М., 1985, с. 142, 143.
- ¹⁷ *Dekan J.* Moravia Magna. Bratislava, 1976, obr. 110, 139, 141, 150—157.
- ¹⁸ *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). — КСИА, 1972, 129, с. 14—20, рис. 5, 2, 7.
- ¹⁹ *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи городов Черной Руси в X—XI вв. — В кн.: *Этногенез белоруссов*. Минск, 1973, с. 38, 39.
- ²⁰ *Зильманович И. Д.* Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. — КСИА, 1965, 104, с. 97, рис. 35, 13.
- ²¹ *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981, рис. 8, 3; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975, с. 72, рис. 20, 9, 13.
- ²² *Бируля И. В.* Курганы у д. Ратайчицы. — В кн.: *Древние славяне и их соседи*. М., 1970, с. 120—122, рис. 1; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 119—122; *Rocznik białostocki*, 1962, III, s. 337—361.
- ²³ Несомненно, их изготавливали по западнославянским образцам и сами древнерусские ремесленники. См.: *Światowit*, Warszawa, 1949, XX, s. 195—202.
- ²⁴ О датировке эзокочных колец см.: *Krumphanzlová Z.* Chronologie pohřebního inventáře vesnických hřbitovu 9 až 11 věku v Cechach. — In: *Pamatki archeologicke*. Praha, 1974, t. 65, с. 1, s. 54, 55, obr. 1.
- ²⁵ *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси. — В кн.: *Тр. ГЭ*. Л., 1967, IX, с. 163—166, 177—180.
- ²⁶ *Потин В. М.* Дегтянский клад денариев середины XI в. — В кн.: *Тр. ГЭ*. Л., 1961, IV: *Нумизматика*, вып. 2, с. 23—29.
- ²⁷ *Kostrzewski J.* O pochodzeniu ozdób..., s. 154—184; *Dekan J.* Moravia Magna, obr. 144.
- ²⁸ *Потин В. М.* Топография находок..., с. 166, 167.
- ²⁹ *Штылов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 107, 108, рис. 56.
- ³⁰ *Пергавко В. Б.* Припятско-бугский путь в IX—XIII вв. — В кн.: *Основные проблемы исторической географии России на современном этапе*. М., 1980, с. 180—184; *Потин В. М.* Древняя Русь и европейское государство в X—XIII вв. Л., 1968, с. 179—184; *Materiały wczesnośredniowieczne*. Warszawa, 1969, VI, s. 228.

О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В НОВОГРУДКЕ

Предположение о том, что храм Бориса и Глеба в Новогрудке, воздвигнутый в XVI в., стоит на месте более ранней церкви, высказывалось еще в 70-х годах прошлого столетия¹. Открыл и исследовал раннюю церковь М. К. Каргер. В 1961—1962 гг. Архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА и Ленинградского университета под его руководством провела раскопки у северной, южной и восточной стен существующей церкви, открыв руины неизвестного памятника. В 1965 г. работы производились внутри церкви.

Исследования позволили М. К. Каргеру реконструировать открытый памятник в виде четырехстолпного трехапсидного храма, обстроенного галереями. В среднем нефе церкви сохранилась часть майоликового пола, а в восточной части южного притвора собраны фрагменты фресковой штукатурки с росписью и граффити. Кладка церкви из хорошо отесанных квадров известняка с прослойками плинфы повторяет кладку церкви Благовещения в Витебске и, как считал М. К. Каргер, по-видимому, была занесена в Витебск, а оттуда в Новогрудок из византийской провинциальной архитектуры, возможно из Крыма. Стены галереи исполнены в технике зодчества Полоцкой земли, для которой характерна кладка из плинфы на растворе с примесью цемьянки (так называемый утопленный ряд). По наименованию позднего храма открытая церковь была названа Борисоглебской. Время возведения храма и галереи, пристроенной вскоре после возведения основного здания, М. К. Каргер определяет серединой—второй половиной XII в.²

П. А. Раппопорт объясняет сходство витебской церкви Благовещения с новогрудским храмом тем, что в 20—40-х годах XII в. в Полоцкой земле наряду с местной строительной артелью работала витебская, в которую входили греческие мастера. Построив церковь в Витебске, они возвели основную часть храма в Новогрудке, галерея которого затем была пристроена полоцкими строителями. Касаясь датировки новогрудской церкви, П. А. Раппопорт пишет: «Архитектурные формы памятника разрешают датировать его лишь в очень широких пределах XII в.»³

В итоге многолетних археологических работ в Новогрудке получены материалы, которые позволяют поставить вопрос о времени основания древнерусской Борисоглебской церкви. Представляет интерес то обстоятельство, что церковь построена на территории поселения, являвшегося частью древнего Новогрудка. В культурном слое этого поселения мощностью до 1 м встречены куски глиняной обмазки, обожженные камни, керамика X—XI вв., наконечник железной двушипной втульчатой стрелы и другие находки⁴. Обломки сосудов XI в. найдены также при раскопках церкви⁵.

Древнерусский храм, сооруженный на культурном слое XI в., вряд ли был отделен значительным периодом от конца этого века. Какой именно срок прошел с конца XI в. до того времени, когда строилась церковь, помогают понять материалы окольного города Новогрудка, расположенного на холме по соседству с возвышенностью, на которой находилась церковь.

В начале XII в. посад Новогрудка обносится валом и превращается в окольный город. Его северо-восточная часть застраивается богатыми домами. Среди строительных материалов повсеместно используется кирпич. Им выкладывали поды печей. Одна из печей снаружи была выложена рядом кирпичей с применением известкового раствора. Открыта постройка, в которой оконный проем состоял из обожженной глины и кирпичей. В некоторых жилищах обожженная глина и развалы кирпича относились к развалу стен⁶.

Из пяти наиболее ранних богатых жилищ кирпич был употреблен в двух — 12 и 18. В последнем кирпич сохранился лишь в обломках размерами $17 \times 20 \times 3,5$ — $4,5$ см. В большом количестве кирпичи найдены в постройке 12. Они лежали в развале дома попеременно с обожженной глиной (рис. 1). Кроме обычных кирпичей, там найдены лекальные — трапецевидные, ромбовидные и с закругленной торцовой частью. Сопоставление формата кирпичей из церкви и постройки 12 приводится в таблице (в см) ⁷.

Борисоглебская церковь		Постройка 12
Основное здание	Галерея	
$20 \times 19 \times 4,5$; $23 \times 22,5 \times 5$;	$31 \times 23 \times 3,5$;	$27 \times 21 \times 4,5$;
$25 \times 17 \times 14$; $25 \times 20 \times 4$;	$23 \times 16 \times 7$	$25 \times 20 \times 4,5$
$26,5 \times 20,5 \times 5$; $28 \times 21,5 \times$ $\times 4,5$		

Близость кирпичей из жилой постройки и церкви по размерам, а также находка лекального кирпича в жилище убеждают в том, что в домостроительстве кирпичи могли использоваться лишь с того времени как началось их массовое изготовление для строительства храма. Время, когда это могло произойти, определяется в первую очередь датой сооружения постройки 12.

По стратиграфии, выработанной для окольного города Новогрудка, эта постройка относится к четвертому строительному периоду, датируемому первой половиной XII в. ⁸ Однако в течение этого полувека жилища возводились неравномерно. Между описываемой постройкой 12 и ниже лежащей постройкой 13, относящейся к концу XI или рубежу XI—XII вв., отмечен настил, возможно, от какого-то промежуточного строения ⁹. Таким образом, постройка 12 не могла быть сооружена в самом начале XII в. К тому же, к инвентарю этого жилища относятся такие находки, как стеклянные браслеты киевского производства, византийские стеклянные сосуды, иранская фаянсовая чаша и другие изделия ¹⁰, которые не характерны для Новогрудка первых десятилетий XII в. Они появляются несколько позднее. На этом основании более убедительной датой строительства постройки 12 следует считать вторую четверть XII в. В это время Борисоглебская церковь уже строилась — кирпичи для нее выделывались.

К постройке 12 относятся материалы, которые помогают установить время завершения строительства храма. Это штукатурка с росписью, украшавшая стены жилища ¹¹.

Фрески новогрудской постройки стали известны до того как М. К. Каргер начал раскапывать здесь Борисоглебскую церковь, но уже в первой их публикации отмечалось, что основной орнаментальный мотив росписи — стилизованный аканф, нанесенный черной краской по белому, бело-красному или бело-зеленому фону, характерен для церковных фресок. Подобный орнамент известен в Георгиевском соборе Старой Ладогои, Успенском соборе Владимира, Спасо-Нередицкой церкви и других храмах ¹². Из этого можно было сделать вывод, что светскую постройку окольного города Новогрудка расписывали художники, которые привыкли к росписи церковных стен. С открытием фресковой росписи в церкви Бориса и Глеба естественно было предположить, что стенопись жилища и храма исполнена одними и теми же фрескистами.

Ю. П. Спегальскому принадлежит реконструкция части росписи новогрудского жилища. По его мнению, сверху и снизу ее обрамлял бордюр с изображением аканфа. Значительную часть занимал ярко-красный фон для сюжетных изображений. Нижнюю часть росписи составляла широкая полоса, имитирующая мрамор, — по светло-зеленому полю были нанесены красные и коричневые мазки (рис. 2). К сюжетным изображениям относились, в частности, голова мужчины в шапке и кисть руки, державшая меч, позволявшие представить человеческую фигуру

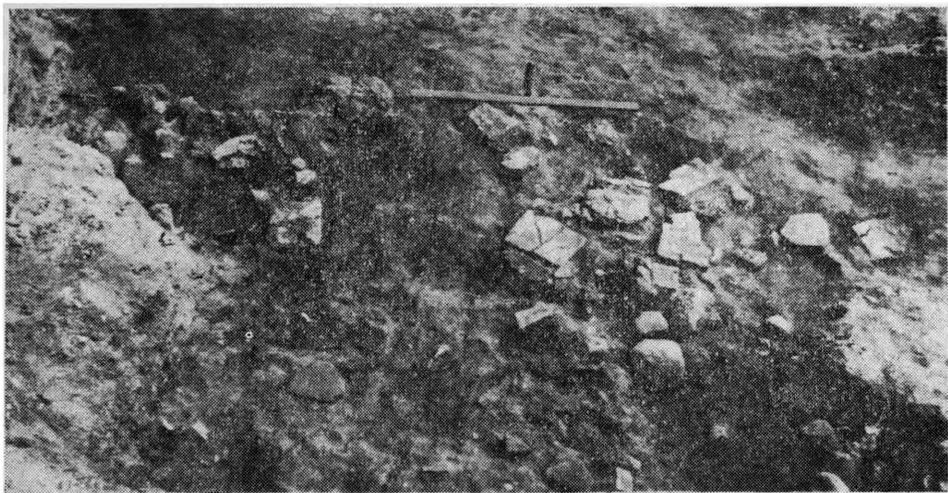

Рис. 1. Кирпичи из постройки 12

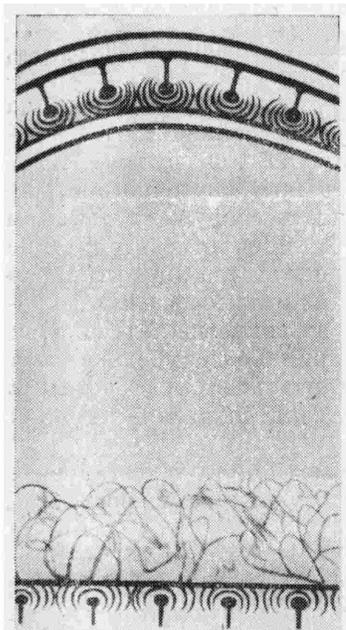

Рис. 2. Фресковая роспись из постройки 12. Реконструкция Ю. П. Спегальского

высотой 60—80 см. Сюжетная роспись, по-видимому, имела пояснительную надпись, от которой сохранились отдельные буквы. Ю. П. Спегальский считал, что праздничная расцветка стен жилища должна была отличаться от церковной стенописи¹³.

Коллекция фресок новгородского храма невелика и дает ограниченное представление о характере росписи. Собрано около 80 фрагментов фресковой штукатурки, из которых 23 с нанесенным на них граффити не имеют росписи. На отдельных кусках граффити процарапаны по расписной штукатурке. Не сохранилось обломков, на основании которых можно было бы судить о сюжетной росписи. Косвенным признаком ее существования являются куски с изображением широкой (2,5—3 см) прямой или скругленной полосы, нанесенной черной краской. Подобные полосы нередко обрамляли фигуры святых¹⁴.

Роспись на фресках новгородской церкви представлена орнаментальными мотивами. Это прямые и округлые линии, круги и пятна, нанесенные черной, коричневой, красной, зеленой, желтой и оранжевой краской. Коричневый, красный и зеленый цвета представлены несколькими оттенками. Очень редко встречаются куски, на которых нанесена серая и синяя краска. Интересны фрагменты, имитирующие камень, где по зеленому или оранжевому фону нанесены коричневые мазки.

Сопоставляя фрески церкви и новгородского жилища, можно отметить фрагменты, сходные по росписи. Таковы обломки, роспись которых подражает камню. При этом в церкви мазки по зеленому фону нанесены коричневой краской, а в постройке — коричневой и красной (рис. 3). По реконструкции Ю. П. Спегальского такие куски в жилище располагались в нижней части росписи. По-видимому, так же было и в церковной росписи. Сохранившиеся на таких кусках граффити свидетельствуют, что в храме подобные фрески находились на высоте челове-

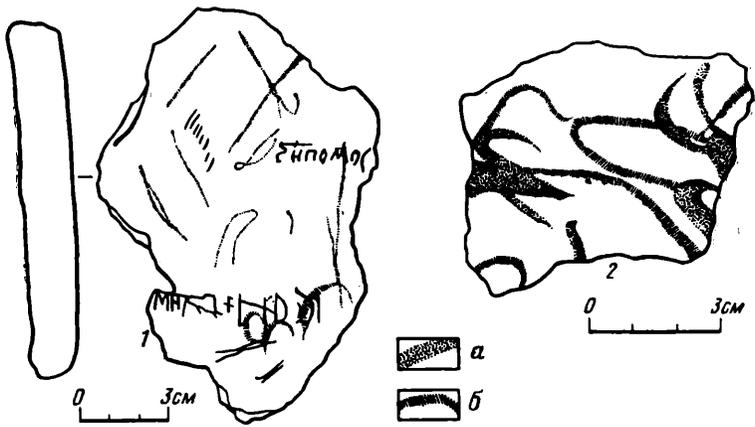

Рис. 3. Обломки фресок из Новогрудка

1 — церковь Бориса и Глеба; 2 — постройка 12; а — коричневая краска; б — красная краска

ского роста. Отметим также красно-бело-зеленую роспись из жилой постройки и храма и некоторые другие орнаментальные мотивы, повторяющиеся в росписи жилища и церкви. Сходна цветовая гамма фресок жилища и храма. Среди церковных фресок не было орнамента в виде аканфа, столь обильно представленного в росписи жилища и, как указывалось выше, чрезвычайно популярного в древнерусской церковной стенописи. Возможно, это объясняется небольшим количеством фресок, собранных во время раскопок церкви.

Фрески из Борисоглебского храма и жилища были подвергнуты химическому и петрографическому анализу. Химик Эрмитажа И. Л. Ногид определила, что краски росписи новогрудского жилища были минерального происхождения. Для черной краски использовалась сажа, для белой — мел. Красный, желтый и близкие им цвета получались из охры, содержащей окислы железа, а зелень добывалась из «зеленой земли» — природного минерала, содержащего гидросиликаты железа¹⁵. В. А. Галибин, сопоставивший красители росписи жилища и церкви, установил, что они идентичны¹⁶.

Интересны результаты петрографического анализа, выполненного Н. Б. Селивановой. В Борисоглебской церкви роспись нанесена на известково-карбонатную штукатурку толщиной до 3 см, покрывающую известково-цемяночный раствор, характерный для кладки стен храма. В жилище же специальной фресковой штукатурки не было. Роспись там наносилась на известково-цемяночный раствор, покрывавший стены дома и сходный по составу с раствором Борисоглебской церкви¹⁷.

Не приходится сомневаться в том, что храм и жилища расписывали одни и те же мастера. Помимо тех доказательств, которые приводились в пользу этого утверждения, необходимо отметить, что среди всех богатых жилищ окольного города Новогрудка постройка 12 была единственным домом, стены которого были оштукатурены и расписаны.

Стены храма и жилого дома могли быть покрыты фресками лишь тогда, когда было завершено их строительство. Это произошло либо одновременно, либо стенопись жилой постройки нанесли сразу же после того, как была завершена роспись Борисоглебской церкви. Установление времени окончания строительства постройки 12 определяет, таким образом, конечную дату сооружения новогрудского храма.

Начало существования данного жилого дома относится ко второй четверти XII в. Во второй половине этого века постройка сгорела и ее сменил новый, тоже богатый, дом 10¹⁸. Эти обстоятельства позволяют прийти к заключению, что строительство постройки 12, начатое во второй четверти XII в., было сравнительно быстро завершено. Окончание

ее строительства, а следовательно, и завершение постройки новогрудской церкви происходят в пределах той же второй четверти XII в.

Итак, археологические материалы Новогрудского поселения, на территории которого был воздвигнут храм, дали основание предполагать, что строительство храма не могло быть отделено длительным временем от конца XI в. Данные окольного города Новогрудка позволяют считать, что строительство церкви происходило во второй четверти XII в. и было завершено одновременно с сооружением жилой постройки, на которую ушло, разумеется, гораздо меньше времени, чем на возведение храма. Затруднительно ответить на вопрос, относится ли это заключение лишь к основному зданию церкви или и к галерее. Если галерея тоже имела фресковую роспись, то, по-видимому, речь идет об окончательном строительстве Борисоглебской церкви.

Приведенные соображения важны для уточнения времени сооружения новогрудской церкви — памятника, о котором не существует письменных известий. В известной мере они определяют и время сооружения церкви Благовещения в Витебске, строительство которой предшествовало возведению основного объема новогрудского храма и было исполнено одной и той же артелью.

- ¹ Описание церквей и прихода Минской епархии. Минск, 1879, кн. 9, с. 11, 12.
- ² Каргер М. К. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке. — АО 1965 г. М., 1966, с. 165—168; *Он же*. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. — КСИА, 1977, 150, с. 79—85.
- ³ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII в. — СА, 1980, № 3, с. 157—159; *Он же*. Русская архитектура X—XIII вв. — САИ, 1982, вып. Е1-47, с. 101.
- ⁴ Гуревич Ф. Д. К истории древнего Новогрудка. — In: Swiatowit. Warszawa, 1962, XXIV, s. 566.
- ⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, № 88, л. 12.
- ⁶ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981, с. 36, 44, 50, 51, 54, 55, 67, 70, 71, 85, 86, 91, 93.
- ⁷ Каргер М. К. Раскопки..., с. 85; Раппопорт П. А. Русская архитектура..., с. 101; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок, с. 36, 44.
- ⁸ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок, с. 117.
- ⁹ Там же, с. 36.
- ¹⁰ Там же, с. 41—44.
- ¹¹ Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА, 1964, 99, с. 98—102; *Она же*. Древний Новогрудок, с. 37, 38; Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1979, с. 149—159.
- ¹² Гуревич Ф. Д. Дом боярина..., с. 101.
- ¹³ Спегальский Ю. П. Жилище..., с. 150—159.
- ¹⁴ Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973, рис. 154, 155, 171, 191, 200 и сл.
- ¹⁵ Гуревич Ф. Д. Дом боярина..., с. 99.
- ¹⁶ Благодарю В. А. Галибина за сделанную работу.
- ¹⁷ Благодарю Н. Б. Селиванову за сделанную работу.
- ¹⁸ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок, с. 71.

ПУБЛИКАЦИИ

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ СЕРЕНСКА

В 1980, 1982 и 1983 гг. Верхнеокская экспедиция Института археологии АН СССР после перерыва возобновила исследования древнерусского города в земле вятичей — Серенска (д. Серенск Мещовского р-на Калужской обл.). В предыдущие полевые сезоны (1965—1967, 1969 и 1971 гг.) в детинце была вскрыта площадь около 1500 кв. м, в нескольких местах раскопан вал¹. Нераскопанными оставались вся северная часть площадки, обращенная к р. Серена, и небольшие участки на востоке и в центре детинца. Именно здесь были заложены раскопы 6—8 общей площадью более 300 кв. м².

Кроме того, было продолжено исследование окольного города: проведена зачистка северо-восточного участка вала (там, где его разрезала дорога) и заложено три раскопа площадью около 200 кв. м. Настоящая статья кратко излагает результаты работ в детинце.

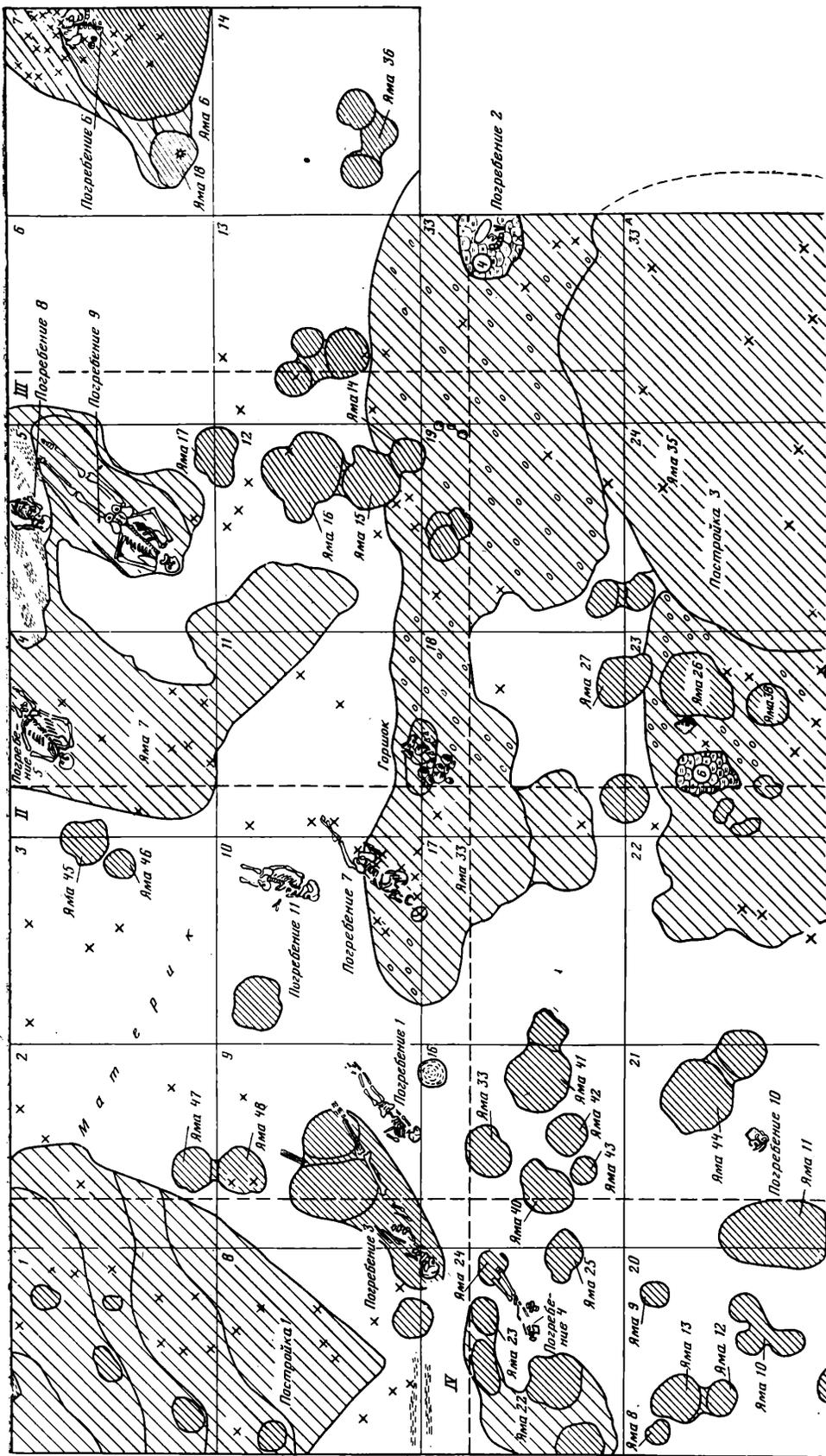
В отличие от раскопов прежних лет, культурный слой большей части вскрытой территории (раскопы 6 и 8) мощностью от 0,8 до 2,5 м не расчленялся на горизонты.

Несмотря на то что довольно часто встречалась керамика мощинского типа (грубая лепная и лощеная) в виде отдельных фрагментов или скоплений, слоя дославянской поры здесь не обнаружено. Возможно, северная часть мыса не была полностью заселена в середине I тысячелетия н. э., однако не исключено, что некоторые постройки мощинского времени были разрушены в эпоху древней Руси. Так, например, под постройкой начала XIII в. в раскопе 6 оказалась яма, в которой обнаружен развал большого лепного сосуда мощинского типа.

Не расчленялся и слой послемонгольского времени. Хотя город после пожара вновь отстроился и продолжал существовать вплоть до начала XVI в. (об этом свидетельствуют культурный слой с остатками построек, фрагментами керамики и некоторыми предметами второй половины XIII и XIV—XVI вв., а также упоминание Серенска в письменных источниках конца XV и начала XVI в.³), все же и в верхнем горизонте культурного слоя преобладали вещи и керамика XII—XIII вв.

Верхний горизонт домонгольского слоя в детинце выделялся по мощному слою пожарища, насыщенному углем, сгоревшим деревом, огромным количеством обугленного зерна и древесным тленом. В этом слое собрано подавляющее количество всех изделий местных ремесленников, а также привозных вещей. С уровня этого горелого слоя выкопано и большинство неглубоких (едва доходящих до материка) могильных ям, в которых открыты останки людей, погибших во время катастрофы второй четверти XIII в.

В детинце Серенска открыты постройки двух типов: углубленные в материк и наземные. Поскольку дерево в культурном слое этого памятника почти не сохраняется, наземные жилища удается уловить по остаткам глинобитных печей (в виде скоплений красной обожженной глины, угля и золы), более темной окраске культурного слоя, прослой-

С ↑

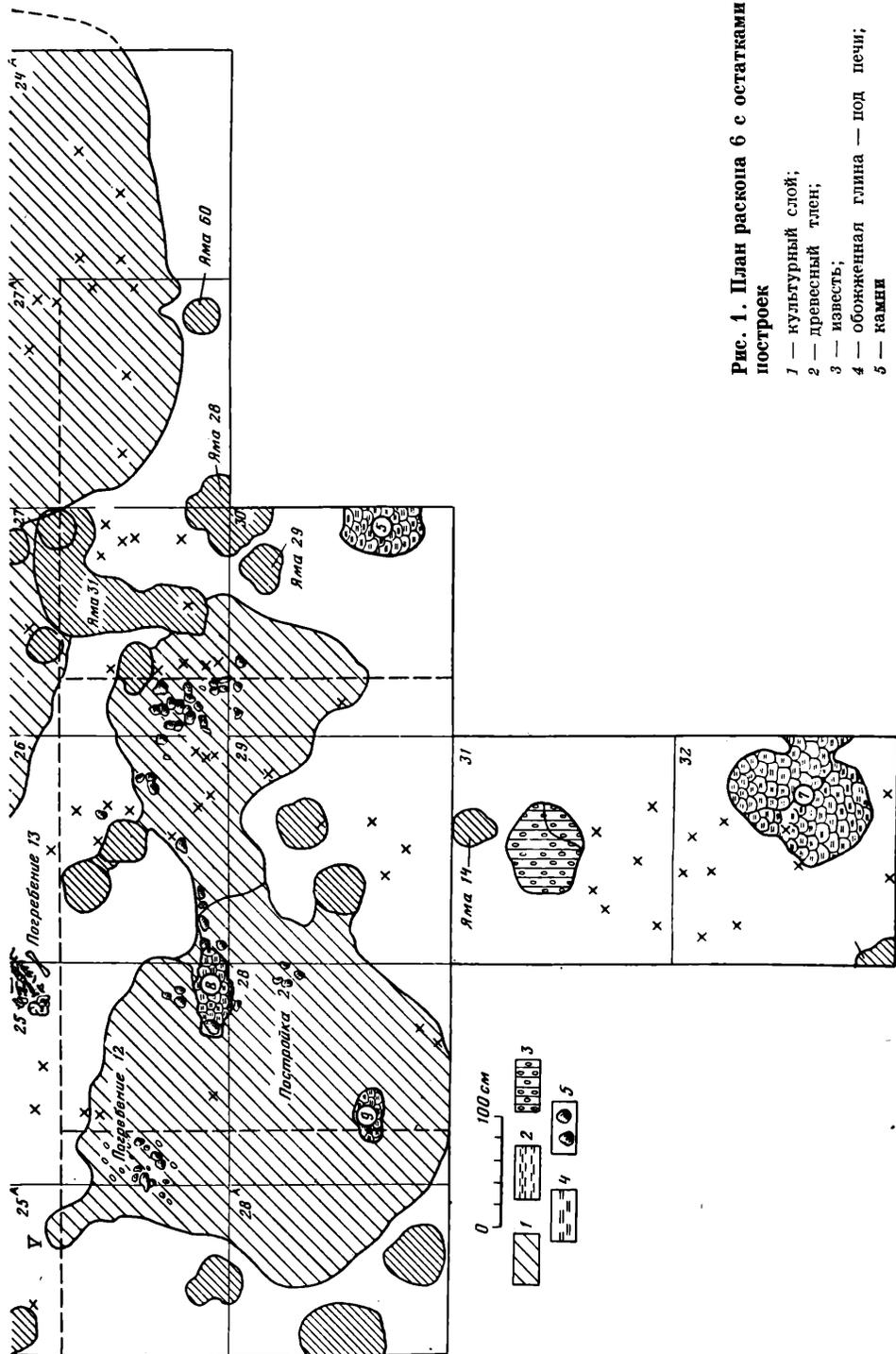
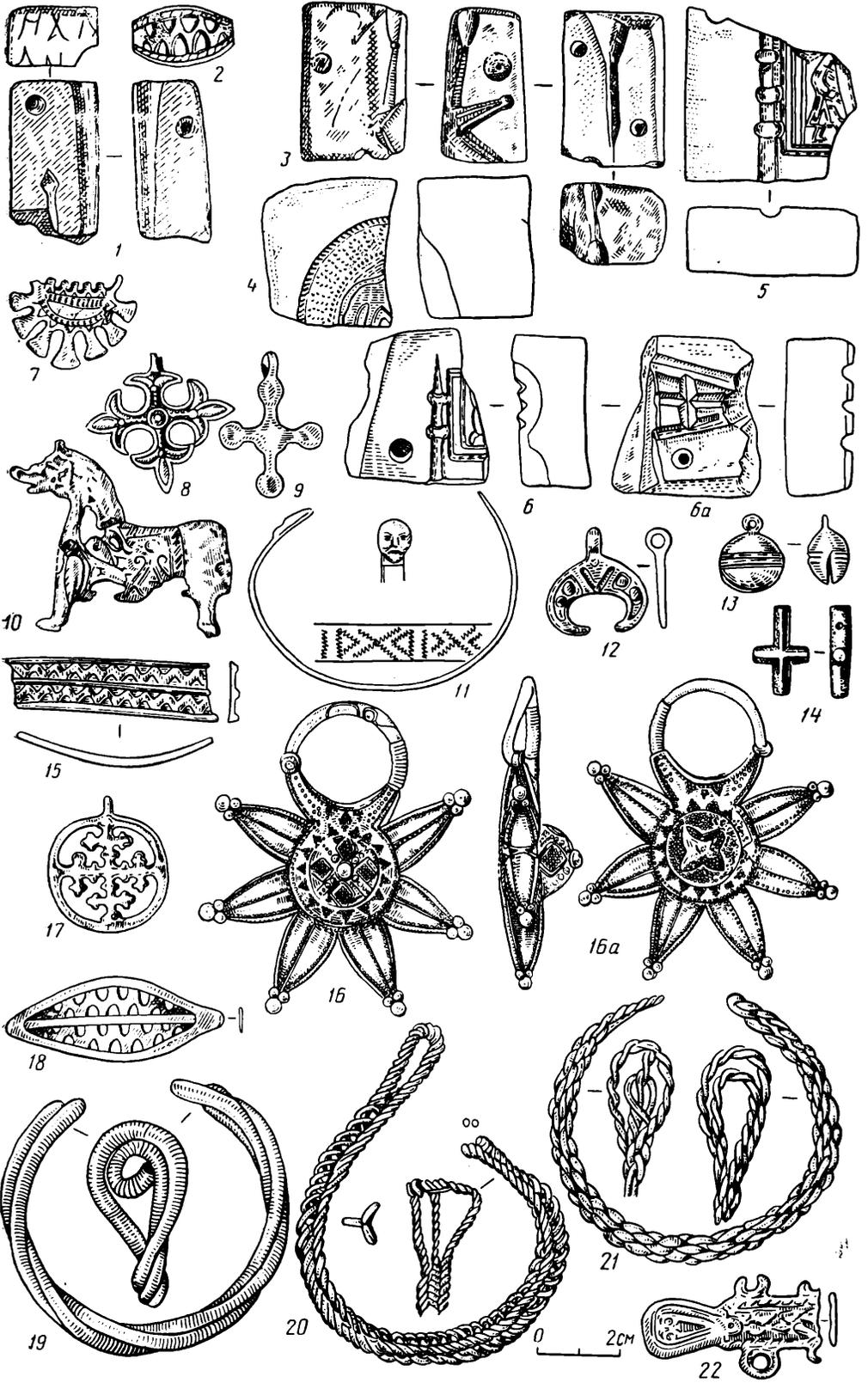

Рис. 1. План раскопа 6 с остатками построек

- 1 — культурный слой;
- 2 — древесный тлен;
- 3 — известь;
- 4 — обожженная глина — под печи;
- 5 — камни

кам древесного тлена, ямкам от столбов-стульев, на которые часто ставились срубы домов, а также по концентрации вещей и керамики. Наибольшее количество сооружений выявлено в раскопе 6. Здесь исследованы остатки четырех углубленных в материк строений, семь наземных построек с глинобитными печами и несколько небольших ям, имевших, очевидно, хозяйственное назначение (погреб, клети).

Постройка 1, обнаруженная в раскопе 6 (рис. 1) благодаря более темному заполнению, расположена на самом краю площадки детинца. Длина западной стенки котлована 2,9 м, северной — 2,8 м (часть сооружения уходит за пределы раскопа). Темное, рыхлое в верхней части заполнение котлована постепенно становится (на глубине 1,4—1,5 м) темно-бурым, насыщенным древесным тленом. Обнаруженные на дне четыре столбовые ямки (диаметр 0,25—0,3 м, глубина 0,2—0,3 м), по-видимому, так же, как и сама постройка, связаны со строительством укреплений по склону площадки детинца, от которых ничего, кроме слоя древесного тлена, не сохранилось. Подобные же укрепления склона открыты и восточнее, но там столбы были врыты в специальное глиняное покрытие, расположенное двумя уступами общей мощностью 0,7 м. В заполнении постройки найдены обломки стеклянных браслетов, а в его нижней части — шиферное пряслице и пружинные ножницы.

Постройка 2, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток, почти квадратная в плане (длина стен около 2,5 м), обнаружена на уровне материка (рис. 1). Она имела, очевидно, производственное назначение. Открыты остатки двух печей (развал камней и слой красной обожженной глины), расположенных у северо-восточной стены и в южной части сооружения. Стены постройки были бревенчатыми: контуры ее четко очерчивались полосами сгоревшего дерева. С внешней стороны около стен обнаружены ямки от столбов, служивших, вероятно, для поддержания кровли. В нижнем горизонте заполнения постройки собраны обломки стеклянных браслетов, стеклянный плак, железный наконечник стрелы, долото, пилыце, каменный точильный брусок.

С восточной стороны с постройкой соединялось нешироким коридором наземное сооружение, прямоугольное в плане (2×2 м), имевшее хозяйственное назначение (клеть). На дне его (углубленном в материк на 0,4 м), выложенном мелкими камнями, обнаружены слой обугленного зерна и некоторые бытовые предметы: железный цилиндрический замок, ключ, нож, дужка от ведра, обломки стеклянных браслетов, костяная обойма от рукоятки ножа, обломок створки каменной литейной формочки с надписью в две строки (к сожалению, не читаемой) на торцовой части и отверстием для штифта, скрепляющего створки (рис. 2, 1). Найдены также обломки гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв.

Постройка 3 имела в плане округлые очертания, напоминая форму чаши, полого суживающейся книзу (рис. 1). Верхний горизонт ее заполнения состоял из черного грунта, насыщенного углем и обугленным зерном, нижний, с большим количеством древесного тлена, содержал остатки истлевших досок пола. В сооружении найдены цилиндрический замок, пинцет, обломок скобеля, долото, наконечники двух бронебойных стрел, пластины от панциря, обломки бронзовых и стеклянных браслетов, решетчатый перстень, семилопастное височное кольцо, обломки креста-энколпиона, двучастные и четырехчастные пронизки, хрустальные шарообразные бусы. Среди фрагментов гончарной керамики встречаются и покрытые поливой. По-видимому, эта постройка служила погребом, возможно, примыкавшим к наземной избе, выходившей за пределы рас-

Рис. 2. Находки из сооружений и культурного слоя

1, 3—3а — литейные формы; 2, 18 — решетчатые перстни; 7 — семилопастное височное кольцо; 9 — крестик; 10 — замочек; 11, 15, 19—22 — браслеты; 12 — лушница; 13 — бубенчик; 14 — сестельник; 16, 16а — колт; 17 — привеска; 1, 3—3а, 14 — камень; 2, 8—13, 15, 17—22 — бронза; 7, 16, 16а — серебро

копа⁴. Почти в центре землянки найден железный ключ от цилиндрического замка с круглой лопаточкой (тип А), а несколько поодаль от него — и сам замок.

Данных для реконструкции погребя немного. Вдоль западной части котлована, по его внешнему периметру, обнаружены столбовые ямки (диаметр 0,25—0,3 м, глубина в материке от 0,15 до 0,35 м). Некоторые из них были сдвоены. Возможно, столбы шли по всему периметру сооружения (восточная часть его была срезана траншеей Н. И. Булычева) и служили опорой стен и перекрытия.

Наземные жилища сохранились хуже, чем полуземлянки. Жилища ставились по периметру площадки детинца, параллельно склону, их площадь не превышала 20—25 кв. м (4×5,5×5 м).

Постройка 5 (печь 1) расположена в юго-восточном углу раскопа 6. Остатки печи — толстый слой красной обожженной глины (ее под имел размеры 0,6×0,3 м). Около печи открыто скопление извести, обугленного зерна и найдены разнообразные предметы быта и украшения.

Деревянные конструкции дома не сохранились, однако зафиксирован слой древесного тлена, лежавший как бы по направлению досок пола. Здесь найдены железный ключ цилиндрического замка, дужка от ведра, ножи, гвозди, пластины от панциря, обломки бронзового котла, стеклянных браслетов, керамика XII—XIII вв.

Постройка 6 (печь 2) обнаружена в северо-восточной части раскопа 6. Развал печи — пласт красной обожженной глины пода (размеры 0,5×0,6 м) — лежал на черном слое, насыщенном обугленным зерном. Вокруг печи сконцентрированы обломки бронзовых и стеклянных браслетов, хрустальная шарообразная бусина, бронзовое семилопастное височное кольцо, железное шило. Рядом с печью найдена половина жернова, две другие его части обнаружены западнее и севернее.

Постройка 7 (печь 3) располагалась у северной стенки раскопа 6 (рис. 1). Площадь, занятая развалом обожженной глины, составляла 1,6×1,6 м. Хорошо просматривается под печи, имевший овальную форму (размеры 1,6×0,8 м) и докрасна прокаленную поверхность. С северо-восточной стороны к печи примыкал слой извести, северо-западнее лежал обломок жернова.

Постройка, почти квадратная в плане (сторона около 4 м), была слегка углублена в грунт. Около печи и в нижнем горизонте заполнения жилища обнаружено множество предметов. Можно полагать, что владельцем дома был довольно зажиточный горожанин — возможно, ремесленник. Об этом свидетельствуют в первую очередь вещи неместного происхождения: крест-энколпион, привезенный из Киева, и бронзовый замочек в виде лошадки (рис. 2, 10), подобные которым распространены в Болгаре в XII—XIII вв.⁵ Кроме них, найдены ювелирный молоточек, куски стеклянного шлака, обломки бронзовых и стеклянных браслетов, бусина, железный наконечник стрелы, удила, фрагменты гончарной керамики XII—XIII вв.

Постройка 8 (печь 4) обнаружена у восточной стенки раскопа 6 (рис. 1). Это наземное сооружение размерами около 4×3,5 м. Его очень темное заполнение насыщено обугленным зерном, ниже которого лежал сплошной угольный слой.

Глинобитная печь (слой красной обожженной глины размерами 0,6×0,6 м) была сооружена на материковом грунте (часть ее выходила за пределы раскопа). На поверхности печного пода оказались кости женского скелета — часть искривленного позвоночника и ребро. Среди костей найдена обломок семилопастного височного кольца, около печи — слиток стеклянной массы (бракованные браслеты?), обломки стеклянных браслетов. На сгоревшем полу — обломки бронзового котла, железные и костяные поделки и т. п.

От постройки 9 в раскоп вышла только незначительная часть печи 5 (рис. 1).

Постройка 10 (печь 6) расположена в средней части раскопа 6. Слой

обожженной глины печи занимал площадь $0,6 \times 0,4$ м и имел толщину 10 см. Постройка, незначительно углубленная в материковый грунт (глубина от поверхности горизонта 0,8 м), была невелика: ее длина с запада на восток 2,8 м, а ширина с севера на юг — всего 2,2 м. Заполнение котлована черное, углистое, с горелым зерном, характерное для слоя «монгольского» пожара. После того как дом сгорел, часть его пространства (так же как и постройки 8) была нарушена при сооружении постройки 3.

Наиболее полно сохранилась печь 7 в постройке 11 (рис. 1), расположенной в южной части раскопа 6 (большая часть самого дома не вошла в раскоп). Прокаленный под печи размерами $1,2 \times 1,2$ м имел толщину 30 см. Печь была сооружена, по-видимому, на столбовом опечке: после того как обожженная глина была снята до основания, под ней открылись две столбовые ямки диаметром 0,2 и 0,3 м, глубиной в материке 0,3 м. Вокруг печи собраны обломки витых и стеклянных браслетов, обломок литойной формочки для лучевого колта (рис. 2, 3), бузина, железный ключ цилиндрического замка, фрагменты гончарной керамики, днища сосудов с клеймами. Отметим, что в «горелом» слое раскопа 7 найдены еще три обломка литейных формочек: одной — для изготовления колта (рис. 2, 4), двух — для створчатых браслетов и крестиков (рис. 2, 5—6а). Особенно интересна одна из этих формочек, на которой изображена несомненно человеческая фигура, сохранившаяся не полностью (рис. 2, 5).

Остатки еще одного сгоревшего наземного жилища исследовались в верхнем горизонте домонгольского культурного слоя раскопа 8. Площадь жилища около 24 кв. м, развал глинобитной печи обнаружен в северо-западном углу. Следы сооружения улавливались по интенсивно черной окраске культурного слоя и концентрации находок, сильно деформированных от огня. Постройка ориентирована по линии северо-запад—юго-восток, место входа определить не удалось.

Плохая сохранность деревянных строений в культурном слое Серенска затрудняет их реконструкцию⁶.

В заполнении названной постройки, как и в рассмотренных выше жилищах, собрано много предметов: обломки стеклянных браслетов, а также бронзовых витых, плетеных и пластинчатых (рис. 2, 15), решетчатые перстни (рис. 2, 2, 18), части семилопастных височных колец, пряжки (рис. 3, 23, 24), железные ключи, замки, ножи, сковороды, цепь, обломки медных котлов, дверная ручка с пробоем (рис. 3, 25), железные наконечники стрел (рис. 3, 4). Обращает на себя внимание большое количество найденных здесь шиферных и глиняных пряслиц, что, возможно, связано со спецификой постройки.

Поблизости от жилища, возможно в пределах его двора, в слое пожара также найдены интересные вещи: перекрестье сабли (рис. 3, 11); костяная печать в виде шахматной фигурки-пешки (рис. 3, 16) с изображением стилизованного зверька (вторая находка в Серенске)⁷; привеска-иконка; пластинчатый орнаментированный шумящий браслет с колечками (рис. 3, 27, 27а); круглая орнаментированная «чашечка» от подсвечника (подобные встречались в Серенске и в других раскопах); плоский серебряный равносторонний крестик с округлыми лопастями и средокрестием, близкий по форме новгородскому XII в., но чуть больших размеров и без орнамента (рис. 2, 9)⁸. Здесь же найдена и бронзовая круглая литая прорезная привеска с включенным крестом (рис. 2, 17). Подобные привески распространены в курганах Руси XII—XIII вв. и в городских слоях⁹. В Серенске они, несомненно, изготовлены местным мастером, так как ранее здесь были найдены их полуфабрикаты, а также литейные формочки для изготовления различных крестовидных привесок¹⁰. Здесь уместно упомянуть, что в 1983 г. поблизости от постройки 1 (раскоп 8) найдена ювелирная железная наковальня, имеющая с одной стороны удлиненный выступ-рог для изготовления разнообразных фигурных изделий (рис. 3, 15)¹¹. Подобная наковальня, но несколько боль-

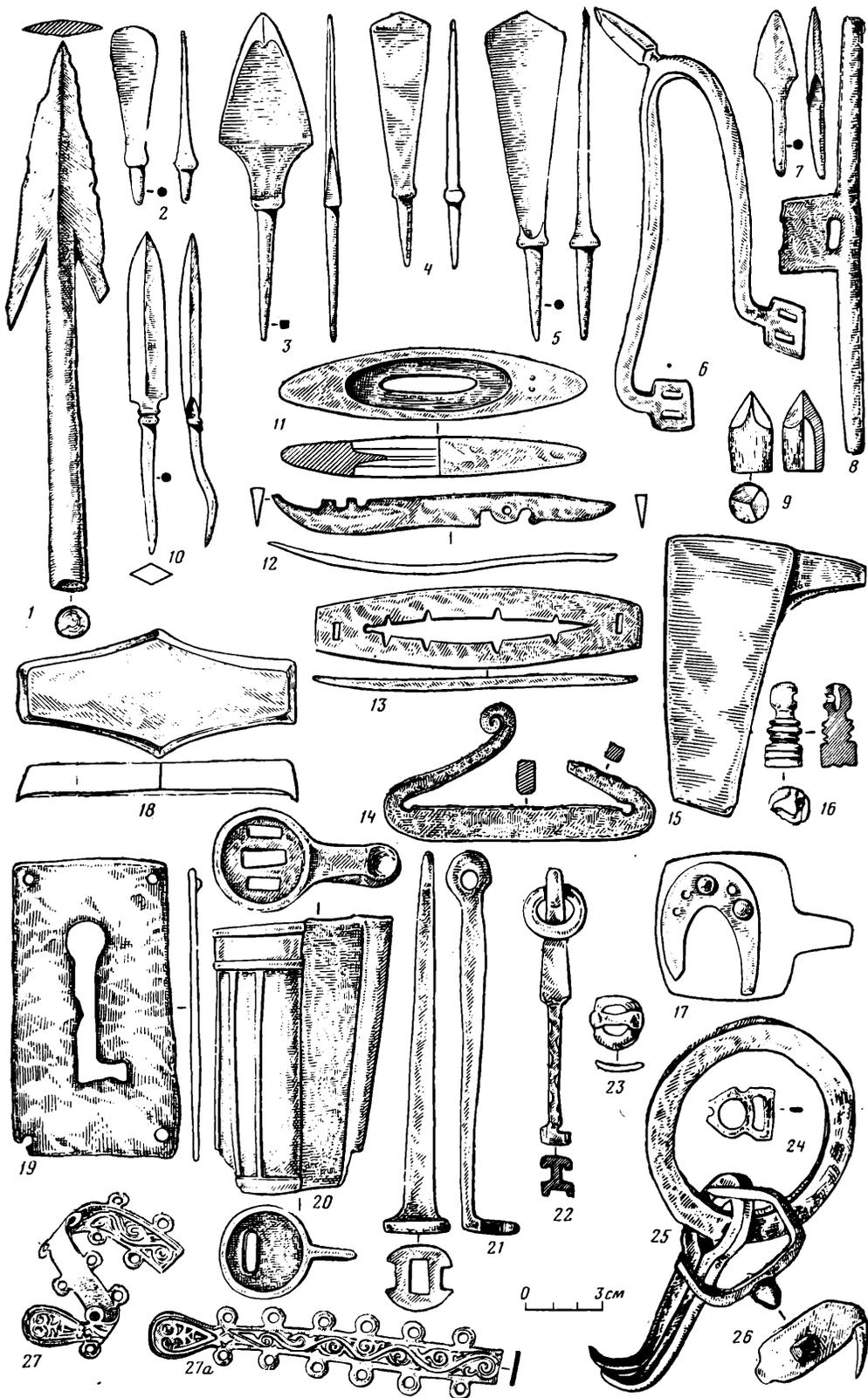

Рис. 3. Находки из слоя и сооружений

1 — наконечник копья; 2—5, 7, 9, 10 — наконечники стрел; 6 — шпора; 8 — псалий; 11 — перекрестье сабли; 12 — складной нож; 13, 14 — кресала; 15 — наковальня; 16 — печать; 17 — подковка; 18 — денежная гривна; 19 — дверная личина; 20 — замок; 21, 22 — ключи; 23, 24 — пряжки для шпор; 25 — дверная ручка; 26 — ледоходный шип; 27, 27а — пластинчатый шумящий браслет; 1—8, 10—15, 17, 19—26 — железо; 9, 16 — кость; 18 — серебро, 27 — бронза

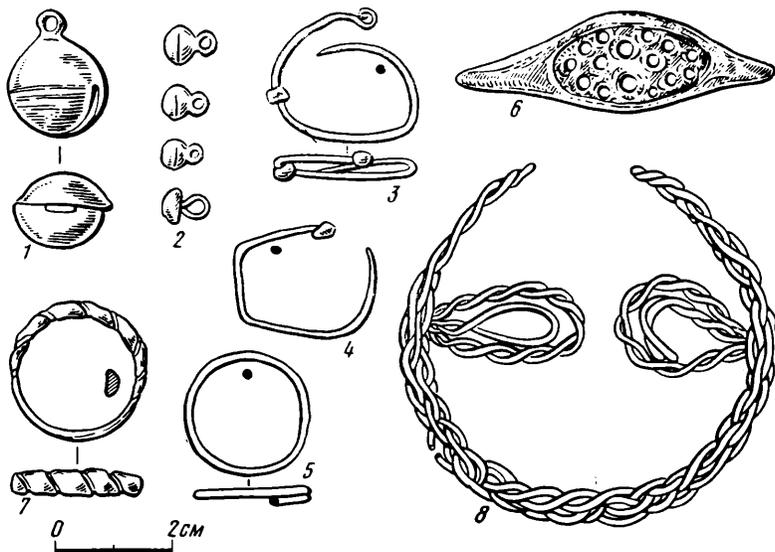

Рис. 4. Бронзовые вещи из погребения 1 (раскоп 8)

1 — бубенчик; 2 — пуговики; 3—5 — височные колечки; 6, 7 — перстни; 8 — браслет

ших размеров, известна из слоя XII в. Новгорода¹². В детинце и на посаде Серенска довольно часто встречаются и другие инструменты ювелиров, в частности, пинцеты¹³.

Найдены в Серенске и предметы неместного происхождения. Так, в 1983 г. найден серебряный полый звездчатый шестилучевой колт, орнаментированный зернью и с тремя шариками зерни на концах (рис. 2, 16, 16а), подобный серебряным колтам из кладов, зарытых в Киевской земле в 70-х годах XII в.—1240 г.¹⁴ Близкие этому украшению литые колты — бронзовый и из оловянисто-свинцового сплава — найдены в Новгороде в слоях XII—XIII вв.¹⁵

Серебряная шестиугольная денежная гривна киевского типа весом 170 г (рис. 3, 18) также попала в Серенск, очевидно, из Киева, где серебряные денежные слитки чаще находили в кладах¹⁶, но иногда и в домах богатых купцов¹⁷.

Раскопки 1980 г. в Серенске, как уже отмечалось¹⁸, дали новые дополнительные материалы, уточняющие время возникновения и планировки детинца. Наиболее раннее древнерусское поселение возникло в начале XI в. на примыкавшей к р. Серена части мыса. В северо-западной части серенского детинца при наших прежних раскопках найдены предметы, указывающие на более раннюю дату возникновения города, чем можно предполагать на основании летописных данных¹⁹. В 1980—1983 гг. коллекция таких вещей пополнилась. Найдены еще один железный ключ с круглой лопаточкой (тип А)²⁰ и цилиндрический замок того же времени, некоторые ювелирные изделия. Отметим маленькую литую бронзовую ширококорогую лунницу, орнаментированную рельефными линиями и шариками ложной зерни (рис. 2, 12).

Подобные украшения, более характерные для погребений и кладов, чем для поселений, входят в моду в конце X—начале XI в. Прототипами таких лунниц были дорогие серебряные образцы с напаянными шариками зерни и филигранью, датированные второй половиной X—началом XI в.²¹ Центром их изготовления Г. Ф. Корзухина считала Волынскую землю²². К тому же времени относятся и ширококорогие биллоповые литые лунницы, найденные в Новгороде²³.

Интересен бронзовый пластинчатый браслет, концы которого завершаются расширениями в виде человеческого лица. Поверхность браслета орнаментирована косыми крестами и треугольниками, прочерченными

тонкими волнистыми линиями (рис. 2, 11). Подобные браслеты (по В. П. Левашовой личиноконечные) датируются XI—началом XII в.²⁴

На сравнительно раннюю дату возникновения Серенска указывает и находка двушипного втульчатого наконечника копья (рис. 3, 1). Подобные наконечники копий-гарпунов встречаются на памятниках IX—XI вв.²⁵

С этими предметами увязывается и сравнительно ранняя гончарная керамика, орнаментированная параллельными линиями по всему тулову сосуда (постройки 3 и 4 раскопа 6). В раскопе 7 (1982 г.), заложенном на самом северо-восточном краю площадки детинца, остатки древнерусских сооружений почти не сохранились. Однако количество находок здесь очень велико. Это кресала (рис. 3, 13, 14), ножи, в том числе и складные (рис. 3, 12), дверные личины (рис. 3, 19), замки, ключи (рис. 3, 20—22), подковки для сапог (рис. 3, 17), ледоходные шипы (рис. 3, 26), предметы вооружения и снаряжения всадника и коня — наконечники стрел (рис. 3, 2, 3, 5, 7, 10), в том числе втульчатый костяной (рис. 3, 9), шпора (рис. 3, 6) и псалий (рис. 3, 8). Найдены и украшения — браслеты, перстни, большая часть которых связана, очевидно, с разрушенными погребениями.

В северной и северо-западной частях детинца Серенска открыты погребения людей, погибших здесь, очевидно, во время катастрофы 1238 г. Погребенные лежали на материке, головой на юго-запад, и, поскольку могильные ямы вырыли в горелом культурном слое, были усыпаны обугленным зерном. При некоторых женских скелетах обнаружены семилопастные височные кольца (рис. 2, 7), криновидный крестик (рис. 2, 8), рыбовидные сердоликовые и хрустальные бусы, бронзовые и биллоновые решетчатые перстни, браслеты (рис. 2, 19—22), бубенчики (рис. 2, 13). В одном из мужских погребений найден каменный нателный крестик. В женском погребении 1 обнаружены три бронзовых перстнеобразных височных колечка, плетеный браслет, решетчатый и рубчатый перстни, шаровидный бубенчик с линейной прорезью и четыре мелкие пуговицы с ушком (рис. 4, 1—8).

¹ Никольская Т. Н. К истории древнерусского города Серенска. — КСИА, 1968, 113, с. 108—116; *Она же*. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. — КСИА, 1971, 125, с. 73—81; *Она же*. Литейные формочки древнерусского Серенска. — В кн.: Культура средневековой Руси. М., 1974, с. 40—46; *Она же*. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска. — СА, 1974, № 1, с. 237 сл.; *Она же*. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 112; *Она же*. Земля вятичей. М., 1981, с. 136—141, 183, 190, 193, 204—206.

² Работы велись ИА совместно с Калужским обл. управлением культуры, Калужским музеем и Гос. пед. ин-том им. К. Э. Циолковского. В разное время в работе экспедиции принимали участие сотрудники ИА и ГИМ М. А. Карповская, А. В. Куза, Н. Г. Недошивина, М. Д. Полубояринова, Т. В. Равдина, Г. П. Смирнова, И. К. Фролов, С. С. Ширицкий, художники Ю. А. Иванов, Е. Ф. Маражулина, Г. Г. Миносян, преподаватели и учащиеся Калужского Гос. пед. ин-та, московских вузов и школ (Н. А. Богодарова, Э. А. Горская, А. А. Довбня,

Г. М. Журова, Т. Ю. Морозова, Е. И. Расторопов, С. В. Строкин, Т. М. Хохлова).

³ ПСРЛ. СПб., VI, с. 231 (под 1480 г.).

⁴ В северо-восточной части котлована (глубина 1,6 м) на каменной вымостке лежали два черепа коровы. Рядом с ними стоял почти целый маленький гончарный сосуд, формой напоминающий мисочку с ребром и вогнутой шейкой (по Г. П. Смирновой — начало XI в.). Рядом с коровьими черепами оказались два черепа и кости скелета человека, лежавшие в беспорядке. Кости в некоторых местах обрублены. Создается впечатление, что люди были убиты и затем сброшены в погреб.

⁵ Сообщено М. Д. Полубояриновой.

⁶ На городище Слободка, например, или в Старой Рязани от наземных построек иногда сохранялись только подпольные или подпечные ямы, в заполнение которых попадали развалы глинобитных печей, остатки сгоревшего или истлевшего дерева и скопления предметов быта, ремесла, украшений. См.: Никольская Т. Н. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). — КСИА, 1963, 96, с. 29; Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, 49, с. 40—50. Та же

- картина наблюдалась и при раскопках В. В. Седова на Бородинском городище в Смоленщине. Исследованные в последние годы богатые наземные постройки окольного города древнего Новогрудка тоже часто не имели четких границ, но остатки сгоревших или истлевших конструкций, глинобитные печи и обилие инвентаря позволили Ф. Д. Гуревич досконально их изучить. См.: *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, 1960, 92, с. 98; *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок, посад — окольный город. Л., 1981, с. 23 сл.
- ⁷ *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска. — КСИА, 1971, 125, с. 95—97, рис. 33.
- ⁸ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 52, рис. 16, 12.
- ⁹ *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески. — В кн.: *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* М., 1967, с. 107, 108, рис. 18, 10—12; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 42, рис. 14, 1; *Загоруйский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982, табл. XVII, 14, 15; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 176, рис. 26, 7—11.
- ¹⁰ *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу..., с. 129, рис. 2, 4; с. 130, рис. 3, 1, 4.
- ¹¹ Ювелирная наковальня с квадратной рабочей частью без выступа из раскопа 2 1966 г. опубликована. См.: *Никольская Т. Н.* Древнерусский Серенск..., с. 80, рис. 26, 9.
- ¹² *Колчин Б. А.* Железобработывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, 65, с. 21, рис. 7, 1.
- ¹³ В 1983 г. при раскопках насыпи вала в окольном городе и в раскопе 16 найдены два пинцета (большой и малый) с Г-образными губами.
- ¹⁴ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954, табл. X; XI, 1.
- ¹⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 19, 20, рис. 5, 9—11.
- ¹⁶ *Килевич С. Р.* Детинец Киева IX—первой половины XIII в. Киев, 1982, с. 123, рис. 85.
- ¹⁷ Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 370. В 1965 г. в детинце Серенска была найдена половинка такой гривны.
- ¹⁸ *Никольская Т. Н.* Раскопки древнерусского Серенска. — АО 1980 г. М., 1981, с. 71, 72.
- ¹⁹ *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска, с. 116.
- ²⁰ Там же, с. 112, рис. 36, 13.
- ²¹ *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески, с. 100, 102, 103, рис. 3—5.
- ²² *Корзухина Г. Ф.* Русские клады..., с. 65.
- ²³ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 24, рис. 6, 1, 4, 6.
- ²⁴ *Левашова В. П.* Браслеты. — В кн.: *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* М., 1967, с. 234, 239, рис. 30, 9. В. П. Левашова считает, что эти браслеты могли быть прототипами овальноконечных браслетов.
- ²⁵ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 17, табл. X, 4; *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978, с. 106, табл. 15, 10.

Н. В. ЖИЛИНА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТВЕРИ

Тверь — один из крупных городов Северо-Восточной Руси, имевший большое значение в общественно-экономическом развитии и политической истории. Возвышение Твери в основном приходится на посломонгольское время. В решении вопроса о происхождении города решающую роль играет археологический материал, поскольку письменные источники о ранней Твери малочисленны, а первое прямое летописное упоминание относится к 1209 г.¹

В Сказании о Владимирской иконе божьей матери (60-е годы XII в.) эпизод об исцелении боярыни рассказывается после слов: «А се бысть въ Тѣри»². В «Истории Российской» В. Н. Татищева возникновение Твери отнесено к 1182 г. Владимирский князь Всеволод Юрьевич «на Волге же при устии реки, оставя войско, велел построить Твердь». Построена эта крепость-твердь, отождествляемая с Тверью, с целью «крепко наблюдать», чтобы «от новгородцев и Торжка люди для воровства на Волгу не проезжали»³. Относиться к данному высказыванию следует и как к источнику, и как к авторской концепции В. Н. Татищева. С ним находит связь летописное свидетельство 1180 г., согласно которому в устье Тверцы собираются войска черниговцев, новгородцев и половцев

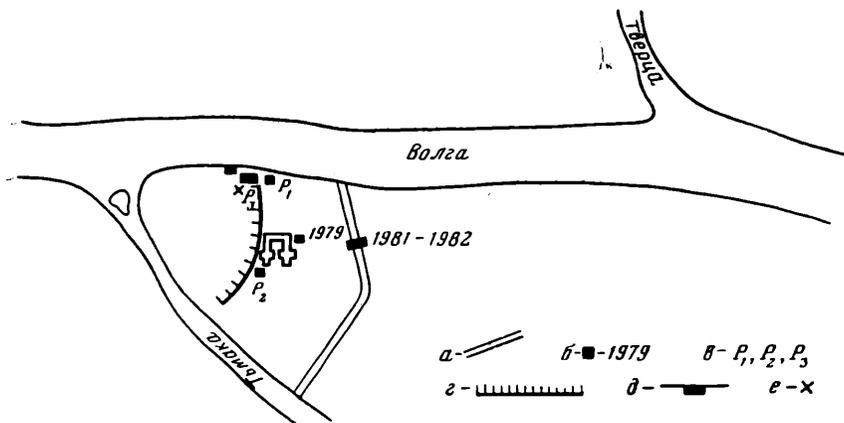

Рис. 1. Схема древней Твери

а — линия укреплений 1317 г.; б — раскоп и год раскопок; в — раскопки 1—3 1983 г.; г — линия бурения; д — разрезы наблюдений; е — место находки берестяной грамоты

для военного похода на Суздаль против Всеволода Юрьевича: «Сняшася на Волзе усть Твери»⁴.

Река Тверца — удобный водный путь, связывавший Верхневолжье с Новгородской землей, что не могло не способствовать освоению устья Тверцы новгородцами. При описании событий 1180—1181 гг. район устья этой реки представляется зоной новгородской экспансии. Поэтому логично предположить, что владимирский князь Всеволод Юрьевич построил крепость-твердь на противоположном берегу в устье Тьмаки (рис. 1)⁵.

Летописное свидетельство 1208—1209 гг. рассказывает уже о сборе в Твери войск сыновей Всеволода Большое Гнездо для нападения на Торжок и о «взятии мира в Твери». Очень вероятно, что войска противников собирались в разных местах, и если устье Тверцы было опорным пунктом новгородцев, то мыс Тьмаки и известная по летописям Тверь служили опорным пунктом владими́ро-суздальским князьям.

В одной из частей Воскресенской летописи сообщается, что «великий князь Ярослав Всеволодович по Батыеву пленении... на Волзе постави град и воименова его Тверью по Тверце реке, а наперед того в том месте град не был»⁶. На основании данного свидетельства с самого начала изучения Твери (вторая половина XVIII в.) была высказана и прочно утвердилась в дореволюционной историографии точка зрения, что Тверь первоначально возникла на левом берегу Волги (мыс Тверцы), а после монголо-татарского разорения города была перенесена с левого берега на правый мыс, в устье Тьмаки⁷. В. С. Борзаковский, правда, справедливо отметил, что никаких летописных свидетельств о переносе города нет⁸. Действительно, данное свидетельство не упоминает о берегах Волги, как и все предыдущие, оно не локализует район, о котором идет речь. Сомнения в приведенной выше точке зрения усилились, когда в начале XX в. к исследованию Твери были привлечены археологические источники. Квалифицированное археологическое описание Твери составлено В. А. Плетневым, который указал, что «признаков первоначальной крепости на устье Тверцы незаметно, но от крепости, бывшей на правом берегу Волги и Тьмаки, остались валы вдоль берегов Тьмаки»⁹.

В советский период исследование Твери было продолжено. В 1933 г. О. Н. Бадер произвел осмотр Тверского городища, обратив внимание именно на участок правого берега Волги, характеризующийся обнажениями мощного культурного слоя, как на наиболее важный для дальнейших исследований¹⁰. В 1934—1937 гг. разведки и раскопки на небольших площадях в Твери производил Н. П. Милонов¹¹. Однако по-

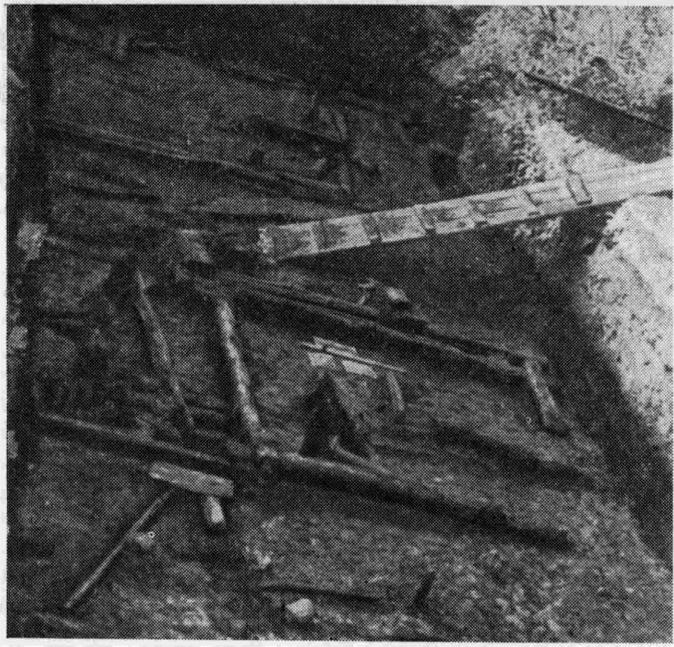

Рис. 2. Деревянные жилища раскопа 3 1983 г. (в левой части — остатки чана столбовой конструкции)

левая документация и отчеты Милонова в целом недостаточны для проверки его выводов. Все же можно выделить ряд положений этого исследователя: 1) на мысу при впадении в Волгу Тверцы ранний, домонгольский, культурный слой не обнаружен; 2) культурный слой XII—XIII вв. присутствует на мысу при впадении в Волгу Тьмаки. Историческое обобщение письменного и археологического материала по Твери сделано А. Н. Вершинским¹². На основании выводов Милонова создается представление, что Тверь существовала с XII в. на мысу Тьмаки сразу в тех широких границах, в которых вплоть до XVII—XVIII вв. находились остатки тверской крепости.

Материалы археологических исследований 1979—1983 гг. позволяют выдвинуть в качестве тезиса следующее: Тверь как город существует с домонгольского времени, с XII—начала XIII в., на мысу Тьмаки¹³.

Изучение широкого пояса тверских укреплений показало, что в границах своего максимального развития тверская крепость существует с 1317 г.¹⁴ В 1983 г. наблюдения и раскопки были проведены ближе к месту слияния Тьмаки и Волги. Два раскопа (общая площадь 188 кв. м) и два стратиграфических разреза (обнажения берега и стенка строительного котлована, общая длина 27 м) позволили выделить культурный слой XII—начала XIII в., имеющий мощность до 1 м (рис. 1).

В этом слое встречена керамика XII—XIII вв., тесто которой содержит грубые примеси (крупный галек, дресва). У сосудов вертикальные и приближающиеся к вертикальным шейки, низкие плечи, прямые края венчиков, донца сформованы на грубой подсыпке и имеют закраины. На сосудах есть гребенчатый (штампованный), тычковый и линейно-волнистый орнамент. Найдены также донца с клеймами. Выделяются элементы более раннего времени: венчик XI в., фрагменты лепной посуды.

По основным вещевым находкам датировка выделенного слоя домонгольским временем подтверждается. Это обломки стеклянных кубков с поддоном и зонные стеклянные бусы киевского производства; две зонные синие стеклянные бусины византийского производства XI в.; ключи

типа Б по новгородской классификации; бронзовый кистень типа Па по классификации А. Н. Кирпичникова; зооморфная подвеска-уточка типа XIX по классификации Е. А. Рябина.

В нижнем слое одного из раскопов найдена первая тверская берестяная грамота, относящаяся по палеографии и языковым особенностям ко второй половине XII—началу XIII в.

В основе нижнего слоя лежат навоз, коричневый суглинок и щепа. Прослеживаются слои пожаров. Среди находок отметим столь характерные для города кожаную обувь, многочисленные стеклянные браслеты, серию железных ножей. Относительно хорошую сохранность имеют хозяйственно-бытовые предметы из дерева. Раскопано двукамерное срубное жилище XII—XIII вв. (рис. 2). Усложнение плана домов, видимо, характерно для города¹⁵.

Раскопан деревянный ящик столбовой конструкции, аналогичный чану XII в. для вымачивания шкур, найденному в Славенском конце Новгорода¹⁶. Непрошитые заготовки деталей кожаной обуви говорят о кожевенном деле. Подставка под наковальню, изготовленная из окорня дерева, и деревянная конструкция, заполненная железным шлаком, свидетельствуют о металлургии, кузнечном деле. Находки детали ткацкого станка (собачки) свидетельствует о распространении горизонтального ткацкого станка в Твери в начале XIII в. С послемонгольским слоем связана также находка железного писала. По данным раскопок, бурения¹⁷ и наблюдений можно предполагать, что нижний слой был распространен на широкой территории — около 5 га.

Высокий мыс Тьмаки гораздо более удобен для основания крепости, чем низменный левый берег. Береговые разрезы наслоений и профили раскопов показывают, что первая надпойменная терраса Волги (мыс Тьмаки является ее останцом) изменена в результате строительной деятельности.

Все покровные отложения уничтожены, домонгольский культурный слой лежит непосредственно на аллювии. Около 1 м покровных отложений снято и полностью переработано человеком. Так сильно изменить стратиграфию террасы мог только город с его интенсивной строительной деятельностью на ограниченной укреплении площади.

Обнаруженный при раскопках на мысу Тьмаки мощный городской слой XII—начала XIII в. можно сопоставить с домонгольской Тверью, которая существовала здесь как город с XII в. Мыс Тьмаки — наиболее древний участок города.

¹ ПСРЛ. СПб., 1856, т. 7, с. 116.

² ГБЛ, Отд. рукописей, № 637, л. 389, 390.

³ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. III, с. 127.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1885, т. 10, с. 7; СПб., 1863, т. 15, с. 266 (1181 г.).

⁵ На это указал В. И. Колосов, считая правый берег значительно более удобным для владими́ро-суздальской стороны в военно-политическом отношении. См.: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917, с. 14.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1856, т. 7, с. 245.

⁷ *Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893; *Коншин Н.* Взгляд на древнюю Тверь. — Твер. губ. ведомости, 1840, № 41; *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876; *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, т. II, с. 444.

⁸ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества, с. 21.

⁹ *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903, с. 180, 181.

¹⁰ Изв. ГАИМК, 1935, вып. 109.

¹¹ *Милонов Н. П.* Археологические разведки в Тверском кремле. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1936, № 9/10, с. 145—155.

¹² *Вершинский А. Н.* Возникновение феодальной Твери. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1936, № 9/10, с. 116, 117.

¹³ В 1979, 1981 и 1982 гг. раскопки в Калининском музее, в 1983 г. — экспедицией ИА.

¹⁴ Анализ результатов археологического изучения Твери дан в нашей статье. См.: *Жилина Н. В.* Укрепления средневековой Твери. — КСИА, 1985, 183.

¹⁵ *Раппопорт П. А.* Древнерусское жили-

ще. — САИ, 1975, вып. Е1-32, с. 94—111, 137—143.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948, рис. 112, 401; Арциховский А. В., Рыбаков Б. А. Раскопки

на Славне. — СА, 1937, III, с. 179—193.

¹⁷ На мысу Тьмаки проведено бурение под наблюдением археолога, с переборкой земли.

А. А. МЕДЫНЦЕВА, Ю. Ю. МОРГУНОВ

НАДПИСЬ НА КОРЧАГЕ С ПОЛТАВЩИНЫ

В 1980 г. Посульская разведочная группа Института археологии АН СССР обследовала древнерусские городища, селище и грунтовой могильник у с. Чутовка (Оржицкий р-н Полтавской обл.) на правом берегу р. Сула¹.

Остатки округлого в плане укрепления размерами 60 (север—юг) × 50 м размещены на высоком мысу третьей надпойменной террасы. Шурфовка на площадке и разрез внутренней части оборонительного вала показали, что эта пограничная переяславская крепость построена на более древнем поселении на рубеже XI—XII вв. Материал в составе культурного слоя целиком домонгольский, его немного: видимо, жизнь за стенами укрепления не отличалась особой интенсивностью.

Иная картина предстает на открытом поселении площадью до 13 га, охватывавшем детинец полукольцом, со стороны плато. Культурный слой мощностью 0,6 м (гумусированный чернозем) содержит керамику, отражающую непрерывную и активную жизнь с конца X—начала XI в. до середины XIII в.

Весьма обилён подъемный материал: индивидуальные находки представлены шиферными пряслицами, орнаментированными астрагалами, фрагментами желтого плоско-выпуклого стеклянного перстня и калаче-

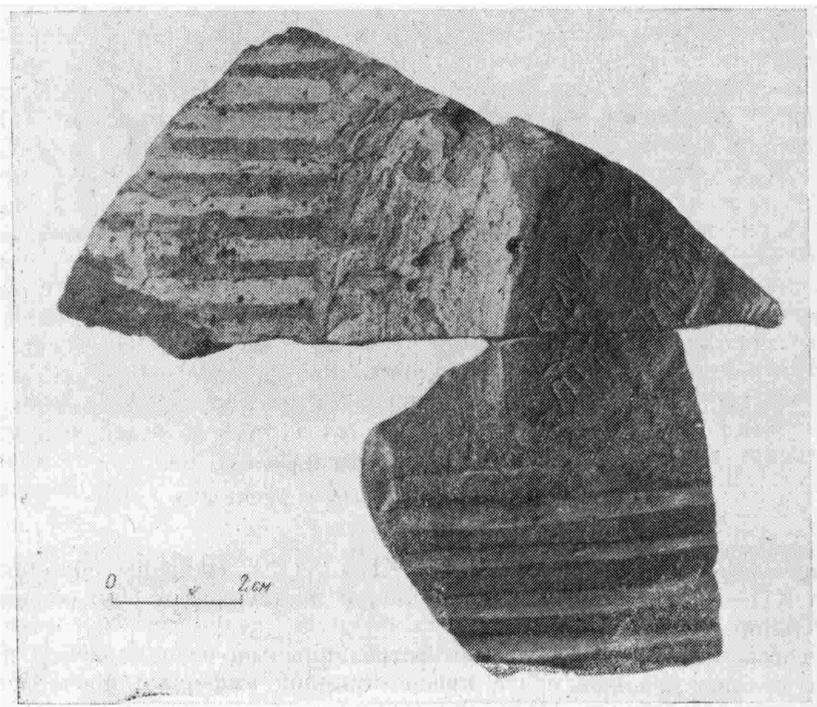
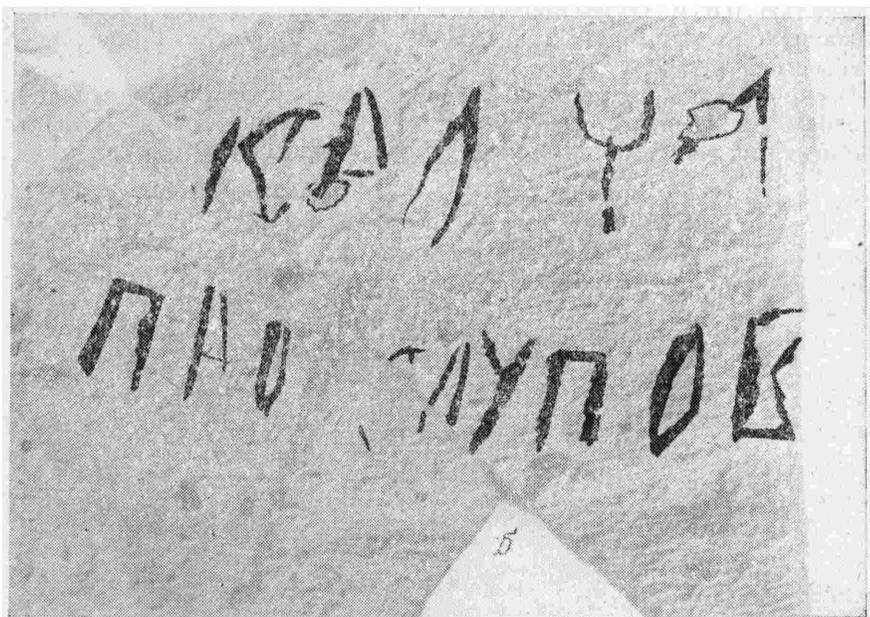

Рис. 1. Фрагменты корчаги с надписью

Рис. 2. Надпись на корчаге

a — фотография; *б* — прорись на фотографии

видного без язычка кресала конца XI и XII в. Найдены обломок стремени XII—XIII вв. с овальной широкой подножкой и обух хозяйственного топора XI в.

Особый интерес представляют встреченные на распахиваемой поверхности селища два фрагмента красноглиняной амфоры с прочерченными после обжига буквами. Обломки найдены на расстоянии около 200 м друг от друга, но оказалось, что они происходят от одного сосуда и при склеивании на них читается надпись из двух строчек (рис. 1; 2). Мел-

кие неглубокие буквы прочерчены острым предметом на небольшой сглаженной площадке, к которой прикреплялась ручка амфоры. По-видимому, отсутствуют только последние буквы двух строк. В первой строке хорошо сохранилась первая буква -К, затем две буквы повреждены, отчетливо видны γ с глубокой округлой чашечкой и верхняя часть еще одной буквы, по-видимому А. Вторая строка читается легко: ПРО-(К)ОУПОВ[А].

Повреждена лишь буква К, но она легко восстанавливается по сохранившимся штрихам, последняя отсутствующая буква дополнена по смыслу. Таким образом, во второй строке читается имя владельца корчаги, в первой — должно быть слово «корчага», что легко реконструируется по оставшимся буквам. Судя по сохранившимся чертам, на втором месте мы должны прочесть Р, аналогичное по начертанию этой букве из второй строки; на третьем — вытянутое остроконечное О. .

Следовательно, на корчаге были написаны название сосуда и имя собственника в притяжательной форме: К(РО)γ АГА||ПРО-(К)ОУПОВ[А]. Имя — вероятно, производное от христианского «Прокопий», «Прокоп», особенностью является наличие У вместо ожидаемого О, возможно, по аналогии с другими русскими именами, такими, как, например, «Прикуп». В летописи (1229 г.) упомянут новгородский боярин «Прикупов Михаль»².

Таким образом, чтение надписи сомнений не вызывает. Затруднена датировка надписи. Так как фрагменты найдены среди подъемного материала, стратиграфическая дата отсутствует. Другой подъемный материал свидетельствует, что жизнь на селище продолжалась с конца X до середины XIII в. По небольшим фрагментам нельзя восстановить и форму корчаги, что могло бы проверить и уточнить датировку. Поэтому на основании вещеведческого анализа можно датировать надпись домонгольским временем, так как импорт амфорной тары из Причерноморья прекращается с монголо-татарским завоеванием. О домонгольском времени свидетельствует и остальной подъемный материал. Датировать фрагмент с надписью более точно можно лишь на основании данных палеографии. Палеографическая датировка затруднена как небольшим количеством материала, так и плохой сохранностью надписи. Все же обращает внимание тесное письмо с вытянутыми буквами и наклоном вправо. Это отличает надпись от медленного, «торжественного» устава XI—XII вв. Симметричная буква γ — с глубокой чашечкой — типична для XI—XII вв.³ В качестве архаичных начертаний можно отметить Р с прямоугольной головкой, целиком уместающееся в строке, и У с маленькой левой частью, также не выходящей за нижний уровень строки, но эти особенности в памятниках эпиграфики могут встречаться и позднее. В качестве хронологической приметы можно отметить «прояснившийся» Ъ в слове «крочага», написанном по нормам книжного старославянского языка (вместо корчага). «Прояснение» глухих указывает, как правило, на время не ранее второй половины XII в. Следовательно, надпись с учетом всех особенностей можно отнести к XII—XIII вв., более точная датировка затруднительна.

Итак, к известным до сего времени традиционным владельческим надписям на корчаге прибавляется еще одна, найденная на территории Полтавской обл.

¹ Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА в 1980 г. на территории Сумской, Черниговской и Полтавской областей УССР. Архив ИА, р-1, № 7685, 7685а, с. 23—26.

² Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — ЗОРСА, 1903, т. VI, с. 765.

³ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 114, 115.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРЕБНИ С «ГОРБАТОЙ» СПИНКОЙ

Группа односторонних гребней с закругленной, так называемой горбатой спинкой немногочисленна. На территории древней Руси найдено всего четыре экземпляра (рис. 1, 1—4). Один из них, по-видимому, является заготовкой. Все изделия происходят из раскопок С. А. Таракановой на Псковском городище¹. Гребни сделаны из рога. Можно выделить две разновидности: одни несколько вытянуты по вертикали, другие — по горизонтали. Размеры первых: 4×3; 3,2×4 см; вторых — 2,5×3,5; 1,7×4,7 см. Плоскость одного из гребней украшена углублениями в виде ямок и перекрестной насечкой. Вверху — отверстие для подвешивания (рис. 1, 1). У другого имеется три отверстия на плоскости: одно, крупное, — вверху; два мелких — внизу, по краям. Возможно, эти нижние отверстия служили для штифтов, которыми гребень соединялся с футляром (рис. 1, 2). Сплошь орнаментирована спинка третьего гребня (рис. 1, 3). Узор прочерчен мелким зигзагом, размещающимся по контуру изделия. Вверху, как и у описанных гребней, — отверстие для подвешивания; ниже, по краям — два кружка с точками в центре. Справа от центрального отверстия изображены две пересекающиеся зигзагообразные линии. Отсутствием орнамента и отверстия для подвешивания отличается от остальных четвертый гребень (рис. 1, 4).

С. А. Тараканова сравнивает экземпляры с закругленной спинкой с гребнями эпохи погребений, ссылаясь на иллюстрацию в монографии П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена»². Однако гребни, изображенные на этой иллюстрации, мало чем напоминают псковские находки. И все же доля истины в сравнении Таракановой есть. Поэтому права, видимо, Г. Ф. Корзухина, называя один из псковских гребней «потомком римских и позднеримских образцов, известных в Западной Европе до середины I тысячелетия н. э.»³ Наблюдение Г. Ф. Корзухиной подтверждается также находками железных гребней с овальной спинкой, относящихся к позднеримскому времени и эпохе переселения народов и встречающихся в памятниках Западной и Восточной Европы⁴. Подробный анализ этих изделий не входит в наши задачи. Укажем только, что от псковских находок они отличаются большими размерами. Кроме железных, в Восточной Европе встречаются, правда редко, примерно синхронные им костяные гребни (городище Дуна)⁵. Можно предположить, что псковские гребни в какой-то мере действительно наследуют общеевропейские формы позднеримского времени.

Обратимся теперь к датировке псковских гребней. Они были обнаружены в нижних слоях Псковского городища. Один (рис. 1, 1) встречен в раскопе 1 в одном пласте с зооморфным гребнем, украшенным изображением лебедей⁶. Слой, содержащий лепную керамику, С. А. Тараканова датировала широко — III—VIII вв. Зооморфные гребни, между тем, относятся к IX—X вв.⁷ Исходя из совместного положения находок в слое, можно думать, что либо гребень с «горбатой» спинкой относится также к IX—X вв., либо зооморфный гребень надо датировать VIII в., и тогда это будет самая ранняя находка из серии подобных гребней. Следующий экземпляр (рис. 1, 3) найден в раскопе 5 в слое с лепной керамикой баночной и конусовидной форм. Кроме того, в этом же слое обнаружены каменные и глиняные пряслица, костяные наконечники стрел, иглы, проколки, амулеты, бляшка-скорлупка, аналогичная бляшкам из длинных курганов. Весь этот материал позволил С. А. Таракановой датировать данный слой раскопа 5 серединой I тысячелетия н. э.⁸ Отметим, что В. В. Седов определяет дату бляшек-скорлупок IV—VI вв.⁹

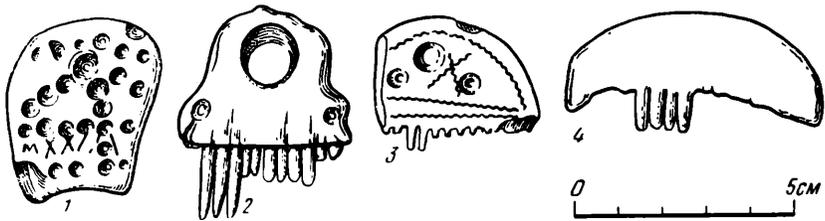

Рис. 1. Роговые гребни из Пскова (1—4)

В последние годы несколько уточнена хронология культурных напластований Псковского городища, вследствие чего С. В. Белецкий относит интересующие нас гребни к третьей четверти I тысячелетия н. э.¹⁰ К. М. Плоткин определяет их время VIII—IX вв.¹¹ Полагаем, что последнее определение ближе всего к истине.

Среди древнерусских находок псковские образцы уникальны. Однако аналогичные средневековые известны на смежных территориях (рис. 2, 1—7). Можно указать роговой гребень, найденный на городище Рыуге; изделие, происходящее из с. Кудым-Кар; не локализованный гребень из сборов Н. Г. Первухина в б. Вятской губернии; такой же — из Старосотенского могильника¹². Гребни с овальной рукоятью, а также с зооморфным «коньковым» завершением спинок, по мнению В. А. Оборина, характерны для родановской культуры Верхнего Прикамья¹³. Отметим экземпляры из Волжской Болгарии и Саркела¹⁴. Некоторые из перечисленных гребней украшены циркульным орнаментом, расположенным в один ряд, а иногда сгруппированным в фигуры в виде треугольников, сочетанием циркульного орнамента и зигзагообразной линии, двумя па-

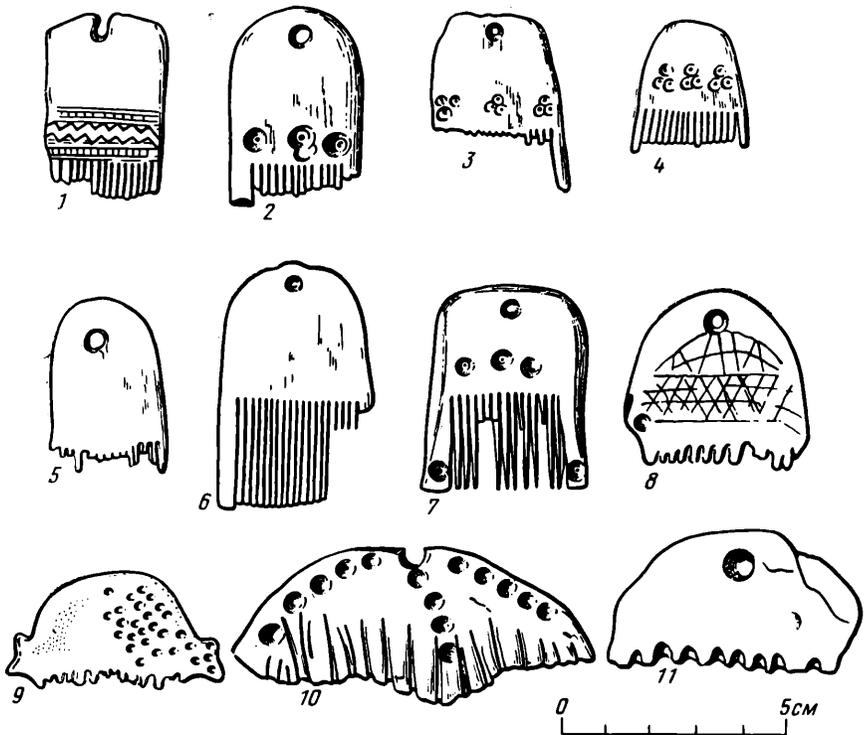

Рис. 2. Роговые гребни (1—7) и янтарные гребнеобразные подвески (8—11)

1 — 6. Глазовский уезд Вятской губернии; 2 — Кудым-Кар (Удмуртия); 3 — Старосотенский могильник (Мордовия); 4 — Среднее Поволжье; 5 — Рыуге (Эстония); 6, 7 — Саркел; 8—11 — Литва (10 — Паланга)

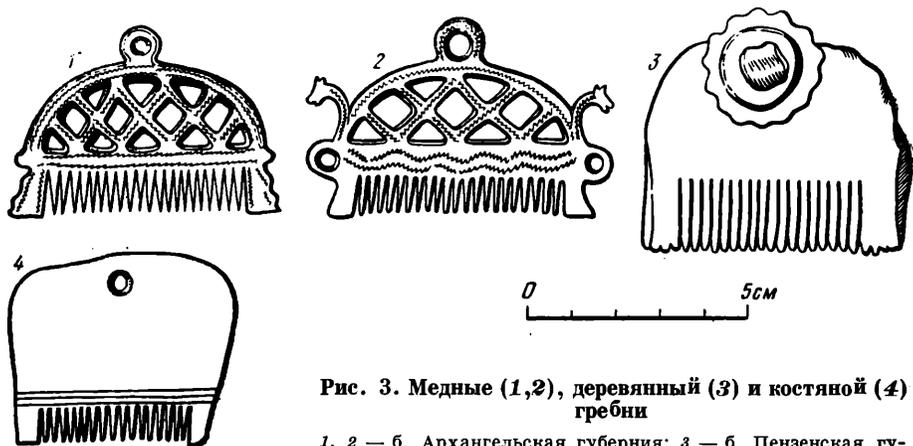

Рис. 3. Медные (1,2), деревянный (3) и костяной (4) гребни

1, 2 — б. Архангельская губерния; 3 — б. Пензенская губерния; 4 — Карелия

параллельными рядами ломаной линии, напоминающей так называемый бегунок. Встречаются и неорнаментированные гребни.

В качестве аналогий привлечем близкий археологический материал — подвески. Некоторые янтарные гребнеобразные подвески из литовских могильников, являвшиеся, по мнению исследователей, особыми воинскими амулетами, очертанием напоминают гребни с овальной спинкой¹⁵. Сходство усиливается благодаря нарезкам, имитирующим зубья гребня (рис. 2, 8—11). Отметим также, что исследуемые гребни сходны и с отдельными украшениями, характерными для средневековых финно-угорских и балтских древностей на территории СССР и средневековых древностей Финляндии¹⁶.

Территория распространения гребней с «горбатой» спинкой частично совпадает с ареалом зооморфных гребней. Отдельные находки (Саркел) расширяют эту территорию в южном направлении.

Археологически документированные гребни относятся к последней четверти I тысячелетия н. э.¹⁷ Более поздним временем (XIII—XIV вв.) датируются находки из с. Кудым-Кар и Старосотенского могильника¹⁸. Примечательно, что гребни с «горбатой» спинкой, как и зооморфные, дожили до XIX в. Подобные изделия из металла и дерева употреблялись в Архангельской и Пензенской губерниях (рис. 3, 1—3)¹⁹, т. е. там, где были распространены и зооморфные гребни. Поверхность одного из этих изделий украшена гравированным орнаментом в виде зигзагообразных линий и прорезями в форме ромбов и треугольников. Другой экземпляр украшен двумя головками коней, что сближает его с металлическими крестьянскими гребнями XIX в. Типологически близок поздним образцам с «горбатой» спинкой и деревянный гребень с медными бляхами из Пензенской губернии. Подобные были распространены у мордвы.

Костяные гребни с округлой спинкой бытовали в XIX в. в Финляндии (рис. 3, 4)²⁰, где входили в карельский народный женский костюм. Их носили на поясе вместе с подвешенными кошельком, игольницей, ножом с ножнами. Пояс с подобным набором подвесок — дань древней традиции.

Приведенные сопоставления не означают, что «этнографические» гребни являются прямыми и непосредственными наследниками ранне-средневековых. Однако здесь обнаруживается стойкая и вовсе не случайная, сохранявшаяся веками традиция убранства народного костюма.

Итак, при изучении гребней с полукруглой спинкой исследователь сталкивается с несколькими факторами: 1) типологическим сходством некоторых форм конца I тысячелетия с восточно- и западноевропейскими образцами первой половины I тысячелетия (последние, правда, в основном металлические); 2) принадлежностью находок конца I тысячелетия преимущественно финно-угорскому миру; 3) сходством неко-

торых гребней с украшениями балтийских и финских племен; 4) встречаемостью образцов с «горбатой» спинкой и зооморфных; 5) длительным сосуществованием форм, имеющих этнографические параллели. Очевидно, как восточно-, так и западнофинские племена Восточной Европы в последней четверти I тысячелетия н. э. пользовались сходными гребнями с «горбатой» спинкой со специфическими местными чертами. Эти образцы, возможно, повлияли на выделку гребневидных подвесок. Что касается псковских находок, то они могут рассматриваться как произведения прибалтийско-финского населения, жившего на Псковском городище в до- и раннеславянское время.

- ¹ Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова. — КСИИМК, 1949, XXVII, рис. 39, в, 19, 21; Она же. Новые материалы по археологии Пскова. — КСИИМК, 1950, XXXIII, рис. 25, 6. Изделия хранятся в Псковском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, инв. № 2205/37; 2207/79; 2208/376; 2208/409.
- ² Тараканова С. А. Псковские городища. — КСИА, 1956, 62, с. 38; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена М., 1953, с. 161.
- ³ Корзугина Г. Ф. Резная кость. Архив ЛОИА, ф. 77, д. 5 (р. 10), с. 10.
- ⁴ Сымонович Э. А. Железные гребешки с поселений черняховской культуры. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 174, 175, рис. 1, 2, 6—8; Шмидегельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—I в. н. э.). Таллин, 1955, с. 104, 105, рис. 26, 8.
- ⁵ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, 72, с. 100, рис. 14, 1.
- ⁶ Тараканова С. А. Раскопки в псковском кремле. — КСИИМК, 1947, XXI, с. 143.
- ⁷ Кондрагьева О. А. Зооморфные гребни IX—X вв. — КСИА, 1981, 166, с. 106, 107.
- ⁸ Тараканова С. А. Новые материалы... с. 53.
- ⁹ Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 34.
- ¹⁰ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). — КСИА, 1980, 160, с. 12, 14, 15, рис. 6, 2, 3; 7, 2.
- ¹¹ По любезному сообщению К. М. Плоткина.
- ¹² Шмидегельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, табл. VII, 1;
- Спицын А. А.* Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых. — МАР, 1902, № 26, табл. XXV, 5; Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. — МАВГР, 1896, т. II, табл. V, 2; Алихова А. Е. Старосотенский могильник. — В кн.: Археологический сб. Саранск, 1948, 1, с. 251, табл. I, 20.
- ¹³ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. — САИ, 1979, вып. Е1-59, с. 60.
- ¹⁴ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 125, рис. 85; ОИПК ГЭ, ВД/С-195, Саркел, 1949; ВД/СII-2565, Саркел, 1951.
- ¹⁵ Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Вильнюс, 1966, кн. 2, с. 156 (№ 38, 39); Varnas A. Gintaro apdirbimas. — In: Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. Vilnius, 1978, I, 5 pav., XXV pav.
- ¹⁶ Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896, Taf. 23, 13; Голубева Л. А. Зооморфные украшения... с. 31, рис. 13; Хвоцинская Н. В. Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтове и Калихновщина). — КСИА, 1976, 146, с. 19, рис. 1, 23, 24; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1973, Abb. 474, 764.
- ¹⁷ Литовское народное искусство... с. 156; сообщение М. Э. Аун.
- ¹⁸ Спицын А. А. Древности Камской Чуды... с. 47; Алихова А. Е. Старосотенский могильник, с. 224, 225.
- ¹⁹ Ефименко П. С. Старинные гребенки в Пинежском уезде Архангельской губ. — В кн.: Древности: Тр. МАО, 1874, т. IV, вып. 1, с. 49, рис. 2 на с. 50; Гос. музей этнографии народов СССР, инв. № 3255-2, 1065-63.
- ²⁰ Vilppula H., Kaukonen T.-I. Folk costumes and textiles. The National Museum of Finland. Helsinki, 1975, p. 13 (верхний).

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ ИЗ ДРЕВНЕРУССКОГО МОГИЛЬНИКА В ТОРОПЦЕ

С древнерусским городом Торопцом связано два курганных могильника¹. Один из них расположен к западу от Большого Торопецкого городища, за Броснинским болотом, а другой — к югу от этого городища. Еще в конце XIX в. оба могильника включали большое количество насыпей². К настоящему времени уцелело лишь незначительное число курганов³.

В различное время раскопано пять насыпей⁴. Материалы дореволюционных раскопок не были опубликованы и не сохранились. Из раскопанных в более позднее время только одно погребение, исследованное в 1949 г. Я. В. Станкевич, сопровождалось оружием и украшениями.

При останках мужского костяка, лежавшего в подкурганной яме, находились треугольная в сечении подковообразная застежка с завернутыми концами, два ромбических наконечника стрел и бронзовый поясной набор, состоящий из 18 сердцевидных бляшек, пряжки, наконечника, двух колец-разделителей и четырех обоев⁵. Я. В. Станкевич датировала погребение концом X—началом XI в. Однако эту дату следует расширить, так как обряд погребения в яме под насыпью⁶, подковообразные застежки такого типа⁷ и плоские ромбические стрелы без упора⁸ употреблялись и в более позднее время.

Особый интерес представляет поясной набор (рис.). Отдельные его части найдены вместе с ременной основой. Это позволило реконструировать пояс⁹.

Конструкция пояса следующая: он состоял из трех ремней, концы которых были продеты в круглые литые бронзовые кольца-разделители. Ремни закреплены шпеньками бляшек. Места изгиба выделены кольцами, надетыми перпендикулярно к плоскости ремня.

На ремнях укреплены литая бронзовая пряжка с железным язычком и бронзовые литые бляшки: шесть штук — на первом, пять — на втором и семь — на третьем ремне, к концу которого прикреплен наконечник.

Набор сделан в одном стиле. Почти все детали пояса, кроме пряжки, щиток которой украшен трилистником, не имеют растительного орнамента. Наконечник и бляшки несут по краю бордюр из мелких перлов, половина бляшек украшена орнаментом из «глазков».

Пряжка имеет треугольную рамку, геральдический щиток с изогнутыми боковыми краями и окончанием в виде острого выступа. Язычок короткий, не выступающий за передний конец рамки и огибающий ее задний конец петель. Пряжка односоставная, т. е. щиток и рамка отлиты вместе, а в щитке против заднего конца рамки сделано отверстие, через которое проходит язычок. Пряжка крепилась к ремню шпеньками.

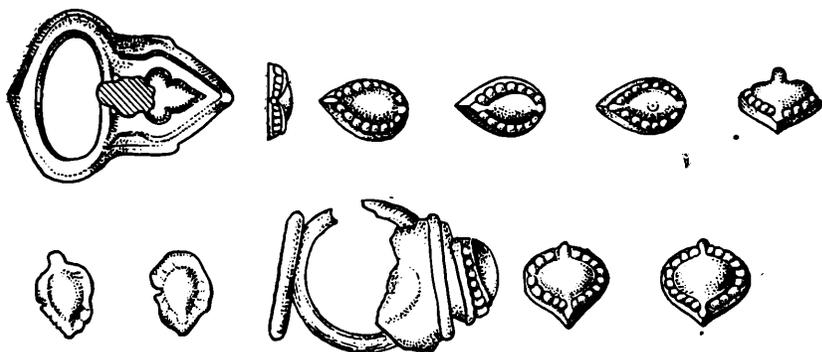

Рис. Реконструкция металлических частей пояса из погребения в кургане могильника I в Торопце

Лицевая сторона пряжки имеет сердцевидный арочный выступ, приподнятый над поверхностью щитка. Он украшен литым растительным орнаментом — трилистником.

Бляшки описываемого набора разнятся лишь пропорциями: одни более вытянуты по горизонтали, другие — по вертикали. Опишем одну из них: миндалевидная, рельефная, край обведен подковообразным бордюром из мелких перлов. Бордюром разделен на две части небольшими округлыми вставками.

Наконечник пояса — пятиугольной формы, с расширенным нижним концом в виде арки и с прямым верхним концом. Боковые стороны и нижний конец наконечника украшены бордюром из мелких перлов. Верхний конец наконечника двумя боковыми полукруглыми выступами выходит за линию этого бордюра.

При попытке интерпретации поясных украшений возникают определенные трудности. Древнерусские пояса до сих пор выпадали из поля зрения исследователей. Между тем, металлические наборы — весьма распространенный вид украшения поясных ремней. В их состав входят пряжки, металлические бляшки разнообразных форм, наконечники, обоймы и поясные кольца. Н. Л. Подвигина, писавшая об истории поясных наборов I тысячелетия на территории СССР, отметила пояса с кольцами и высказала предположение, что кольца служили и для привешивания вещей, и для украшения бляшек, и как разделители ремней¹⁰.

Беглый анализ поясов, найденных в древнерусских курганах, приводил исследователей к заключению, что центры производства их должны были располагаться где-то на Востоке и что прототипами наременных украшений, использовавшихся в Восточной Европе, были поясные и сбруйные наборы кочевников, населявших степи Сибири, Монголии и Средней Азии¹¹.

Существует точка зрения, что с X в. эти украшения попадали в Восточную Европу по Волге через Болгар, а оттуда в Скандинавию. Вблизи этого пути найдены явно привозные пояса¹².

Однако есть свидетельства того, что в крупных древнерусских городах налаживалось собственное производство поясных наборов. В Новгороде и Киеве найдены литейные формы для изготовления поясных бляшек, в последнем случае — в составе инвентаря ювелирной мастерской¹³, а аналогии некоторым накладкам и пряжкам XII—XIII вв. крайне редки за пределами Руси¹⁴. Можно предположить, что этапу собственного производства предшествовали ввоз металлических поясных украшений «россыпью» и прикрепление их к ремням на месте.

Описанная выше конструкция пояса имела давнюю традицию у населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Там нередко находки колец-разделителей вместе с надетыми на них металлическими зажимами. Такие кольца тоже считаются принадлежностями поясов, поскольку их находят в районе таза погребенного¹⁵. К XI в. на этой тер-

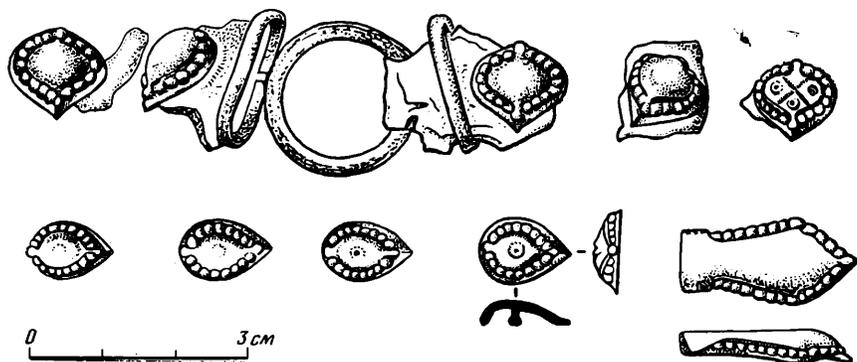

Рис. (окончание)

ритории, по-видимому, уже не делали простых колец-разделителей. Их полностью вытеснили трехчастные кольца, хотя конструкция пояса и состав металлического убора сохранялись без изменений. Например, в Лядинском могильнике под Тамбовом найдены кожаные пояса с трехчастными разделителями и нанизанными на них бронзовыми кольцами, серебряными и бронзовыми бляшками миндалевидной или сердцевидной формы с орнаментом из перлов по краю¹⁶. Вероятно, пояса такой конструкции долгое время бытовали в районах Верхнего и Среднего Поволжья, а также Нижнего Прикамья.

Конструкция пояса с гладкими кольцами-разделителями, устаревшая там к XI в., могла проникнуть на территорию Руси в предшествующий период, когда в IX в. из Новгородской земли началось движение славянского населения на верхнюю Волгу¹⁷.

Так называемые поясные кольца — частая находка в северной части древнерусской территории. По-видимому, далеко не всегда они выполняли в поясах разделительную функцию, но она зафиксирована археологически (например, в грунтовом могильнике в Торопце на возвышенности Привалье¹⁸, в ярославских могильниках¹⁹, в могильнике близ д. Никольское Гжатского уезда Смоленской губернии²⁰ и в материалах владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым²¹). Быть может, последняя находка как-то связана с Новгородом, поскольку орнамент на удлиненных накладках, посаженных на ремень по обе стороны от кольца, почти идентичен орнаменту на наконечнике пояса, найденном в Новгороде в слое конца XI—начала XII в.²² По-видимому, в Новгороде делались пояса с гладкими кольцами-разделителями. Находки таких колец в городских слоях весьма многочисленны²³.

Пряжки близкого к описанному типа были широко распространены в евразийских степях с VI по XI в.²⁴ Их связывают главным образом с тюрками, делавшими пряжки с железными язычками²⁵. На рубеже IX—X вв. они попали в погребения Танкеевского могильника²⁶. Точная копия торопецкой пряжки, но с бронзовым язычком, оказалась в X—начале XI в. в юго-восточном Приладжье²⁷.

Наконечник пояса имеет специфическую форму, ранние прототипы которой есть в материалах Петропавловского могильника в Среднем Прикамье²⁸ и Гавердовского близ Рязани²⁹.

Бляшки, близкие торопецким, распространены довольно широко. Они найдены в черняговских курганах³⁰, среди древностей Северо-Восточной Руси³¹ и в некоторых других местах. Близки им бляшки сбруйного набора из Гаевки Воронежской губернии³². Последняя аналогия позволяет связать происхождение интересующих нас бляшек с так называемым юго-восточноевропейским центром³³, где в качестве прототипов иногда могли использовать вещи из Волжской Болгарии. На связь с Волжской Болгарией указывает то, что бляшки типа торопецких найдены в Танкеевском и Лядинском могильниках³⁴. Кроме того, весьма близкие торопецким бляшки из могильника Малы около Изборска³⁵ найдены на одном поясе с бляшками, имеющими орнамент, близкий к происходящему из Волжской Болгарии³⁶.

По-видимому, пояс из Торопца был сделан где-то в северной части Руси с использованием привозного металлического набора.

¹ Курганный могильник на северо-западной окраине современного Торопца с древнерусским городом не связан. См.: Корзухина Г. Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца. — В кн.: Скандинавский сб. Таллин, 1964, вып. VIII, с. 305.

² Побойнин И. И. Торопецкая старина: Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902, с. 84.

³ Лесман Ю. М. Разведочные работы Валдайского отряда. — АО 1979 г. М., 1980, с. 62; *Он же*. Работы Торопецкого отряда. — АО 1980 г. М., 1981, с. 63.

⁴ Побойнин И. И. Торопецкая старина..., с. 85, 86; Станкевич Я. В. Древности северо-западных областей РСФСР. — МИА, 1960, 76, с. 140, 313; Петров П. Отчет о раскопках Торопецкого музея в 1924 г. Архив ЛОИА,

- 1926, д. 108, л. 5—9; Милонов Н. П. Отчет о раскопках в Горопце. Архив ЛОИА, 1938, ф. 35, д. 45, л. 22.
- ⁵ Станкевич Я. В. Древности северо-западных областей... , рис. 88, 92, 93.
  - ⁶ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 163.
  - ⁷ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевые застежки-фибулы. — В кн.: Очерки по истории русской деревни IX—XIII вв. М., 1967, с. 163; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 86.
  - ⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 67, 68.
  - ⁹ Станкевич Я. В. Древности северо-западных областей... , рис. 93.
  - ¹⁰ Подвигина Н. Л. Из истории поясных наборов I тысячелетия н. э. на территории нашей страны. — В кн.: Доклады на IX и X Всесоюзных археологич. студенч. конференциях. М., 1968, с. 100.
  - ¹¹ Arne T. J. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914; Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения. — В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963; Подвигина Н. Л. Из истории поясных наборов... .
  - ¹² Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения, с. 66, 67.
  - ¹³ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — В кн.: Новые методы в археологии. М., 1963, с. 214, рис. 32; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 380, табл. XLVIII.
  - ¹⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия... , с. 58, 7, 13.
  - ¹⁵ Ефименко П. П. Ивановский и Гаввердовский могильники древней мордвы. — В кн.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975, вып. 48, рис. 5.
  - ¹⁶ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. — МАР, 1893, № 10, табл. VI.
  - ¹⁷ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 56.
  - ¹⁸ Станкевич Я. В. Древности северо-западных областей... , с. 313.
  - ¹⁹ Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения, с. 66—70.
  - ²⁰ Спицын А. А. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губ. — ЗОРСА, 1905, т. VII, вып. 1, с. 109.
  - ²¹ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, вып. 15, рис. 49.
  - ²² Хранится в Новгородском музее.
  - ²³ Седова М. В. Ювелирные изделия... , с. 149, 150.
  - ²⁴ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв.: Пряжки. — САИ, 1979, вып. Е1-2.
  - ²⁵ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л., 1965, рис. 7.
  - ²⁶ Khalikova E. A., Kazakov E. P. Le cimetièrre de Tankeevka. — In: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest, 1977, pl. XXII, 4.
  - ²⁷ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18, табл. VI, 22; Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 103.
  - ²⁸ Семенов В. А. Петропавловский могильник VI—VII вв. в Южной Удмуртии. — ВАУ, 1967, вып. 7, с. 164—171.
  - ²⁹ Ефименко П. П. Ивановский и Гаввердовский могильники... , рис. 12.
  - ³⁰ Блафельд Д. И. Древньюоруський могильник в Чернігові. — В кн.: Археологія. Київ, 1965, XVIII, табл. IV, 3, 6, 7.
  - ³¹ Спицын А. А. Владимирские курганы, рис. 44, 55, 56.
  - ³² Макаренко Н. Н. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. — ОАК за 1905 г., с. 95, 96; Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. — САИ, 1973, вып. Е1-36, табл. VIII.
  - ³³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня... , с. 30.
  - ³⁴ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники... , табл. VI.
  - ³⁵ Седов В. В. Мальский курганно-жальничий могильник близ Изборска. — КСИА, 1976, 146, с. 90.
  - ³⁶ Ср.: растительный орнамент нашивной пластины из клада городища Лорвож. См.: Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож. — СА, 1983, № 4, с. 192.

И. В. ИСЛАНОВА

СОПКИ БАССЕЙНА МОЛОГИ И ВЕРХНЕЙ МСТЫ

Проблемы этнической истории северо-запада Восточной Европы второй половины I—начала II тысячелетия непосредственно связаны с вопросами изучения высоких погребальных памятников — сопок. Из-за трудоемкости раскопок этих насыпей источниковедческая база по обряду увеличивается медленно. Поэтому общая характеристика так называемой культуры сопок строится на материалах единичных, чаще не полностью

раскопанных памятников¹. Существенно расширить представления о сопках могут сведения, характеризующие топографию и структуру могильников: количество и расположение насыпей. В результате разведочных работ конца 70-х—начала 80-х годов XX в. такой материал накоплен по восточной части ареала сопок.

В регион входят бассейн р. Молога, крупнейшего левого притока верхней Волги²; озера в междуречье Мологи и Мсты (Ольшево, Почаево и др.); верховья р. Мста (включая оз. Любинец на западе и д. Кожино на Мсте — на севере); озера бассейна р. Съезжа, правого притока Мсты (Наволоч, Удомля, Песьво). Общая протяженность очерченного региона с запада на восток около 200 км, с севера на юг — около 160 км.

Изучение высоких насыпей здесь началось с пробных раскопок. На протяжении XIX в. раскопки сопок проведены З. Ходаковским в погосте Бежицы, Н. А. Ушаковым в с. Сарагожское, у деревень Маслово и Воронцово, Д. А. Воронцовым близ д. Дворищи, В. А. Прохоровым и П. А. Путятиным у д. Любинец, Н. Д. Карауловым около д. Городищи, В. И. Колосовым у с. Млево³. Наиболее подробно исследовались верхние части насыпей, а далее, если хватало сил, сопки прорезались траншеями. В начале XX в. опубликованы своды археологических памятников Новгородской и Тверской губерний. Составление последнего было начато А. К. Жизневским, а продолжен и подготовлен к печати он В. А. Плетневым⁴. При описании памятников часто не приводятся размеры насыпей, что не позволяет отделить сопки от курганов, или указываются почти фантастические цифры. В обобщающих работах по сопкам⁵ встречаются отдельные упоминания о насыпях бассейна Мологи и верхней Мсты, чуть подробнее они рассмотрены у А. А. Спицына и В. В. Седова⁶. С 20-х по начало 80-х годов преимущественно разведочные исследования проводились бежецкими краеведами, а также С. Н. Поршняковым, А. Х. Репманом, Ю. Н. Урбаном, Г. В. Харитоновым, Е. В. Бодуновым, Е. Н. Носовым, А. Е. Леонтьевым, Г. Н. Прониным, В. М. Воробьевым, И. Н. Черныхом⁷ и отрядом Волго-Окской экспедиции под руководством автора настоящей статьи⁸. Эти работы уточнили и дополнили своды В. А. Плетнева, С. И. Романцева, Н. Н. Чернягина и В. В. Седова. Были сняты планы могильников, собран материал по размерам и топографии памятников. После проведенных исследований стало возможным составить более подробную карту высоких погребальных памятников и, опираясь на конкретный материал, провести необходимую систематизацию сведений по сопкам восточного региона.

В настоящей работе рассматриваются только сопки. Малочисленность раскопанных насыпей не позволяет отделить сопки от остальных погребальных сооружений по обряду. Основой для выделения сопок бассейна Мологи и верхней Мсты остаются размеры⁹. Высокие насыпи выделяются по следующим параметрам: высота от 2 м при диаметре основания от 17—18 м и более, высота от 3 м при диаметре от 14 м и более.

Сейчас в бассейне Мологи и верхней Мсты известно 110 могильников¹⁰, где найдены свыше 300 сопок (рис. 1). Непосредственно на берегу Мсты сооружена одна сопка (Кожино). По берегам Мологи и ее проточных озер (Ямное, Верестово и др.) сосредоточено 18% всех сопок (19% могильников) района. Основная масса (60%) сопок находится на мелких речках и озерах преимущественно Мстинско-Моложского междуречья.

По концентрации могильников выделяется шесть регионов: Бежецкий, Мокшицкий, Мстинско-Воронцовский, Сарагожский, Пестовский, Меглинский (рис. 1). Наибольшее расстояние между ближайшими могильниками одного региона 12—13 км, наименьшее — 200 м. Естественными границами регионов служат в основном незаселенные болотистые пространства.

Бежецкий регион: верховья Мологи до впадения р. Осень, притоки Мологи — реки Могоча и Мелеча. Здесь находится 15 могильников, сооруженных на берегах крупных рек и проточных озер.

Мокшицкий регион: р. Молога от с. Рыбинское до впадения р. Кеца, низовья р. Волчина. Здесь зафиксировано семь могильников, расположенных, за исключением одного (Огрызково), по берегам крупных рек.

Мстинско-Воронцовский регион: верхняя Мста и ее притоки, озера Любинец, Ольшево, Почаево и др., среднее течение рек Волчина и Тифина, оз. Молдино. Сосредоточено 22 могильника. Из них 15 расположены на мелких речках и озерах, семь — на крупных реках.

Сарагожский регион: бассейны рек Сарагожа и Полонуха, верховья р. Кеца, озера бассейна Мсты—Наволоки, Удомля, Песьво. Район выделяется количеством насыпей — здесь в 30 могильниках сосредоточено больше 84 насыпей (27,6% всех сопкок района).

Пестовский регион: течение р. Молога в окрестностях пос. Пестово, низовья р. Меглинка, бассейн верхней Кирвы. Здесь 11 могильников, половина из них находится на мелких речках, левых притоках Мологи.

Меглинский регион: озера Меглино, Черное, Великое, Поздеево, верховья р. Кабожа. 13 могильников расположены преимущественно на озерах бассейна Мологи.

В выделенные регионы не вошли памятники верховьев р. Савана (Лукино; Городищи) и р. Сить (Боженки; Алешино), средней Мологи (Куреваниха), нижней Мологи (Перемут; Бодачево; Юрьевская, Прозорово; Заречье; Перекладная; Малыгино).

В могильниках восточной части ареала встречается от одной до 18 сопкок¹¹. В зависимости от количества насыпей памятники делятся на три группы: малые могильники (одна-две сопки), средние (три—семь), крупные (свыше семи). Для верхней Мсты и моложского левобережья характерно преобладание (60—77%) малых могильников (рис. 1). Средние составляют от 15 до 30% всех могильников в регионе. На долю крупных приходится 10% и менее. Несколько иная картина наблюдается в верховьях Мологи: малых могильников в регионе менее половины (рис. 1). В Бежецком регионе господствуют (53,6%) средние, а в Мокшицком — одинаково часто встречаются и средние и крупные могильники (по 28,6%).

От предшествующих, синхронных и последующих погребальных памятников северо-запада Восточной Европы сопки отличаются прежде всего размерами. Этот признак, видимо, тесно связан со строением сопки и зависит в основном от количества этапов в ее возведении¹². Среди сопкок ареала насыпи бассейна Мологи выделяются большими размерами¹³. Здесь известны 34 сопки высотой 7 м и более (например, в могильниках Гастерачка; Воронцово; Огрызково; Мотыли (Бустрыгино); Сарагожское; Рыжно; Аньково; Устье на оз. Меглино; Климовщина III). Они сооружены преимущественно в Бежецком, Сарагожском и Меглинском регионах. Из-за часто встречающихся повреждений вершин для анализа размеров более удобен другой параметр — диаметр основания. По диаметру сопки делятся на две группы: от 16 до 22 м и от 22 до 36 м. Обе группы, как правило, есть в одном могильнике и представлены в каждом регионе.

Исследователи единодушно признают существенным топографическим признаком сопкок расположение вблизи воды. Другая особенность, по В. В. Седову¹⁴, — сооружение сопкок преимущественно на высоких, иногда господствующих над окрестностями участках. По мнению Е. Н. Носова, для сопкок типична «местность с достаточно разработанным рельефом»¹⁵.

Сопки восточного региона расположены среди конечно-моренного ландшафта, где холмы и озовые гряды чередуются с небольшими, относительно плоскими здоровыми равнинами, а суглинистые почвы — с песчаными и супесчаными. При всей пестроте рельефа можно выделить три вида местности (берегов водоемов), где предпочитали сооружать могильники: 1) высокий (6 м и выше), часто обрывистый берег; 2) хорошо выраженная надпойменная терраса или ее склон (высота над водой 3—5 м); 3) низкий пологий берег (высота над водой 1—2 м).

Для рассматриваемого района местность вида 1 не характерна (18 могильников, или 33%, в отдельном регионе; рис. 2). Исключение — Бежецкий регион, где почти половина (44,4%) могильников находится на высоких берегах рек Мелеча и Могоча. Не сочетается такая местность и с крупными могильниками, а средние здесь единичны. Наиболее типичен (33—50%) вид 2. В Мокшинском регионе этот вид господствует (80%). Могильники левобережья Мологи и верхней Мсты (т. е. без Бежецкого и Мокшицкого регионов) нередко встречаются (33—43%) в местности вида 3. Для сопки нижней Мологи зафиксированы виды 2 и 3. Особняком стоят два крупных могильника у деревень Аньково и Городищи. Сопки здесь сооружены вдали от водоемов, на возвышенной, сильно пересеченной местности.

Рассматривая сопки в могильнике, исследователи отмечали расположение насыпей цепью¹⁶ или без системы¹⁷. Для восточного района можно выделить три вида размещения сопок внутри средних и крупных могильников, или три вида композиции могильников: рядный, кучевой, комбинированный. Могильники рядной композиции преобладают. Сопки насыпаны как бы в ряд (цепью) друг за другом или в несколько рядов вдоль водоема, примерно на равном расстоянии, группами (звеньями)

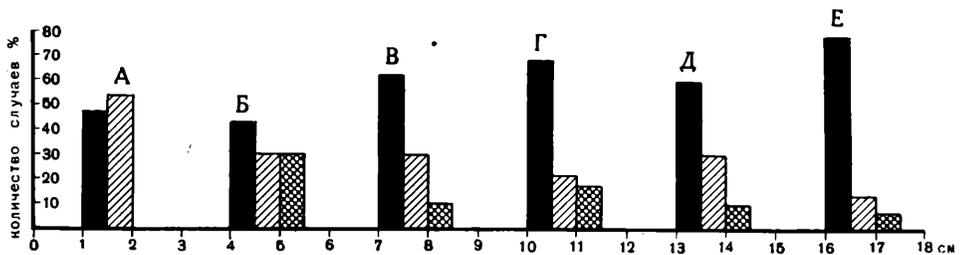
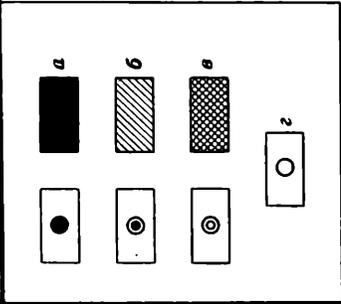
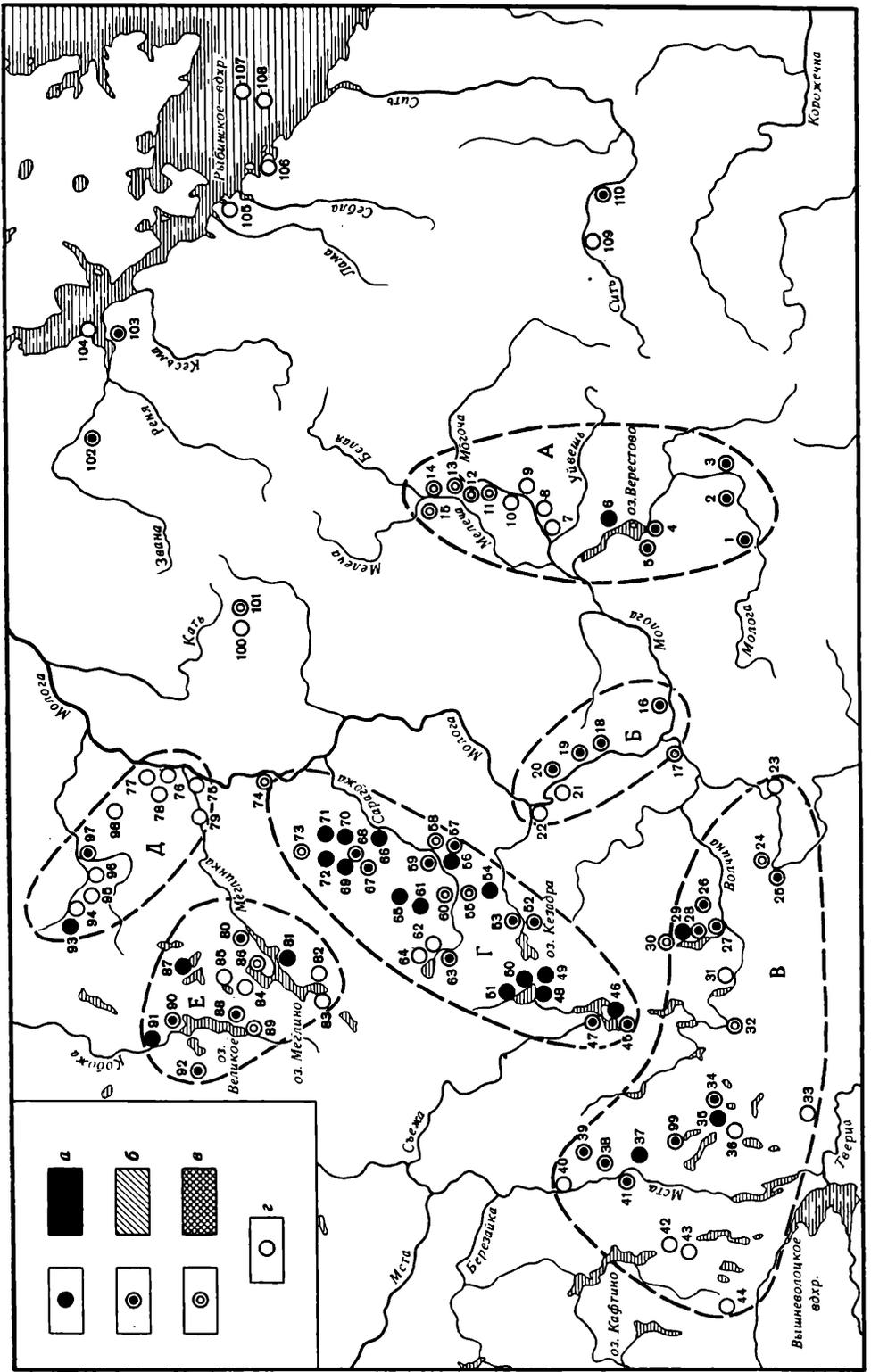

Рис. 1. Могильники верхней Мсты и бассейна Мологи по численности сопок

1 — Дрючново; 2 — Спас-Талицы; 3 — Любодицы; 4 — Бежицы, восточный могильник; 5 — Бежицы, западный могильник; 6 — Узьмень; 7 — Рашино, западный могильник; 8 — Рашино, восточный могильник; 9 — Бор Шалашев; 10 — Гастерачка; 11 — Борис-Глеб, южный могильник; 12 — Борис-Глеб, центральный могильник; 13 — Борис-Глеб, северный могильник; 14 — Малая Молоша; 15 — Белый; 16 — Рыбинское; 17 — Селищи; 18 — Мокшицы, южный могильник; 19 — Мокшицы, северный могильник; 20 — Огрызково (Сашино); 21 — Топальское; 22 — Усть-Кеза; 23 — Кулачица; 24 — Медведково, восточный могильник; 25 — Медведково, западный могильник; 26 — Воронцово; 27 — Молдино; 28 — Треть Молдино; 29 — Шептуново; 30 — Поддубье; 31 — Карзово; 32 — Овсицы; 33 — Осечю; 34 — Ухаб; 35 — Дудиха; 36 — Почаево; 37 — Степурино (Дягилово, Крестовское); 38 — Млево; 39 — Манихино; 40 — Кожино; 41 — Поляны; 42 — Подшевелиха; 43 — Федово; 44 — Любинец; 45 — Мерлугино, западный могильник; 46 — Мерлугино, восточный могильник; 47 — Троица; 48 — Белохово, южный могильник; 49 — Белохово, северный могильник; 50 — Курово, южный могильник; 51 — Курово, северный могильник; 52 — Устье (Заречье), р. Кеза; 53 — Устье (Обухово), р. Кеза; 54 — Вирюльки; 55 — Парьево; 56 — Мотыли, южный могильник; 57 — Маслово; 58 — Мотыли (Бустрыгино, Покровское); 59 — Сарагожское; 60 — Рыжно; 61 — Подборовье; 62 — Дворищи, левобережный могильник; 63 — Дворищи, правобережный могильник; 64 — Овсянниково; 65 — Ворониха (Обретино); 66 — Свицево; 67 — Угрюмова Гора; 68 — Куземкино, восточный могильник; 69 — Куземкино, западный могильник; 70 — Спас-Преображенское, восточный могильник; 71 — Спас-Преображенское, центральный могильник; 72 — Спас-Преображенское, западный могильник; 73 — Аньково; 74 — Полоцкое; 75 — Попово; 76 — Пестово VI; 77 — Пестово III; 78 — Пестово II; 79 — Охона; 80 — Устье (оз. Меглино); 81 — Морозово; 82 — Петрово; 83 — Семенкино; 84 — Базарово; 85 — Игнатьевская; 86 — Сопки (оз. Меглино); 87 — Сопки (оз. Черное); 88 — Угол, северный могильник; 89 — Угол, южный могильник; 90 — Дроблино; 91 — Овинец; 92 — Поздеево; 93 — Драчево; 94 — Климовщина, западный могильник; 95 — Климовщина III; 96 — Климовщина I; 97 — Климовщина II на р. Кирва; 98 — Брыкуново; 99 — Пуйга; 100 — Лукино; 101 — Городищи; 102 — Малыгино; 103 — Бодачево; 104 — Перемут; 105 — Юрьевская; 106 — Прозорово; 107 — Заречье; 108 — Перекладная; 109 — Алешино (Моглищи, Соловцы); 110 — Боженки; I — Подобино; II — Ватунино; III — Карзово; IV — Березки; V — Заречье; VI — Ряд; VII — Белый Городок (Борисовское); VIII — Новые Горки; IX — Малые Горки; X — Большие Горки; XI — Куреваниха; а — малые могильники (одна-две сопки); б — средние могильники (три-семь сопок); в — крупные могильники (свыше семи сопок); г — сведения о могильнике требуют уточнения; А — Бежецкий регион; Б — Мокшинский регион; В — Мстинско-Воронцовский регион; Г — Сарагожский регион; Д — Пестовский регион; Е — Меглинский регион

по две-три (Рашино, западный могильник; Огрызково; Овсянниково; Дворищи; Подборовье; Парьево и др.). Кучевая композиция: три сопки расположены треугольником, а остальные примыкают к его вершинам или вершине. Характерна для могильников из трех—пяти насыпей (Борис-Глеб; Медведково, западный могильник; Млево; Сарагожское и др.). В крупных могильниках часто оба вида сосуществуют — комбинированная композиция (Мокшицы, южный могильник; Спас-Преображенское, западный могильник; Аньково и др.).

Между топографией и композицией могильников прослеживается определенная зависимость¹⁸. Крупные комбинированные могильники сооружались преимущественно на низких берегах водоемов (Степурино; Спас-Преображенское), а на высоких берегах (вид 1) их нет. Средние могильники с кучевой композицией возводились в основном на высоких местах (Борис-Глеб; Млево; Сарагожское) и на террасах 3—5 м. Рядная композиция часто встречается на берегах вида 2 (Бежицы; Мокшицы, северный могильник; Огрызково; Дворищи; Рыбинское?). В большинстве регионов не зафиксировано преобладание могильников какого-либо одного сочетания видов топографии и композиции. Только в Бежецком и Мокшицком регионах сосредоточены почти все памятники рядной композиции на береговых террасах (3—5 м).

Между сопками могильника чаще всего бывает 25—40 м, но порой насыпи стоят так близко, что их полы сливаются (Медведково, восточный могильник; Аньково). Иногда по расстояниям между сопками могильник распадается на несколько групп (Малая Мотолоша; Огрызково; Воронцово; Ворониха; Спас-Преображенское, западный могильник и др.). Наибольшее расстояние между насыпями группы 90 м, а могильника — 200 м¹⁹. Внутри конкретной группы или могильника заметно еще более дробное деление. Не исключено, что такое деление отражает социальную структуру населения, оставившего могильник.

Подводя итог проведенной систематизации материалов по сопкам бассейна Мологи и верхней Мсты, отметим следующее:

1. Большое количество зафиксированных сопок в бассейне Мологи не дает оснований ограничивать так называемый основной район широкого распространения²⁰ бассейном Ильменя. Восточная граница основного ареала сопок скорее всего проходит по верховьям Мелечи и Могочи, восточнее и южнее верховьев Мологи и средней Тифины.

2. При первичном анализе могильников существенны такие признаки, как количественный состав, топография, композиция, расстояния между ближайшими насыпями.

3. В зависимости от количества сопок могильники восточного района делятся на крупные, средние и малые; по топографии — на расположенные на высоких берегах, на небольших террасах и на низких берегах; по композиции — на рядные, кучевые и комбинированные.

4. Большинство сопок сосредоточено в шести регионах. Как правило, в одном и том же регионе фиксируются могильники с разными топогра-

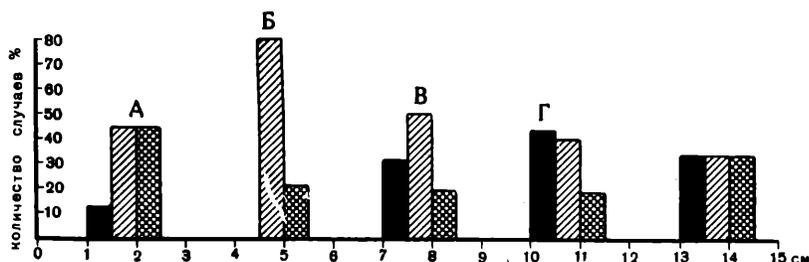

Рис. 2. Топография могильников верхней Мсты и бассейна Мологи

а — низкий пологий берег; б — надпойменная терраса; в — высокий берег; г — сведения по топографии требуют уточнения; А — Бежецкий регион; Б — Мокшицкий регион; В — Мстисско-Воронцовский регион; Г — Сарагожский регион; Д — Пестовский регион; Е — Меглиньский регион

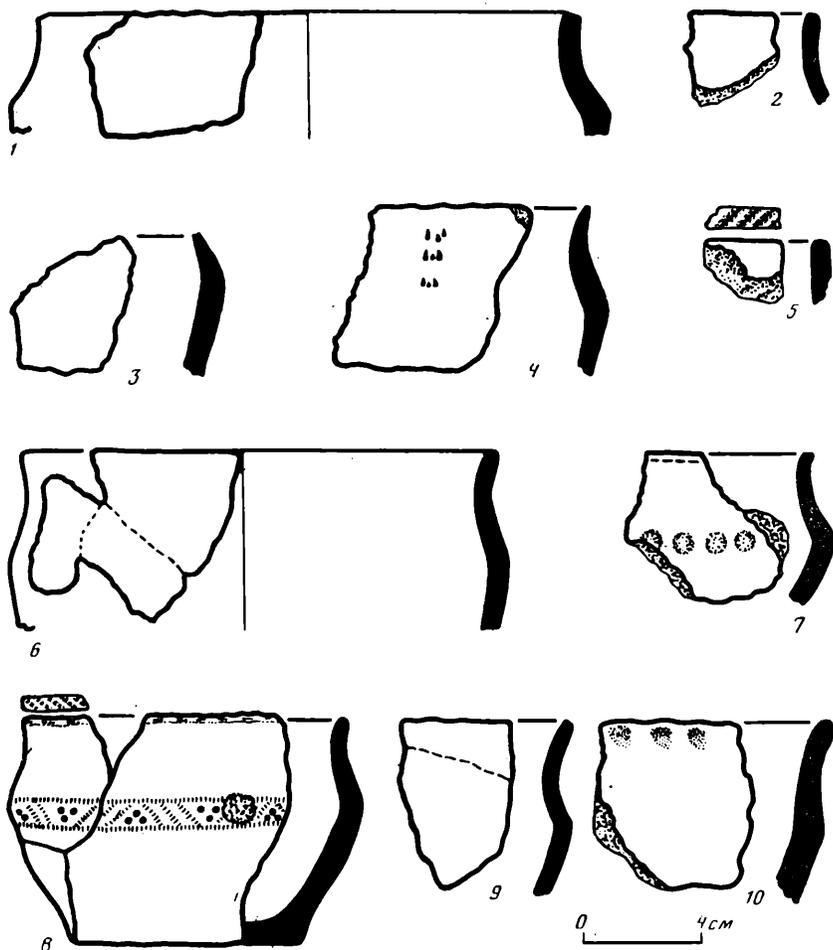

Рис. 3. Керамика из сопок

1 — Спас-Преображенское, западный могильник, сопка 3; 2 — Манихино, сопка 1; 3 — Узмень, сопка 2; 4, 6, 7, 9, 10 — Бежицы, восточная группа, сопка 3; 5 — Огрызково, сопка 8; 8 — Узмень, номер сопки неизвестен

фией и композицией. Прослеживается некоторое отличие восточных регионов (Бежецкого и Мокшицкого) от остальных по количественному составу и топографии могильников. Многочисленностью сопок выделяется Сарагожский регион. Особо следует отметить, что могильники, сооруженные на высоких берегах, не характерны для восточного района.

До настоящего времени дошли материалы раскопок 18 сопок²¹. Во время разведочных работ 1980 и 1981 гг. были добраны разрушенные погребения в сопках у деревень Устье (р. Кеца) и Аньково²². Слабая документированность и несовершенная методика дореволюционных раскопок позволяют проследить только отдельные черты погребального обряда сопок.

Сведений о каменных обкладках сопок мало. Валуны в основании отметил Н. Д. Караулов, копавший насыпи у д. Городищи: «Вверх ряды камней поднимаются на аршин высоты, внутрь — в два-три концентрических круга»²³. Одна из раскопанных им сопок (8) была обложена камнями «приблизительно на 1 аршин высоты и двумя концентрическими кругами внутрь, хотя эти круги неправильны в математическом смысле»²⁴. Какой-то «ряд камней» был встречен около подошвы сопок Н. А. Ушаковым в могильнике Воронцово. При разведочных обследованиях отдельные валуны и их скопления отмечены в основании сопок

или близ оснований в могильниках Аньково, Свищево, Парьево, Би-рюльки. К полам двух сопок у д. Рыжно примыкают прямоугольные (2,5×3; 2×3,5 м) вымостки из небольших камней. «Большие камни» попадались при раскопках сопки в пос. Пестово (группа VI по В. И. Равдоникасу)²⁵. Скопления валунов в насыпи встречены в сопке у д. Маслово.

Имеющиеся материалы раскопок и разведок как будто бы свидетельствуют о сооружении ряда насыпей в несколько приемов. Зольные и углистые прослойки прослежены в насыпях могильников Дрюцково, Бежицы (?), Воронцово (?), Шептуново, Любинец, Сарагожское, Полонское.

В сопках встречены погребения по обряду не только трупосожжения, но и трупоположения. Если связь сожжений с остальным обрядом сопки исследователи не подвергают сомнению, то вопрос о трупоположениях следует оставить открытым²⁶. Скелеты и отдельные человеческие кости в основном обнаружены в верхних частях насыпи или сразу под дерном (Дворищи; Бежицы, восточный могильник; Узмень; Спас-Талицы(?); Боженки; Бодачево; Почаево (?); Степурино; Сарагожское). Впускной обряд не противоречит обряду сопок: например, трупосожжения в ямках, вырытых в насыпи²⁷. Проблема состоит в том, чтобы определить момент, когда сооружение сопки закончено, хоронить здесь прекратили, а трупоположения «более поздние» — случайны.

В сопках восточного района встречены следующие способы помещения сожжений: 1) пережженные кости ссыпаны в ямки, выкопанные в насыпи, иногда сразу под дерном (Устье на р. Кеца; Аньково; Млево; Сарагожское?; Бежицы, западный могильник(?)); 2) кости беспорядочно разбросаны на углистой прослойке, по-видимому, перед последним этапом возведения насыпи (Воронцово); 3) груды костей помещена в основании сопки на «угольном слое» (Любинец; Маслово; Бежицы, восточный могильник). Единичные жженные косточки часто попадаются при осмотре повреждений сопок (Шептуново; Поляны; Мокшицы, южный могильник; Ворониха; Огрызково). Среди костей нередки находки керамики, иногда — целых сосудов (Бежицы; Аньково; Устье на р. Кеца; Воронцово; Млево). Отдельные фрагменты лепных сосудов встречаются на осыпях, в выбросах кладочискательских ям, но связать эту керамику с погребальным обрядом невозможно (Бежицы; Дрюцково; Огрызково; Селищи; Узмень; Шептуново; Поляны; Манихино; Белохово; Ворониха; Спас-Преображенское, западный могильник; Бирюльки; рис. 3). Керамическое тесто большинства горшков содержит примесь песка и крупных зерен дресвы, внешняя поверхность таких сосудов шероховатая. Реже отмечена примесь только песка, поверхность хорошо заглажена.

Находки погребального инвентаря при сожжениях единичны: бронзовый пластинчатый в полтора оборота перстень и стеклянные бусы — золотостеклянная (?) и бирюзовая пронизки (Аньково), желтый и синий бисер, синяя пронизка (Устье на р. Кеца). Эти вещи не позволяют датировать насыпи точнее, чем в пределах двух-трех столетий. В целом обнаруженная керамика и инвентарь не противоречат предлагаемой для сопки дате VIII—X вв.²⁸

¹ См., например: *Седов В. В.* Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1-8; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 58—66; *Лебедев Г. С.* Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95; *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жалыники. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 152—163; *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия

н. э. в Приильмень. — СА, 1981, № 1, с. 42—56.

² В работе не анализируются сопки среднего течения р. Кабожа и р. Чадогоша, так как эти памятники образуют отдельные регионы или тяготеют к могильникам правых притоков средней Мсты.

³ *Ходаковский З.* Сопки. — В кн.: Русский исторический сборник. СПб., 1844, т. VII, с. 373, 374; *Ушаков Н. А.* О курганах Тверской губернии. — В кн.: Отечественные записки. СПб., 1843, т. XXXI, с. 82—84; *Он же.* Днев-

- ник разрывания курганов Весеогопского уезда Тверской губернии по реке Сырогожи. — С.-Петербургские ведомости, 1865, № 64; Обзорные некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. — ЗРАО, 1897, т. IX, вып. 1/2, с. 280; Прохоров В. А. О раскопке курганов близ Бологова. — В кн.: Сб. Археологического ин-та. СПб., 1880, кн. III, с. 17—19; Сведения о раскопках, о курганах по Тверской губернии. Гос. архив Калининской обл., ф. 103, оп. 1, д. 221, л. 94—101 об.; О раскопках члена Тверской ученой комиссии Колосова. Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, № 93, л. 8, 8 об.
- ⁴ Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911; Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губ.: К археологической карте губернии. Тверь, 1903.
- ⁵ Обзорные некоторых губерний...; Спицын А. А. Сопки и жальники. — ЗРАО, 1899, т. XI, вып. 1/2; Пономарев В. С. Новгородские сопки. Архив ЛОИА, ф. 1938, № 115; Черныгин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, 6.
- ⁶ Спицын А. А. Бежецкие древности. — В кн.: Бежецкий край. Бежецк, 1921, с. 1—20; Седов В. В. Новгородские сопки.
- ⁷ Автор признателен Е. В. Бодунову, В. М. Воробьеву, А. Е. Леонтьеву, Г. Н. Пронину, Ю. Н. Урбану, И. Н. Черныху за предоставленную возможность использовать в работе материалы их разведок.
- ⁸ Гольинский А. И., Михайлов А. И., Синицын С. Д. Материалы к составлению археологической карты бассейна верхнего течения р. Мологи. Ч. 1: Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1924 г. Дневник. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1924, № 131; Отчет Румянцова об обследовании курганной группы при сел. Дрюцково Бежецкого р-на Калининской обл. в 1939 г. Архив ЛОИА, ф. 35, 1939, № 20+162; Отчет, чертежи и фото по обследованию Боровичского округа С. Поршняковым. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1928, № 108; Репман А. X. Отчет о разведках в районах В. Волоцком, Брусовском и Удомельском в Калининской обл. в 1951 г. Архив ИА, р-1, № 544; Он же. Отчет об археологических работах 1954 г. в Волоцком, Удомельском и Есеновичском районах в Калининской обл. Архив ИА, р-1, № 942; Арсланова Ф. X., Бодунов Е. В., Ивановская Н. И., Урбан Ю. Н. Работы Калининского отряда. — АО 1974 г. М., 1975, с. 50; Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г., Максимов А. Д., Малыгин П. Д. Историко-археологическая экспедиция Калининского университета. — АО 1978 г. М., 1979, с. 50; Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Максимов А. Д., Малыгин П. Д. Разведки в Калининской обл. — АО 1979 г. М., 1980, с. 46; Бодунов Е. В. Разведка в Бологовском и Вышнево-
- лоцком районах Калининской обл. — АО 1980 г. М., 1981, с. 42; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., Конецкий В. Я. Исследования сельских поселений в Новгородской обл. — АО 1975 г. М., 1976, с. 32; Леонтьев А. Е. Работы Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1975 г. М., 1976, с. 72; Он же. Работы Волго-Окской новостроечной экспедиции. — АО 1979 г. М., 1980, с. 60, 61; Пронин Г. Н. Работы Новгородского отряда. — АО 1976 г. М., 1977, с. 30; Он же. Работы Ильменской экспедиции. — АО 1978 г. М., 1979, с. 30; Черных И. Н. Исследования на севере и северо-западе Калининской обл. — АО 1980 г. М., 1981, с. 90; Исланова И. В. Работы на северо-западе Калининской обл. — АО 1980 г. М., 1981, с. 53, 54; Она же. Разведки и раскопки на северо-западе Калининской обл. — АО 1981 г. М., 1982, с. 58, 59; Она же. Разведки и раскопки в Калининской обл. — АО 1982 г. М., 1984, с. 57; Она же. Разведки в верховьях р. Тудовки и р. Мологи. — АО 1983 г. М., 1985.
- ⁹ Выделять сопки по форме вершины не представляется возможным. Форма вершин разнообразна — от конусовидной до плоской с диаметром площадки до 25 м (Огрызково).
- ¹⁰ Сведения о сопках еще в 11 пунктах требуют уточнения.
- ¹¹ Сопки у д. Городищи в работе почти не рассматриваются, так как отсутствуют сведения по размерам ряда памятников и по расстояниям между ними.
- ¹² Седов В. В. Новгородские сопки, с. 13, 14.
- ¹³ Там же, с. 10.
- ¹⁴ Там же, с. 11.
- ¹⁵ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 40.
- ¹⁶ Черныгин Н. Н. Длинные курганы и сопки, с. 96.
- ¹⁷ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 11.
- ¹⁸ Характеристика могильников по взаимовстречаемости видов топографии и композиции сугубо предварительна, так как материалы имеются не по всем памятникам.
- ¹⁹ При расстоянии между насыпями свыше 200 м мы считаем, что они относятся к разным могильникам.
- ²⁰ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 46.
- ²¹ Шурфы, недокументированные и случайные раскопки здесь не учитываются.
- ²² Исланова И. В. Работы на северо-западе Калининской обл., с. 53, 54; Она же. Археологические памятники конца I—начала II тысячелетия н. э. при слиянии рек Полонухи и Поповки. — КСИА, 1984, 179, с. 87.
- ²³ Сведения о раскопках, о курганах..., л. 97.
- ²⁴ Там же, л. 99.
- ²⁵ О раскопках В. И. Равдоникаса в Устюженском уезде Череповецкой губ. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1925, № 213, л. 8.

- ²⁶ Мнения по данному вопросу см.: *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 18; *Он же.* Восточные славяне..., с. 62; *Лебедев Г. С.* Новые данные о длинных курганах и сопках. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, с. 44, 45; *Пронин Г. Н.* Сопки, курганы и жалыники (к вопросу о преемственности). — КСИА, 1981, 166, с. 15; *Конецкий В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника. — КСИА, 1981, 166, с. 96.
- ²⁷ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 19.
- ²⁸ *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы..., с. 54.

З. М. СЕРГЕЕВА

ДЕНИСЕНСКИЕ КУРГАНЫ НА ВИТЕБЩИНЕ

В 1974 и 1982 гг. Витебский областной отряд Института археологии АН СССР проводил раскопки курганов у д. Денисенки Верхнедвинского р-на Витебской обл.

Курганная группа расположена в полукилометре от деревни, на северо-западном берегу оз. Лисно. Могильник вытянут с севера на юг и состоит из двух частей: в южной — 29 курганов, в северной — 13. Более крупные курганы с крутыми склонами находятся в южной части. Все курганы в плане круглые с овальными ровиками (от одного до четырех). Диаметр насыпей от 5 до 12 м, высота — от 0,4 до 1 м. Всего исследовано девять курганов: три (1—3) — в северной части и шесть (4—9) — в южной.

Курган 1 (диаметр 5,8 м, высота 0,4 м) — полусферический, с небольшой впадиной на вершине (глубина 0,1 м) и тремя ровиками. Захоронения совершены в двух подкурганых ямах (2×0,8 м, глубина 0,5 м; 0,8×0,4 м, глубина 0,4 м), которые прорезали зольную предматериковую прослойку. Погребение I — мужское, головой на запад, руки — в области живота. Длина скелета 1,85 м. Погребение II — детское, в 0,6 м к югу от первого, ориентировка та же. Сохранились лишь фрагменты черепа. В области груди найдены крестовидная бронзовая подвеска (рис. 1, 1), одна целая стеклянная зонная зеленая бусина и несколько фрагментов. Под обоими погребениями заметна темная прослойка (толщина 2—3 см), вероятно, от сгнившего дерева, которым выстлала дно ямы. Захоронения одновременны.

Курган 2 (диаметр 4,8 м, высота 0,4 м) — с несколько уплощенной поверхностью и тремя ровиками. Захоронение совершено в подкурганной яме (1,9×0,8 м, глубина 0,5 м), головой на запад, ноги вытянуты, руки — на газовых костях. Длина скелета 1,75 м. Под черепом погребенного найден железный нож (рис. 1, 2). По краям ямы и под погребенным прослеживалась чуть заметная прослойка от сгнившего дерева. Предматериковая зольная прослойка зафиксирована только под северной частью насыпи.

Курган 3 (диаметр 5 м, высота 0,4 м) — сильно оплывший, с небольшой впадиной (глубина 0,15 м) на вершине и тремя ровиками. Под дерном на глубине 0,2 м в западной половине насыпи зафиксировано небольшое кострище из угля и пережженной земли. Женское трупоположение обнаружено в подкурганной яме (1,7×0,8 м, глубина 0,8 м), головой на северо-запад, ноги вытянуты, руки — в области тазовых костей. Длина скелета 1,5 м. Около черепа погребенной с двух сторон найдено по одному браслетообразному височному кольцу с завязанными концами (рис. 1, 3), на правой руке — круглопроволочный перстень (рис. 1, 4). Под останками захоронения прослежены обгорелые кусочки дерева, угли, зола толщиной до 5 мм. Некоторые кости обгорели. Зольные остатки наблюдались по краям ямы и в центральной части подкурганной площадки.

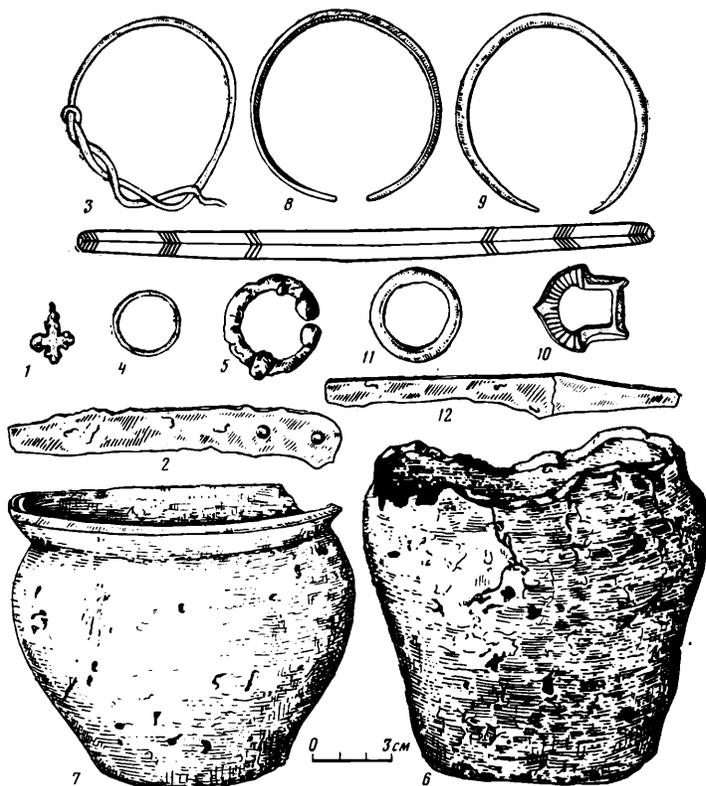

Рис. 1. Находки из курганов у д. Денисенки

1 — курган 1; 2 — курган 2; 3, 4 — курган 3; 5, 6 — курган 4; 7 — курган 5; 8, 9 — курган 6; 10, 11 — курган 8; 12 — курган 9

Курган 4 (диаметр 5 м, высота 0,6 м) — полусферический, с одним ровиком. Труположение плохой сохранности обнаружено на уровне древнего горизонта, на зольной прослойке, головой на северо-запад. В области груди найдена железная подковообразная фибула со спиральными концами (рис. 1, 5); в области живота — фрагменты бронзового витого из трех проволок браслета с завязанными концами; у ног с левой стороны стоял лепной горшок (рис. 1, 6), а с правой — лежал втульчатый наконечник копья. На костях ног встречены кусочки дерева.

Курган 5 (диаметр 5,8 м, высота 0,3 м) — с уплощенной поверхностью и двумя ровиками. Остатки детского труположения, ориентированного на северо-запад, обнаружены в центре подкурганной площадки, на зольной прослойке. У ног найден гончарный горшок (рис. 1, 7).

Курган 6 (диаметр 6,2 м, высота 0,6 м) — полусферический, с четырьмя ровиками. Женское захоронение по обряду труположения обнаружено на уровне древнего горизонта, в зольной прослойке, ориентировка северо-западная. У черепа погребенной встречены стеклянные бусы: 11 зонных желтых, три рубленные бисерные голубые, три кольцевые зеленые. На месте правой руки найдены круглопроволочный перстень и трехгранный браслет с геометрическим орнаментом (рис. 1, 8), на месте левой — дровяный браслет круглого сечения (рис. 1, 9). У пояса с правой стороны обнаружен железный нож с остатками деревянной рукояти. В ногах стоял лепной горшок с орнаментом в виде округлых вдавлений по венчику. Вокруг погребенной просматривались древесный тлен, обгорелые кусочки дерева и угли. Часть скелета тоже обгорела. В этом кургане обращает на себя внимание зольная прослойка, толщина которой достигала 0,3—0,4 м.

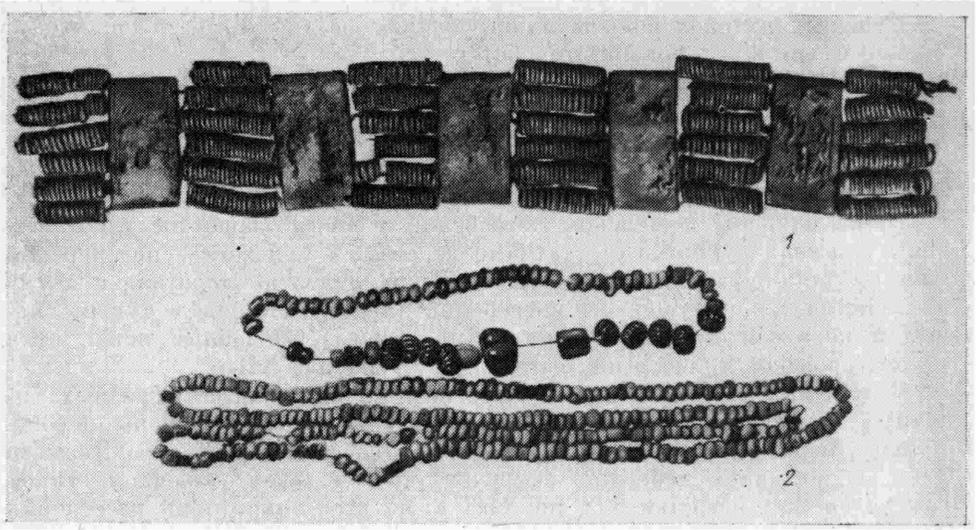

Рис. 2. Находки из кургана 7 у д. Денисенки (1,2)

Курган 7 (диаметр 6,4 м, высота 0,7 м) — с уплощенной вершиной и тремя ровиками. Женское трупоположение обнаружено на уровне древнего горизонта, на зольной прослойке, головой на запад. Длина скелета 1,7 м. На черепе найден венчик из спиральных пронизок и разделительных пластинок (рис. 2, 1); в области груди — ожерелье более чем из 200 стеклянных бус. Среди бус зонные синие, желтые и зеленые; бисер рубленый желтый и зеленый; синие двойные и тройные пронизки; синие ребристые средних размеров; одна белая ромбическая; одна лимонovidная; одна лимонovidная двойная пронизка и много фрагментов (рис. 2, 2). Вокруг черепа и под костяком зафиксированы остатки обгорелого дерева.

Курган 8 (диаметр 5,4 м, высота 0,5 м) — полусферический, с двумя ровиками. Захоронение по обряду трупоположения обнаружено в подкурганной яме (2×0,9 м, глубина 0,6 м), головой на юго-запад, ноги вытянуты, руки — на тазовых костях, длина скелета 1,8 м. В области живота найдены лировидная пряжка и два поясных кольца (рис. 1, 10, 11). Зольная прослойка прослеживалась на уровне древнего горизонта и была прорезана могильной ямой. Под захоронением в яме также просматривалась тонкая золистая прослойка.

Курган 9 (диаметр 7 м, высота 0,75 м) — полусферический, с четырьмя ровиками. Под насыпью в середине подкурганной площадки зольная прослойка прорезана ямой только до уровня древнего горизонта (2×1,9 м, глубина 0,2 м). Обнаружено нарушенное трупоположение. Среди костей найден разломанный на две части железный нож (рис. 1, 12). На одной части черепа заметны три пробоины. По профилю кургана следы грабительской ямы прослеживались с дернового слоя.

Все Денисенские курганы сооружены из песка. Кое-где в насыпях встречены вкрапления угля и золы. Во всех курганах зафиксирована предматериковая зольная прослойка, достаточно мощная при погребениях на горизонте и довольно слабая, занимающая иногда только часть подкурганной площадки, — при захоронениях в ямах.

Выявлено два способа размещения умерших: на уровне древнего горизонта и в могильных ямах.

Курганы северной группы содержали только захоронения в подкурганной яме; курганы на севере и западе южной группы — захоронения на зольной прослойке или в ней, а на юго-востоке этой же группы — в ямах.

Вещевых находок больше в погребениях на горизонте, и они разнообразнее, чем с захоронениями в ямах.

К предметам вооружения относится железный втульчатый наконечник копья с пером ромбического сечения. Такие копья А. Н. Кирпичников датирует X—началом XI в.¹ Они известны в Гнездове², в приладожских³ и петербургских курганах⁴, в финских могильниках, а также в Прибалтике у латгалов, селов и земгалов⁵.

Ножи найдены в женском погребении у пояса (короткое узкое лезвие и длинная рукоятка с остатками дерева); в мужском — под черепом (лезвие длинное и широкое по всей длине, рукоятка короткая с двумя заклепками); в нарушенном погребении (лезвие длинное с тупым концом и короткая рукоятка с остатками дерева). Подобные ножи, судя по новгородской хронологии, бытовали в X—начале XII в.⁶

К этноопределяющим находкам относятся два браслетообразных височных кольца. Они располагались с правой и левой стороны черепа. Кольца бронзовые, сделаны из круглой в сечении проволоки. Диаметр 5 см. Один конец небрежно закручен, другой загнут крючком. Такой тип колец был известен с X по XIII в. по всей территории расселения кривичей. Височные кольца средней величины, подобные денисенским, чаще всего встречаются в курганах X—XI вв. западных районов Полоцкой земли⁷.

К редким находкам принадлежит головной венки из спиралек и разделительных пластинок. Спиральки мелкие, плоско-выпуклого сечения, нанизаны в шесть рядов. Ширина пластинок 2 см, концы их с оборотной стороны заходят друг за друга; с лицевой стороны сохранилось серебряное покрытие с тисненым орнаментом. Такие венки принадлежат к характерным балтским головным украшениям. Они были широко распространены у латгальского населения с VI по XIII в.⁸ На древнерусской территории подобные уборы найдены в памятниках Себежских озер⁹, верховьев Западной Двины и Волги¹⁰, Смоленского Поднепровья¹¹. Ранние находки таких венков происходят из длинных курганов, поздние — из круглых курганов с трупоположениями XI в.

Стеклянные бусы обнаружены в женских и детских погребениях. Более надежно датированы бисерные бусы: желтые, реже — синие и единичные — зеленые. По данным Ю. Л. Щаповой, рубленый бисер древнерусских памятников был привозным; основная масса находок в Новгороде приходится на X—первую половину XI в.¹² Датирующими являются и некоторые одиночные бусы: желтая двойная лимоновидная пронизка из непрозрачного стекла, синяя двойная пронизка, лимоновидная бусина, белая ромбическая. Бусы этих типов бытовали преимущественно в X—первой половине XI в.¹³

В детском погребении встречена бронзовая крестовидная подвеска с расширенными концами из трех полуовальных лепестков. Высота подвески вместе с петелькой 2,2 см. На внешней стороне чуть заметен рельефный орнамент. Подобные изделия встречаются на северо-западе и северо-востоке Руси, а также в странах Балтийского региона. Сосредоточение находок отмечается на территории радимичей и в районе владимирских курганов, где они датируются XI—XII вв.¹⁴

Встречена подковообразная железная фибула со спиральными концами и круглым сечением дуги. Она лежала на месте правого плеча и служила застежкой для верхней одежды. Аналогичные фибулы известны по материалам из курганов X—XI вв. с трупосожжениями и трупоположениями¹⁵.

К поясным украшениям относятся два бронзовых кольца и лировидная пряжка с железным язычком. Овальная часть пряжки орнаментирована насечками. При реставрации под пряжкой обнаружены отпечатки грубой ткани прямоугольного переплетения. Идентичные детали пояса часто встречаются на древнерусских памятниках XI—XII вв.¹⁶

Проволочные перстни с заходящими концами обнаружены только на правой руке. У одного сечение ромбическое, у другого — круглое, а се-

редина немного утолщена. Круглопроволочные тонкоконечные перстни повсеместно встречаются на древнерусских памятниках XI—XIII вв. На западе древней Руси они преобладали над прочими в XI—XII вв.¹⁷

Все браслеты бронзовые. Один витой из трех проволок, с завязанными концами. Основное время бытования таких украшений — X—XI вв.¹⁸ Три браслета дровых. Один — круглого сечения с утонченными несомкнутыми концами. Второго — овального сечения. Дровые браслеты бытовали с конца I тысячелетия н. э. до XIV в. В курганах Полоцкой земли они особенно часто встречаются с материалами конца X—начала XII в.¹⁹ Третий дровый браслет — треугольный в сечении, орнаментирован косыми насечками на концах. Этот вариант по новгородским материалам датируется X—началом XII в.²⁰ Подобные украшения широко представлены в странах Балтийского региона в конце I—начале II тысячелетия.

Встречена лепная и гончарная керамика. Лепных сосудов два (высота 10,5 и 13 см). Они немного вытянуты вверх, наибольшее расширение тулова — у шейки сосуда, венчик прямой или слегка отогнут. Цвет розовый, тесто с примесью дресвы. Один горшок орнаментирован рядом округлых вдавлений вдоль шейки. Подобная керамика найдена на памятниках X—XI вв. на территории Белоруссии и в бассейне р. Великая²¹. Гончарный горшок приземистый, тулово с округлыми боками, наибольшее расширение — в верхней части, венчик резко отогнут наружу. Цвет розовый. По всем признакам он соответствует керамике конца X—XI в., сделанной на гончарном круге²².

Итак, вещевой материал Денисенских курганов датируется в пределах конца X—XII в. Находки X—XI вв. обнаружены в курганах с трупоположениями на горизонте; XI—XII вв. — в курганах с трупоположениями в подкурганных ямах. Учитывая, что лепная керамика, бусы ранних типов, венки не встречаются на памятниках второй половины XI в., часть курганов с захоронением на горизонте в могильнике у д. Денисенки можно отнести к концу X—первой половине XI в. Ранние браслетообразные височные кольца, найденные с погребенным в подкурганной яме, дают возможность считать, что такой обряд появляется на северо-западе Полоцкой земли со второй половины XI в.

Обряд погребения и вещевой набор Денисенских курганов носят типично древнерусский характер. Височные украшения свидетельствуют о принадлежности населения полоцким кривичам. Отдельные находки балтских типов указывают на поздние контакты соседних народов, чему способствовало пограничное расположение памятника.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 15.

² Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, 1905, 15.

³ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18, табл. XI, 1.

⁴ Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Иванова. — МАР, 1896, № 20, табл. XVIII, 13.

⁵ Latvijas PSR Archeologija. Rīgā, 1974, tab. 54, 1; 60, 32.

⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 98.

⁷ Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губ. — В кн.: Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР. Мінск, 1930, т. II, табл. IV, 3—10.

⁸ Zarina A. Latgalu vainagi no 6 līdz 13. gadsimtam. — In: Archeologija un

etnografija. Rīgā, 1960, II, 94, 95 lpp.

⁹ Подвигина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской обл. — СА, 1965, № 1, с. 294, 295.

¹⁰ Успенская А. В. Раскопки на оз. Селигер. — АО 1974 г. М., 1975, с. 83.

¹¹ Турбин Н. М. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. — ЗРАО, 1896, т. VIII, вып. 1/2, с. 117.

¹² Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 173.

¹³ Там же, с. 166, 167, 174.

¹⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, 65, с. 335.

¹⁵ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — В кн.: Тр. ГИМ. М., 1967, вып. 43, с. 152.

¹⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 144.

- ¹⁷ Успенская А. В. Курганы южной Белоруссии X—XIII вв. — В кн.: Археологический сб. М., 1953, с. 122.
- ¹⁸ Левашова В. П. Браслеты. — В кн.: Тр. ГИМ. М., 1967, вып. 43, с. 218.
- ¹⁹ Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестно-

- стей. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, табл. 1, 5; VII, 2.
- ²⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия... М., 1981, с. 103.
- ²¹ Седов В. В. Грицковские курганы. — КСИА, 1971, 125, рис. 16, 5.
- ²² Никольская Т. Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, XXX, с. 40.

В. А. БУЛКИН, О. В. ОВСЯННИКОВ

ТРОИЦКИЙ СОБОР АНТОНИЕВА СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

В 1975 г. на территории Антониева Сийского монастыря (Холмогорский р-н Архангельской обл.) экспедиция ЛОИА при участии кафедры истории искусства исторического факультета Ленинградского университета провела архитектурно-археологические работы, обмеры и натурное исследование всех сохранившихся каменных построек монастырского комплекса. Некоторые итоги этих работ опубликованы¹.

Древнейшая каменная постройка монастыря — Троицкий собор. Его возведение относится к рубежу XVI—XVII вв. Это одно из последних каменных зданий перед длительным перерывом в истории древнерусского зодчества, вызванным событиями Смутного времени.

Каменное строительство XVI в. на Севере представлено прежде всего монастырской архитектурой. Вслед за соборами Спасо-Каменного, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей (конец XV в.) в камне возводятся трапезные, храмы-колокольни и другие монастырские здания. Интенсивное строительство ведется в Соловецком и Спасо-Прилуцком монастырях. Во второй половине XVI в. сооружаются городские соборы в Каргополе и Вологде. В самом конце XVI в. начинается каменное строительство и в Сийском монастыре. В монастырском челобитье о постройке каменного Троицкого собора отмечается, что замысел его сооружения принадлежит царю Ивану Васильевичу². Жалованная грамота на постройку храма, а вместе с ней и денежные льготы были предоставлены монастырю в 1587 г. Для «сийского каменного дела» из Москвы был направлен опытный строитель³. Приехавший мастер Захар «подошву завел, и сваи набил, и камнем до половины выбутил»⁴. Летом 1591 г. строительство велось силами «поморцев и онежан и иных волостей 255 человек». Вероятно, к весне 1593 г. кончился срок работы мастера Захара, ибо по грамоте от 10 марта 1593 г. доделывать каменную Троицкую церковь в Сийский монастырь были посланы подмастерье каменного дела Василий Дула и 30 человек вологодских каменщиков⁵. Детали организации строительства в Сийском монастыре здесь не рассматриваются.

В июле 1593 г. в монастыре случился пожар, который уничтожил деревянные храмы, хозяйственные монастырские постройки. В пожаре пострадало и строящееся здание: «У каменное у новое церкви згоре сщепы и брусие деревяное»⁶. В связи с пожаром монастырю были предоставлены новые льготы, царь «велел доделывать каменную церковь и деревяную церковь и колоколницу каменную»⁷. Был восстановлен деревянный сгоревший храм, «а на каменную церковь припасли извести да кирпичу»⁸. Строительство продвигалось, по всей вероятности, очень медленно, так как в ноябре 1598 г., когда монастырю составили роспись, Троицкая церковь была еще «недоделана, сведена до верхних сводов»⁹.

Весной 1606 г. Василий Дула окончил в монастыре свою строительную деятельность, продолжавшуюся довольно долго — с марта 1593 г.

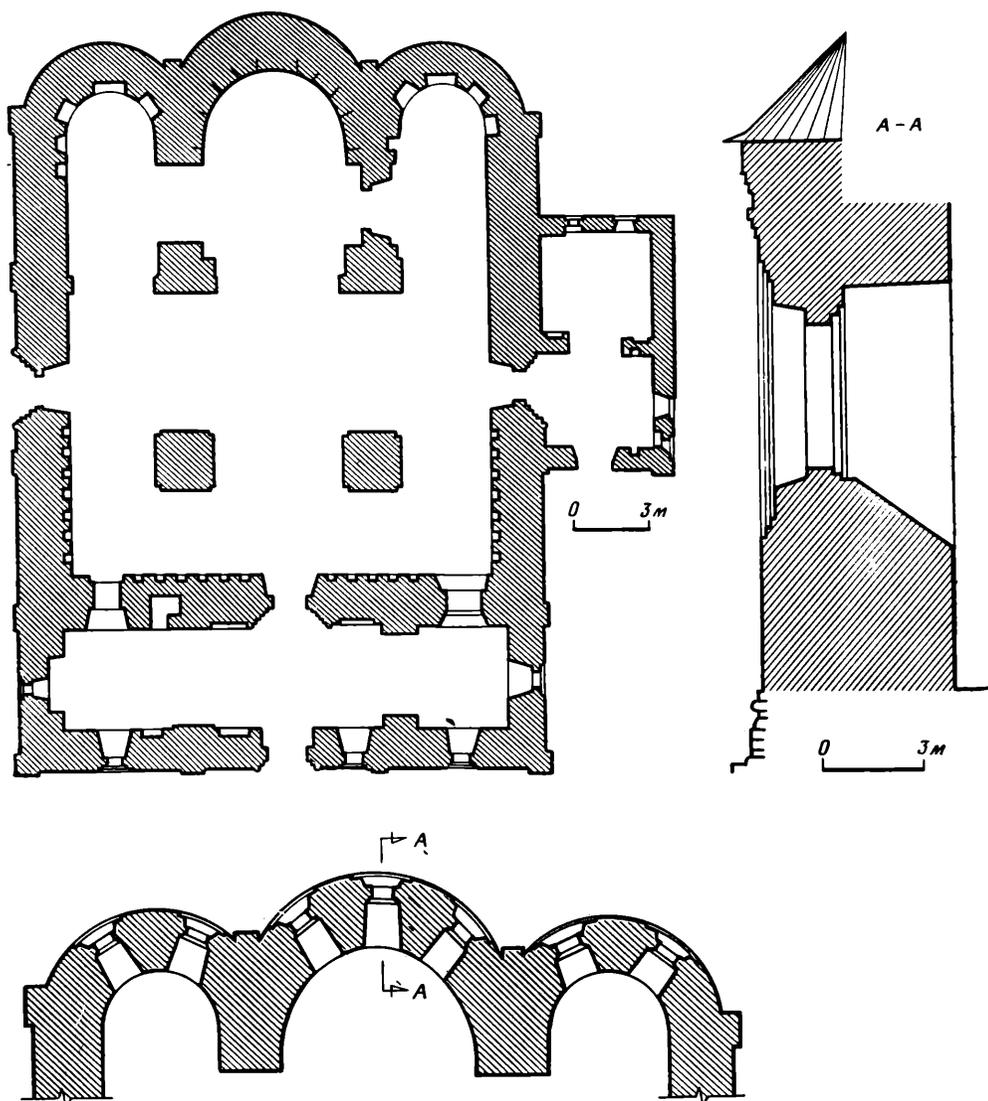

Рис. 1. Троицкий собор. План и детали плана

Для окончательного завершения строительства в Сию был направлен подмастерье каменных дел Ульян, а также «подвящик и с Вологды 15 каменщиков»¹⁰. Эта артель и закончила постройку в конце июля 1606 г.; освятили ее 24 мая 1607 г.¹¹ Так закончилось строительство, продолжавшееся около 20 лет, и в монастыре появилась церковь, которая «мерюю заведена в Воскресенскую меру, что в Девичем монастыре у нас на Москве»¹².

Троицкий собор — обширная четырехстолпная постройка с тремя алтарными апсидами и низкой папертью в западной части (рис. 1; 2). Основной объем храма в плане близок квадрату (23,5×20,8 м). Толщина стен собора 2 м. Столбы имеют слабовыраженную крещатую форму, их верхняя часть сделана в виде упрощенной капители. Восточные столбы в нижней части утратили первоначальную форму вследствие разного рода подтесок. В стенах на уровне капителей сохранились следы крепления первоначального иконостаса.

Столбы соединены друг с другом и со стенами здания арками, которые вместе с парусами несут пять массивных барабанов. В древности барабаны были увенчаны шлемовидными главами. Кровельщикам «Фе-

Детали северного фасада.

Рис. 2. Троицкий собор

а-в — фасады; **а** — восточный, **б** — западный, **в** — северный; **г** — детали северного фасада

дору плотнику да Симану дано от церковного дела что храм крыли и четыре маковицы чешую подбивали 24 рубли»¹³. В конце XVII в. главы имели уже иное покрытие: «Главы у тое церкви крыши обиты белым железом, а на средней главе золочение по белому железу, ... и покрыта та церковь тесом, чешую»¹⁴.

Подпружные арки, несущие среднюю главу, имеют со стороны подкупольного квадрата небольшое подвышение по отношению к коробовым сводам. Благодаря этому средний барабан оказался выше соседних и занял доминирующее положение в компактной группе пятиглавия, характерного для городских и монастырских соборов XVI в.

В северной и южной апсидах, в нижней части их стен, имеется несколько ниш. Множество ниш меньших размеров есть и в западной части храма.

Прекрасные акустические качества внутреннего пространства обеспечиваются многочисленными голосниками, вмурованными в верхние части стен. Пол в храме «лещадной» — выложен квадратными тесаными каменными плитами (размеры плит 0,52×0,52 м), плиты уложены ромбом.

Просторный и ясный по построению, интерьер собора хорошо освещен окнами с полуциркульными завершениями. Первый ярус окон —

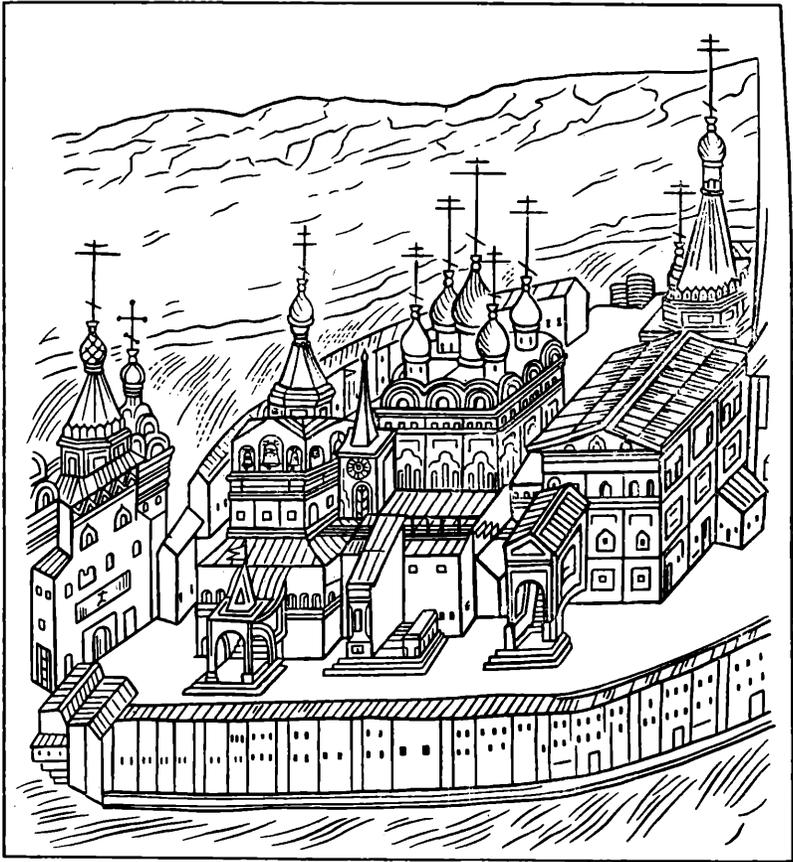

Рис. 3. Антониев Сийский монастырь. Рисунок с иконы (фрагмент)

Из книги А. А. Титова «Летопись Двинская»

апсидные (по два окна в боковых и три — в центральной), по одному окну — в восточных пряслах северного и южного фасадах. Второй, верхний, ярус окон — три на западном фасаде и по паре — на северном и южном. Внутри и снаружи окна имеют обрамление в виде уступчатых ниш. На западной стене здания и центральном барабане окна включены в аркатурно-колончатый пояс упрощенного типа.

Суров и монументален внешний облик Троицкого собора. Лишь под закомарами фасады охвачены двойной декоративной тягой. Прямоугольные профилированные нишки в закомарах, ритмически перекликаясь с обрамлениями окон, несколько оживляют верхнюю часть здания. Наиболее эффектные части постройки — это перспективные порталы. Их три, из них только северный, состоящий из трех полуколоннок с резными белокаменными бусинами и трех прямоугольных выступов, представляет в полной мере «лицо» постройки. Южный портал прикрыт каменной палаткой, западный — притвором. Двучастная каменная палатка построена одновременно с храмом — в описи 1598 г. она упоминается: «К тое же церкви пределаны две палатки»¹⁵.

Об одновременном сооружении всех основных частей Троицкого собора свидетельствует единый характер его нижних частей. Цоколь храма имеет довольно сложную профилировку. Его нижняя часть выполнена из тесаных каменных плит, затем следуют три ряда кирпичной кладки, причем средний — из фигурного кирпича. Фигурный кирпич различного рисунка использован в оконных нишах, порталах.

Известно, что храм строился из кирпича «в государеву меру»¹⁶. Размеры кирпича 30—32×8—9×14—15 см.

Благодаря монументальности архитектурных масс, тектонической ясности внешних членений, строгому декору фасадов Троицкий собор занял доминирующее место в ансамбле. С его возведения начинается история формирования одного из самых интересных монастырских ансамблей русского Севера (рис. 3).

- ¹ Булкин В. А., Овсянников О. В. Антониново-Сийский монастырь: буклет. Архангельск, 1979; *Они же*. Каменные шатровые храмы Сийского монастыря. — КСИА, 1980, 160, с. 117—120.
- ² ГААО, Библиотека, 2РС, л. 105, 105 об.
- ³ Там же, л. 113, 113 об.
- ⁴ Там же, л. 113 об.
- ⁵ Там же, л. 111, 111 об.
- ⁶ БАН РО, Архангельское собрание. Д-375, л. 32, 32 об.
- ⁷ Там же, л. 32 об., 33.
- ⁸ Там же, л. 33, 33 об.
- ⁹ Там же, л. 7.
- ¹⁰ ГААО, Библиотека, 2РС, л. 111, 129.
- ¹¹ БАН РО, Архангельское собрание, Д-375, л. 68.
- ¹² ГААО, Библиотека, 2РС, л. 113 об.
- ¹³ БАН РО, Д-378, л. 65 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ БАН РО, Д-375, л. 7.
- ¹⁶ БАН РО, Д-375, л. 52.

ХРОНИКА

В. В. СЕДОВ

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН
НА IX МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

IX Международный съезд славистов, состоявшийся в сентябре 1983 г. в Киеве, собрал большую аудиторию исследователей разных профилей — лингвистов и литературоведов, историков и фольклористов, археологов и искусствоведов, этнографов и антропологов, разрабатывающих самые различные вопросы славяноведения. Существенное место в работе съезда заняли вопросы происхождения и этнической истории славян¹. По этой проблематике были высказаны самые разные мнения лингвистов и археологов, свидетельствующие о том, что вопросы этногенеза славян исследуются ныне активно и плодотворно, но пока далеки от окончательного разрешения.

Среди лингвистических докладов большой интерес представляло выступление О. Н. Трубачева (СССР) на тему «Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики». Докладчик утверждал, что славянская прародина была весьма подвижной территорией, которая то расширялась, то уменьшалась, а в отдельных случаях внутри нее имело место сосуществование различных этносов. Древнейший регион славян О. Н. Трубачев локализует на среднем Дунае, где славяне сначала контактировали с праиталиками и иллирийцами. В результате миграции кельтов славяне продвинулись к северу от Карпат, в частности заселили Повисленье. Здесь в эпоху железа начинается их сближение с балтами. К тому же времени относится начало контактов славян с ираноязычным населением Северного Причерноморья. О. Н. Трубачев отстаивал положение о формировании и древнейшем обитании индоевропейцев в Европе.

В. В. Мартынов (СССР) в докладе «Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов» утверждал, что славяне происходят из прабалтского массива. Первым этапом было формирование протославян в результате воздействия италийского субстрата на западную часть прабалтского ареала. Становление протославян археологически соответствует лужицкой культуре. На следующем этапе складываются праславяне, что было результатом воздействия на протославян иранцев и археологически соответствовало разрушению лужицкой культуры скифами около V в. до н. э. С этого времени и начинается история собственно славянских языка и этноса, которые чуть позже испытали заметное воздействие германцев и кельтов в результате соседских контактов.

В докладе «Славянский и древнеевропейский: к проблеме двойного членения поздневропейской языковой общности» В. П. Нерознак (СССР) присоединился к гипотезе об азиатской прародине индоевропейцев, в последнее время отстаиваемой Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым. Нерознак склоняется к мысли о широкой прародине славян, охватывающей Вислу, Одру, нижний Дунай, Карпаты, Днепр и Припятское Полесье. На первом этапе праиндоевропейский язык распался на два макро-

диалекта — древнеазиатский и древнеевропейский. Последний локализуется исследователем в III—II тысячелетиях до н. э. в Северном Причерноморье с подвижными излучениями на запад и северо-запад. Второй этап — членение древнеевропейского на западноиндоевропейский и славянский, что произошло еще в Северном Причерноморье.

В. Т. Коломиец (СССР) в докладе «Значение данных сравнительно-исторической фонетики для исследования славянского этногенеза» обосновывала свои выводы анализом фонетики индоевропейских и славянских языков. Утверждалось, что балто-славяне вышли откуда-то из Центральной Европы. Та часть их, которая около середины I тысячелетия до н. э. расселилась на сравнительно небольшой территории к югу от Западной Двины и к северу от Припяти, к западу от Березины и к востоку от Немана, стала славянами. Здесь в результате взаимодействия балто-славянских диалектов с местным финно-угорским субстратом и сформировался праславянский язык. Территорию славян на раннем этапе их истории В. Т. Коломиец очерчивала посредством географического и этимологического анализа некоторых общеславянских названий рыб².

Проблеме этногенеза славян в свете данных языкознания были посвящены еще некоторые доклады, в которых рассматривались вопросы частного или регионального характера. Многие выступавшие в той или иной мере касались балто-славянской проблематики, она дискутировалась и в выступлениях по докладам. Балто-славянскую этноязыковую общность отстаивали на различных лингвистических материалах В. Шмальштиег (США), Ш. Ондрус (Чехословакия), Ф. Кортландт (Нидерланды) и другие. Немалое число участников, в том числе А. П. Ванагас (СССР), Р. Эккерт (ГДР), наоборот, пытались показать, что славяне и балты были самостоятельными индоевропейскими этносами в раннее время и только позднее приблизились друг к другу, образовав своеобразную общность.

Среди докладов археологов не было обобщающих славянскую этногенетическую проблематику в целом. В. Д. Баран (СССР) в докладе «Формирование славянских древностей по новым археологическим данным» относил к славянам первой половины I тысячелетия н. э. черняховскую культуру частично, юго-восточный регион пшеворской культуры и памятники киевского типа. В основу построений был положен тезис о полуземляночных жилищах как основном культурно-определяющем факторе славянства начала средневековой поры. Славянские культуры этой поры — и пражская, и пеньковская, и колочинская, — утверждалось в докладе, — характеризуются полуземляночными жилищами. Славянам более раннего времени, по мысли В. Д. Барана, были свойственны такие же дома. Подобные жилища-полуземлянки выявлены на части поселений черняховской культуры, на памятниках колочинского и киевского типов. Они и принадлежат ранним славянам. Переходным памятником от черняховской культуры к пражской является поселение Теремцы. В более западных областях Европы, в том числе в Висло-Одранском междуречье, славяне расселились только в VI—VII вв., результатом чего было появление полуземляночных построек на Дунае и Эльбе.

Выводы доклада Л. Д. Поболя (СССР) на тему «Проблемы славянского этногенеза (по данным археологических источников)» строились на той же предпосылке: основным этноопределяющим признаком культуры ранних славян были землянки и полуземлянки. Докладчик утверждал, что полуземляночные постройки на территории Белоруссии известны как в раннефеодальное время (IX—XIII вв.), так и в более древние периоды истории: в VI—IX вв. — в культурах пражского типа (сюда Л. Д. Поболь относит выделяемые только им петриковскую, новобыховскую и колочинскую культуры); во II—V вв. — на памятниках позднезарубинецкого этапа; в III в. до н. э.—II в. н. э. — на зарубинецких поселениях; еще раньше — в VIII—III вв. до н. э. — на памятниках милоградской культуры. Это послужило основанием для отнесе-

ния всех названных древностей к славянскому этническому массиву и заключения о вхождении Верхнего Поднепровья с прилегающими к нему землями в ареал раннего славянского этногенеза.

Выступая в прениях по этому докладу, автор настоящих строк отметил, что, во-первых, необходимо учитывать существенный фактор — для раннесредневековых славян были характерны полуземляночные жилища строго определенного типа, а именно: квадратные в плане, с отопительным устройством в углу. Полуземляночные же постройки милоградской и зарубинецкой (в том числе и постзарубинецкой) культур по своему строению и интерьеру не имеют ничего общего со славянскими. Во-вторых, ошибочно полагать, что жилищами-полуземлянками в раннем железном веке пользовались только славяне, они известны и на памятниках других этносов. В-третьих, не следует забывать, что в раннем средневековье славянский мир широко пользовался и наземными домами.

Вопросы раннего славянского этногенеза изложены мной в книге «Происхождение и ранняя история славян»³. Как бы в дополнение к ней в докладе «Славяне и кельты (по данным археологии)» мной специально исследовались славяно-кельтские взаимоотношения. Речь шла о миграции и диффузии кельтов в области славянского расселения в бассейнах Вислы и Одры. Результатом этого являются памятники кельтов III—II вв. до н. э. в Силезии и Малопольше и многочисленные вещи кельтского происхождения или изготовленные местными ремесленниками по кельтским образцам, найденные среди пшеворских древностей. Кельтское влияние оставило заметный след в железоделательном и железообрабатывающем ремеслах славян, в их сельскохозяйственной деятельности. Очевидно, тогда же кельты оказали воздействие и на духовную культуру части славянства, что проявляется в археологии северо-западной (венедской) его части.

Б. Хроповский и П. Шалковский (Чехословакия) в докладе «Новые археологические изыскания по этногенезу славян», проанализировав научную литературу последних лет, пришли к заключению, что славянская материальная культура V—VII вв. не имела единого предшественника. Она формировалась главным образом на основе культуры киевского типа и части черняховской культуры при участии и влиянии постзарубинецких и соседних культур первой половины I тысячелетия н. э. Что касается миграции славян в Среднее Подунавье, то докладчики допускают, что ранними славянами могли быть оставлены памятники прешовского типа восточной Словакии (III—начало V в.). Более раннее проникновение сюда славян археологически не подтверждается.

В докладе Д. Бялековой и А. Рутткаи (Чехословакия), озаглавленном «Киевская Русь и восточная часть Великой Моравии V—XI вв.», рассматривались преимущественно иные, не этногенетические темы, но авторы коснулись вопроса славянского этногенеза Среднего Подунавья. Они полагают, что восточная Словакия во второй половине V в. н. э. входила вместе с частью Украины, северной Молдавией, Румынией и юго-восточной Польшей в ареал славянского расселения. В Среднем Подунавье вместе со славянами жили и остатки более древнего населения. Появление славян в Словакии явилось результатом расселения «с(к)лаввинов», известных по раннесредневековым письменным источникам. Вторая переселенческая волна, относимая мной к антам и связываемая с передвижением авар в Подунавье, отражена находками типа Чадъявица-Мартыновка.

Во время работы съезда было проведено заседание «круглого стола» по проблеме славянского этногенеза. Собралась очень большая аудитория — представители разных наук, в той или иной мере исследующих эту проблематику. Руководили заседанием лингвист О. Н. Трубачев и археолог В. Гензель. Заседание не было лимитировано ограниченным кругом вопросов, поэтому выступавшие (20 человек) затронули самые различные аспекты этногенеза славян, их языкового взаимодействия, продолжили дискуссию по некоторым докладам, зачитанным на съезде.

В нескольких выступлениях затрагивался вопрос о славяно-балтских отношениях в древности. Некоторые польские языковеды отстаивали тезис о существовании балто-славянской этноязыковой общности. В. Мажюлис (СССР) сосредоточил внимание на результатах своих изысканий, согласно которым славянский язык сформировался из периферийных диалектов древнего балтского массива. Ю. В. Откупщиков (СССР) говорил о необходимости составления новых словарей для более аргументированного решения балто-славянской проблематики.

Не все выступавшие соглашались с некоторыми положениями доклада О. Н. Трубачева. Так, Г. А. Хабургаев (СССР) отметил, что необходимо отграничить при изучении этногенеза праславянский язык от индоевропейских диалектов, ставших потом славянскими. В построениях О. Н. Трубачева, касающихся глубокой древности, зарождение тех или иных славянских лингвистических элементов преподносится как история самого славянского языка и этноса.

И. Дуриданов (Болгария) не согласился с О. Н. Трубачевым относительно локализации иллирийцев в Средней Европе и на территории Польши. Он утверждал, что веныды — не иллирийцы, а отдельный индоевропейский этнос. Сомнительно, что геродотовы негры были кельтского происхождения, как полагает О. Н. Трубачев. А. П. Банагас отметил, что «Дунай» известен в фольклоре и поэтике не только в славянской среде, но и у балтских народов, т. е. этот факт не может быть использован для локализации древних славян на Дунае.

Выступавшие анализировали роли различных наук в изучении славянского этногенеза. В. Гензель говорил о необходимости создания специальной отрасли науки — этногенезологии, которая бы синтезировала данные и результаты исследований всех других наук, разрабатывающих вопросы этногенеза и глоттогенеза славян.

В выступлении автора настоящей статьи содержалась оценка современного изучения славянского этногенеза. Противоречивые высказывания по древнейшей истории славян в докладах на съезде свидетельствуют об активных поисках решения этногенеза славян. Они заставляют заново проанализировать все накопленное наукой в области археологии. Вместе с тем создается впечатление, что наука пока не готова к синтезированным обобщениям результатов, полученных различными специалистами. Это обусловлено прежде всего тем, что данные различных наук не привнесены в строгую систему. Так, в области археологии первостепенным является составление «Атласа раннесредневековых славянских древностей», который охватил бы весь обширнейший славянский мир. Пока же исследователи оперируют разрозненными фактами, научно систематизированными лишь по отдельным более или менее крупным регионам. Это касается и иных наук. Поэтому исследователи этногенеза славян вынуждены пользоваться не всей суммой научно систематизированных фактов, а какой-то частью их.

Н. И. Толстой (СССР) говорил о необходимости создания этнолингвистического словаря и скорейших теоретических разработок в изучении этногенеза. Он и И. Тыпкова-Займова (Болгария) обратили внимание на необходимость широкого привлечения фольклористики к изучению славянского этногенеза.

На заседании было выражено сожаление по поводу того, что на съезде по этногенезу славян преобладали чисто лингвистические доклады, в то время как при решении этой проблематики большую роль следовало бы отвести археологии.

Закрывая заседание «круглого стола», О. Н. Трубачев отметил плодотворность встречи ученых различных профилей.

¹ К началу работы съезда были изданы: Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. М., 1983; История, культура,

этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов: Доклады Советской делегации. М., 1983; Славянское языко-

знание: IX Международный съезд славистов: Доклады Советской делегации. М., 1983; IX Міжнародний з'їзд славистів: Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: Доповіді. Київ, 1983; IX Між-

народний з'їзд славистів: Слов'янське мовознавство. Київ, 1983.

² Коломиця В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Н. А. МАКАРОВ

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1983—1984 гг.

В 1983—1984 гг. сектор славяно-русской археологии продолжал вести исследования по следующим основным направлениям: а) этногенез и этническая история славян и их соседей — балтских, финно-угорских, тюркских и иранских народов; б) становление и развитие феодальных отношений на Руси и в соседних землях; в) происхождение, история и культура древнерусского города; г) древнерусская культура, ее общие черты и локальные особенности.

Существенным вкладом в изучение славянского этногенеза явилась плановая работа И. П. Русановой «Локальные варианты пшеворской культуры», завершенная в 1983 г. Работа представляет собой опыт исследования этнической истории населения Висло-Одранского междуречья на рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э. Основная цель исследования — выделение славянского, германского и кельтского компонентов в пшеворских древностях. Эта задача решается на основании корреляции различных типов погребального обряда, керамики, жилищ и вещевого инвентаря. В результате исследования культура каждого из трех этносов, оставивших пшеворские древности, получает детальную характеристику. Разработкой проблем славянского этногенеза занимаются также молодые сотрудники сектора А. В. Кропоткин, изучающий памятники черняховской культуры, и А. М. Обломский, защитивший в 1983 г. диссертацию «Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры». Изучение формирования древнерусского населения северо-западных и северо-восточных областей Восточной Европы и взаимоотношений славян с балтскими и финно-угорскими племенами ведут З. М. Сергеева и Н. А. Макаров, завершивший в 1984 г. работу над плановой темой «Население восточного Прионежья в X—XIII вв.»

Значительное внимание уделяется в секторе проблемам этнической истории юго-восточных соседей Руси. Исследованием салтово-маяцких древностей занимается С. А. Плетнева, работающая над плановой темой «Дмитриевский археологический комплекс VIII—IX вв.» Памятники салтово-маяцкой культуры изучает также В. С. Флеров.

Вопросы становления и развития феодальных отношений на Руси разрабатывают Б. А. Тимошук (плановая тема «Восточнославянская община VI—XI вв. по археологическим данным») и А. А. Юшко («Феодальное землевладение Московской земли XIV в.»). Кроме того, проблемы социально-экономического развития древней Руси активно изучаются в рамках секторального методологического семинара.

Продолжается изучение истории и культуры древнерусских городов. М. В. Седова работает над темой «Археологические данные о Суздале XVI—XVII вв.» Т. Н. Никольская — над темой «Древнерусский город Серенск». Л. В. Алексеев исследует западнорусские города. В 1983 г. завершена плановая тема Д. А. Беленькой «Ремесло городов Московской Руси второй половины XIII—начала XVI в. (меднолитейное дело)». Материалом исследований послужили изделия мелкой пластики — кресты-

тельнички, энколпионы и медные иконки. Создана классификация, обоснована датировка, выделены центры производства. В 1984 г. выполнена плановая тема М. Д. Полубояриновой «Стеклянные изделия Болгарского городища». В работе систематизированы стеклянные изделия, полученные в результате многолетних раскопок Болгара: бусы, перстни, браслеты, вставки перстней, оконное и посудное стекло. По данным спектрального анализа выделены русские вещи, привезенные в Болгар. Рассмотрен вопрос о возможности существования местного производства стеклянных изделий.

Значительное место в работе сектора занимает исследование древнерусской культуры, в первую очередь ее материальных и художественных памятников, и средневековой культуры в целом. С этим направлением связаны плановые темы Г. К. Вагнера «Функциональная типология памятников древнерусского зодчества», В. П. Даркевича «Пародия и гротеск в искусстве средневековья», Т. В. Николаевой «Древнерусские змеевики», М. В. Седовой «Сложение местных иконографических типов в мелкой пластике Владимиро-Суздальской земли». В 1984 г. завершена плановая тема А. В. Чернецова «Золоченые двери XVI в. соборов Московского Кремля и Троицкого собора в Костроме». В работе рассматриваются выдающиеся памятники художественной металлообработки, вопрос об их относительной хронологии, датировка, палеография надписей. Основное внимание уделено анализу изображений, среди которых имеется ряд редких композиций. А. А. Медынцева закончила в 1983 г. плановую тему «Распространение письменности на Руси в X—начале XIII в.» На основании эпиграфических находок сделана попытка оценить общий уровень развития грамотности на Руси. Подробно анализируются данные о возникновении письменности в дохристианскую эпоху, рассматриваются древнейшие орудия для письма. Автор приходит к заключению о широком распространении грамотности в X—XIII вв. среди определенных социальных категорий населения. Эпиграфическим материалам посвящена и плановая тема И. Л. Кызласова «Краткие енисейские надписи как исторический источник», завершенная в 1984 г. Работа представляет собой свод средневековых эпиграфических памятников, происходящих с территории Хакасии. Автор приводит подробные описания енисейских надписей, дает их перевод, подробно анализирует содержание.

Важным направлением в деятельности сектора остается работа над многотомной «Археологией СССР». Завершена подготовка к печати первой книги тома «Древняя Русь (город, замок, село)» (ответственный редактор Б. А. Колчин); авторы разделов В. П. Даркевич, Б. А. Колчин, А. В. Куза, А. Ф. Медведев, Б. А. Рыбаков, А. В. Чернецов). Заключительная часть работы по редактированию книги выполнена А. В. Чернецовым. Близка к завершению вторая книга «Древняя Русь (быт и культура)» (ответственные редакторы Б. А. Колчин и Т. И. Макарова; авторы разделов Т. И. Макарова, М. А. Сабурова, М. В. Седова, М. Д. Полубояринова, Т. Н. Никольская, Р. Л. Розенфельдт). Подготовлен к сдаче в Издательство том «Финно-угры и балты в средневековье» (ответственный редактор В. В. Седов; авторы разделов В. В. Седов, Л. А. Голубева, Р. Л. Розенфельдт). Продолжается работа над томами «Крым и Кавказ в эпоху средневековья» (ответственные редакторы В. П. Даркевич, Т. И. Макарова; авторы ряда разделов А. К. Амброз, Т. И. Макарова) и «Древние славяне и их соседи» (ответственные редакторы И. П. Русанова и Э. А. Симонович).

Полевые исследования членов сектора тесно связаны с разрабатываемыми ими научными темами. В 1983—1984 гг. выполнен большой объем полевых работ.

Отряд Советско-Болгарской экспедиции (начальник Г. Е. Афанасьев) продолжил исследование древнейших оборонительных сооружений Плиски. Руководимый Г. Е. Афанасьевым Оскольский отряд проводил

разведки памятников салтово-маяцкой культуры в Воронежской и Белгородской областях.

Славянская экспедиция (начальник И. П. Русанова) вела исследование славянских памятников в Тернопольской, Черновицкой и Ивано-Франковской областях. Открыты остатки Збручского святилища — уникального культового комплекса X в.

Верхнеокская экспедиция (начальник Т. Н. Никольская) вела раскопки средневекового города Серенска на территории Калужской обл. Исследованы оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные постройки в детинце и на посаде.

Владими́ро-Суздальская экспедиция (начальник М. В. Седова) продолжала работы в Суздале и его округе. Исследовались жилые кварталы города и его древнейшие укрепления, курганы на Михайловой стороне. Отряды экспедиции вели раскопки в Муроме и Гнездилове.

Новгород-Северская экспедиция (начальник [А. В. Куза]) вела раскопки жилых кварталов средневекового города.

Верхнеднепровская экспедиция (начальник С. С. Ширинский) проводила разведки и раскопки на территории Смоленской обл. Исследовались курганы X—XI в. у д. Сельцо в Ярцевском р-не.

Днепро-Двинская экспедиция (начальник Л. В. Алексеев) продолжала раскопки средневекового Мстиславля.

Херсонесская экспедиция (начальник С. А. Беляев) исследовала средневековый Херсонес.

Саяно-Алтайский отряд (начальник И. Л. Кызласов) проводил разведки и раскопки погребальных средневековых памятников в Южной Сибири.

Онежско-Сухонский отряд (начальник Н. А. Макаров) продолжал обследование средневековых памятников в Архангельской и Вологодской областях. Проведены раскопки трех грунтовых могильников и курганной группы XI—XIII вв.

Отряд Поволжской экспедиции (начальник М. Д. Полубояринова) вел исследование Болгарского городища. Обнаружены и частично вскрыты остатки монументальной каменной постройки.

Отряд Московской экспедиции (начальник Р. Л. Розенфельдт) исследовал курганы на территории Подмосковья.

Витебский отряд (начальник З. М. Сергеева) производил обследование курганных групп в Верхнедвинском, Оршанском и Толочинском районах Витебской обл.

Белгородская раннесредневековая экспедиция, руководимая А. М. Обломским и А. В. Кропоткиным, вела разведки и раскопки памятников рубежа нашей эры — первой половины I тысячелетия н. э. на территории Белгородской обл.

Клин-Ярская экспедиция (начальник В. С. Флеров) проводила раскопки раннесредневекового могильника в окрестностях Кисловодска.

А. А. Медынцева участвовала в раскопках монастырского комплекса в Равно (Болгария), а А. В. Кропоткин — в работе Советско-Йеменской экспедиции.

В 1983—1984 гг. состоялось 57 заседаний сектора. Были заслушаны доклады по плановым темам, ежегодные отчетные сообщения по результатам полевых исследований и ряд других докладов. Обсуждены и рекомендованы к защите докторская диссертация Б. А. Тимощука и кандидатские диссертации Н. А. Кирьяновой, А. А. Александрова, П. Г. Гайдюкова, Б. И. Ибрагимова, В. А. Кананина, Н. А. Макарова и К. С. Хаджиева. Общие вопросы средневековой археологии и истории обсуждались на секторальном теоретическом семинаре. Большой интерес вызвали доклады В. П. Даркевича «К. Маркс и Ф. Энгельс о роли комического в средневековой культуре», И. П. Русановой «К. Маркс и Ф. Энгельс об этнической истории», Т. И. Макаровой «Об организации ремесла в древней Руси», М. В. Седовой «Социальная топография древнего Суз-

даля», А. А. Медынцевой «Письменность как признак государства», Г. Е. Афанасьева «Большая семья у алан» и С. С. Ширинского «Дружина как социальный фактор в первые века существования Русского государства».

В 1983—1984 гг. вышел из печати ряд статей и монографий, написанных сотрудниками сектора. Крупный вклад в изучение средневековых древностей юга Восточной Европы вносит сборник «Маяцкое городище» (Труды Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции. М., 1984, ответственный редактор С. А. Плетнева). В нем излагаются основные итоги полевых работ на Маяцком городище — одном из наиболее ярких памятников салтово-маяцкой культуры. Сборник содержит статьи советских и венгерских археологов Г. Е. Афанасьева, А. З. Винникова, Л. А. Голубевой, Т. С. Кондукторовой, Я. Матолчи, А. Г. Николаенко, С. А. Плетневой, В. С. Флерова, И. Эрдели. Разнообразна тематика статей, включенных в сборник «Культура и искусство средневекового города» (М., 1984, ответственный редактор И. П. Русанова). В статьях Н. Н. Велецкой, В. П. Даркевича, А. А. Медынцевой, Р. С. Орлова, М. А. Сабуровой, М. В. Седовой, А. В. Чернецова рассматриваются различные аспекты культуры средневековья: элементы праздничной культуры, традиции художественной металлообработки, символика антропоморфной скульптуры, погребальный обряд.

Фундаментальным исследованием памятников прикладного искусства древней Руси является монография Т. В. Николаевой «Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.» (САИ, 1983, вып. Е1-60), вышедшая в серии Свод археологических источников СССР. В книге подробно описано и систематизировано около 400 предметов прикладного искусства XI—XVI вв., разработана их хронология, выделены группы, связанные с различными художественными центрами Руси. Книга И. П. Русановой и Б. А. Тимощука «Кодын — славянское поселение V—VIII вв. на р. Прут» (М., 1984, ответственный редактор С. А. Плетнева) представляет собой монографическое исследование одного из эталонных памятников культуры пражского типа. Четкая стратиграфия поселения Кодын, выразительные керамические наборы и датирующие вещи позволили авторам выделить на поселении комплексы восьми хронологических периодов, последовательно сменявших друг друга, и проследить развитие славянской культуры Прикарпатья на протяжении четырех столетий.

Результатом работы, выполненной в рамках сотрудничества между Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии Болгарской АН, является книга А. А. Медынцевой и К. Попконстантинова «Надписи из Круглой церкви в Преславе» (София, 1984). В книге подводятся итоги многолетнего изучения надписей из Круглой церкви, даются их новое прочтение и датировка. Монография А. В. Чернецова «Изображения на русских монетах XIV—XV вв.» издана в Великобритании (*Chernetsov A. V. Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study. Oxford, 1983*). Книга посвящена изображениям на монетах заключительного периода феодальной раздробленности и эпохи становления Русского централизованного государства. Автор рассматривает иконографию изображений и их символику, привлекая для интерпретации изображений на монетах миниатюры, произведения древнерусского искусства и письменности.

Книга И. Л. Кызласова «Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.» (САИ, 1983, вып. Е3-18) представляет собой свод памятников одной из средневековых культур Сибири. Г. П. Смирнова составила справочник «Музеи АН СССР и АН Союзных республик» (М., 1983). В различных периодических и сериальных изданиях сотрудниками сектора опубликовано около 90 статей и заметок.

Некоторые труды, выполненные в секторе славяно-русской археологии, отмечены Государственными премиями СССР. Государственная пре-

мия 1983 г. присуждена Г. К. Вагнеру за цикл работ по древнерусскому искусству и архитектуре. Государственная премия 1984 г. присуждена В. В. Седову за книгу «Восточные славяне в VI—XIII вв.» (Археология СССР).

Эти награды являются признанием больших заслуг в разработке кардинальных проблем истории и культуры древней Руси.

Тяжелой утратой для сектора была безвременная кончина Т. В. Николаевой — выдающегося исследователя прикладного искусства древней Руси — и А. В. Кузы, в течение длительного времени целеустремленно изучавшего социальный облик и археологические признаки древнерусского города.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, К. В. ПАВЛОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТОРА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1974—1984 гг.

В апреле 1984 г. исполнилось 10 лет со дня преобразования в составе Ленинградского отделения Института археологии АН СССР группы славяно-русской археологии в сектор славяно-финской археологии (заведующий А. Н. Кирпичников). Решение дирекции было обусловлено необходимостью придать устойчивую организационную форму расширившимся к тому времени археологическим исследованиям на северо-западе РСФСР. Здесь были открыты новые археологические памятники, материалы которых позволяли поднять на более высокую ступень изучение истории финно-угорских и славянских племен, обитавших в лесной зоне Восточной Европы.

Перед коллективом, состоявшим из девяти научных сотрудников и одного консультанта, встали довольно сложные задачи. Необходимо было выделить главнейшие направления работы. Важно было пополнить сектор творческой молодежью. В какой-то степени это намерение удалось выполнить. За истекшие 10 лет сектор пополнился несколькими научными сотрудниками. Так, после аспирантуры защитили кандидатские диссертации и были зачислены научными сотрудниками Е. А. Горюнов, Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская, Е. А. Рябинин, выросшие теперь в высококвалифицированных специалистов. В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию В. А. Тюленев, в 1983 г. — В. А. Назаренко, в 1984 г. — А. И. Сакса. Заняты диссертационными темами В. П. Петренко, В. А. Лапшин и В. И. Горюнова. В настоящее время в составе сектора работают 12 научных сотрудников. Активное участие в научной и общественной жизни принимает ушедшая на пенсию Ф. Д. Гуревич.

В качестве главнейших в тематике сектора выделены три научных направления: 1) история ранних славян, 2) история культуры древней Руси и 3) средневековая история финно-угорских племен и их связи со славянами. В соответствии с этим были образованы три исследовательские группы, которые возглавили член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков, П. А. Раппопорт и А. Н. Кирпичников.

Вопросы истории и культуры финно-угров и их взаимоотношения со славянским миром поднимались в работе А. Н. Кирпичникова и Е. А. Рябинина «Финно-угорские племена в составе Новгородской земли» (СА, 1982, № 3), а также в исследованиях А. Н. Кирпичникова «Историко-археологические исследования древней Корелы» («Финно-угры и славяне». Л., 1979) и «Приладожская лопь» («Новое в археологии СССР и Финляндии». Л., 1984).

Историей и археологией финно-угорских племен Восточной Европы плодотворно занимается Е. А. Рябинин. Среди его трудов назовем книгу «Зооморфные украшения древней Руси X—XI вв.» (Л., 1981) и статьи «Археологические памятники Вотской земли» (СА, 1976, № 1), «Чудские племена древней Руси по археологическим данным» («Финно-угры и славяне». Л., 1979). Он подготовил также рукопись «Костромское Поволжье в эпоху средневековья (по курганным материалам)».

Древности Новгородской земли I тысячелетия н. э. изучает Е. Н. Носов. Его диссертация «Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.» представлена в таких статьях, как «Источники по славянской колонизации Новгородской земли» («Вспомогательные исторические дисциплины». Л., 1974, VI), «Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в.» (Там же. Л., 1976, VIII). Отметим работу Е. Н. Носова «Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье» (СА, 1981, № 1) и законченную им монографию «Новгородское (Рюриково) городище».

А. И. Сакса защитил диссертацию «Карельская земля в XII—XIV вв.», составил каталог памятников корелы, обнаруженных на территории Финляндии, и совместно с В. А. Тюленевым трудится над историко-археологическим очерком о племени корела.

Н. В. Хвоцинская изучает историю финно-угорского и славянского населения Новгородской земли второй половины I—начала II тысячелетия. Этой теме посвящены ее диссертация «Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.» и статья «Курганы второй половины I тысячелетия н. э. восточного побережья Чудского озера» («Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий». Таллин, 1984). В настоящее время она работает над монографическим исследованием могильника у д. Залахтове в северо-восточном Причудье.

В. А. Назаренко изучает курганные древности юго-восточного Приладожья, по материалам которых им опубликован ряд статей и защищена диссертация «Погребальная обрядность приладожской чуди».

В. П. Петренко посвятил ряд полевых сезонов изучению сопок северного Поволховья. На основании полученных обширных данных он готовит сводную работу по этим памятникам.

В области изучения славяно-финно-угорских отношений особое внимание уделялось выявлению чудских субстратных элементов в древнерусской культуре. На основе детального анализа обширного пласта археологического материала, накопленного за столетний период исследования северорусских древностей, определены этнокультурные особенности угро-финских группировок, направления межэтнических связей в зоне славяно-чудского расселения, реконструированы территории расселения ряда летописных племенных образований. Выдвинуто и обосновано положение о сложном и многообразном процессе славяно-финно-угорского и межплеменного чудского взаимодействия, не сводимого лишь к механическому поглощению одного этноса другим.

В результате изучения такой массовой категории северорусских древностей, как зооморфные украшения, выяснилось, что они отразили этнические особенности отдельных группировок, направление торговых и культурных связей между племенами, их идеологические представления. Впервые определено значение зооморфных украшений для племенной диагностики археологических памятников. Анализ семантики культовых фигурок позволил прояснить представления о верованиях разноязычных коллективов средневековой эпохи.

Захоронения XI—XV вв., раскопанные в пределах летописной Водской земли (около 500), впервые позволили детально проследить развитие погребального обряда и изменение культуры на протяжении 500 лет, установить тенденции формирования в этом регионе древнерусской народности и ее постепенной трансформации в более позднюю великорусскую народность. За пределами славяно-русского расселения, в границах

средневековых чудских погостов, обнаружены и раскопаны погребальные памятники племени вольд XII—XIX вв., до сих пор оставшегося археологической загадкой.

Завершено историко-культурное исследование средневекового прошлого Костромского Поволжья, основанное прежде всего на детальном анализе примерно двух тысяч курганных комплексов. Воссоздана картина древнерусского заселения этого региона Поволжья, реконструированы культура и быт дославянского населения края.

Основанное на современном научном подходе изучение материалов владимирских курганов, до последнего времени считавшихся фактически утраченными для науки, позволило выявить дополнительную информацию о древностях из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева. Удалось проследить процесс славяно-мерянского этнического взаимодействия в Ростово-Суздальской земле. Создана реальная основа для решения проблемы ассимиляции мерянской общности, заселявшей обширные пространства будущего великорусского центра.

Многолетнее изучение древностей юго-восточного Приладожья позволило выявить истоки, особенности формирования и развития приладожской курганной культуры. Она возникла на базе культуры финноязычных абorigенов края в условиях появления на южных границах территории их обитания пришлого, славянского в своей основе населения и проникновения в эти районы выходцев из Скандинавии. В период становления специфику развития культуры определяла близость крупного торгово-ремесленного центра — Ладоги. Финноязычное население Приладожья оказалось вовлеченным в сферу ладожской, прежде всего меховой, торговли, что стимулировало социально-экономическое развитие приладожского общества и в конечном счете вызвало яркий расцвет его самобытной культуры. С включением юго-восточного Приладожья в состав земель Новгорода приладожская культура прекратила свое существование.

В результате археологического исследования поселений, могильников и культовых мест Карельского перешейка удалось установить, что культура средневековой корелы сформировалась на основе культуры автохтонного населения. По материалам памятников корелы прослежены ее широкие связи с племенами Восточной Европы, Прибалтики и Фенно-Скандинавии. Выяснено, что в начале X в. в корельском обществе происходят значительные социально-экономические изменения, которые подготовили расцвет культуры в XII—XIV вв.

Археологические исследования в северо-восточном Причудье позволили детализировать картину взаимоотношений славянского и финского населения в конце I—начале II тысячелетия и характер сложения здесь древнерусской материальной культуры. Выяснено, что основу женского парадного костюма в этих местах составлял убор, типичный для славянского населения центральных районов Новгородской земли, осложненный заимствованиями у финнов. В свою очередь финские обитатели края, находясь в плотном окружении древнерусского населения, сохранили прибалтийско-финский облик костюма (представительность нагрудных украшений, богатство металлического убора, техника расшивки тканей спиральками) и своеобразие в погребальном обряде (грунтовые захоронения, деревянные конструкции, восточная ориентировка).

Изучение древностей чудских племен на территории Мурманской и Архангельской областей позволило определить направление и характер культурных связей жителей этих районов с IX в.

Широкое обследование и раскопки археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Ильменском бассейне позволили уточнить соотношение культур сопки и длинных курганов.

Исследование ближайшей новгородской округи дало новые материалы для решения проблемы происхождения Новгорода. Доказано, что к концу I тысячелетия н. э. Ильменское Поозерье и верховья Волхова были широко освоены славянами. Новгород возник в центре плотной поселенче-

ской зоны. В IX в. Городище (Рюриково) являлось резиденцией новгородских князей, и противостояние Городища и Нового города в топографическом плане отражало характерное для Новгорода противостояние княжеских и боярских («земских») институтов власти.

Усилия группы сектора, разрабатывающей вопросы истории культуры Руси, направлены на изучение древнерусского города, памятников зодчества, а также керамики. Сам за себя говорит перечень книг, опубликованных П. А. Раппопортом: «Древнерусские жилища» (САИ, 1975, вып. Е1-32), «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» (Л., 1979, в соавторстве с Н. Н. Ворониным), «Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников» (Л., 1982). Им подготовлены к печати работы «Строительное производство древней Руси» и «Очерки истории русского зодчества X—XIII вв.» А. Л. Якобсон завершил двухтомное исследование «Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры». Первая часть этого труда опубликована в 1983 г. (Л.). М. В. Малевская изучает памятники архитектуры западнорусских земель XIII—XIV вв. Она закончила монографию «Керамика городов Черной Руси X—XIII вв.» Аналогичное исследование по материалам Новгородской и Псковской земель выполнено В. И. Кильдюшевским, а по материалам южных городов Смоленской земли XII—XIII вв. — К. В. Павловой. Перу А. Л. Якобсона принадлежит книга «Керамика и керамическое производство средневековой Таврики» (Л., 1979). Ф. Д. Гуревич выпустила книгу «Древний Новогрудок. Посад — окольный город» (Л., 1981) и закончила рукопись «Детинец древнего Новогрудка». Кроме того, она подготовила рукопись, посвященную истории и культуре древних городов Понеманья и Побужья («Города Черной Руси в XII—XIII вв.»). Ее перу принадлежит научно-популярная брошюра «Древние города Белорусского Понеманья» (Минск, 1982).

О. В. Овсянников завершил многолетнее исследование «Очерки истории и культуры города на русском Севере». Им же выполнена часть совместного с М. И. Беловым и В. Ф. Старковым двухтомного труда «Мангазея» (ч. I — Л., 1980; ч. II — М., 1981). О. В. Овсянников выпустил ряд научно-популярных книг: «Копорье» (Л., 1976), «Шенкурск» (Архангельск, 1978), «По Неве и Волхову» (Л., 1981, совместно с Вал. А. Булкиным), «Ученый, зодчий, каменщик» (Л., 1983, совместно с Вал. А. Булкиным).

К. В. Павлова написала работу «Городище Осовик», в которой подведены итоги археологических исследований одного из городков Смоленской земли XII—XIII вв.

А. Н. Кирпичников опубликовал книги «Военное дело на Руси XIII—XV вв.» (Л., 1976), «Древний Орешек» (Л., 1980), «Куликовская битва» (Л., 1980), «Защитное вооружение. Glossarium armorum» (Грац, 1981, совместно с И. Н. Хлопиным), «Каменные крепости Новгородской земли» (Л., 1984), а также «Крепость Орешек» (Л., 1979, совместно с В. М. Савковым). В подготовке к печати находится его монография «Псков XVI—XVII вв. по русским и иностранным источникам».

В результате изучения древнерусского зодчества уточнена периодизация русской архитектуры домонгольского периода и выделен самостоятельный этап ее развития, охватывающий конец XII—первую треть XIII в. В архитектуре этого этапа наряду с продолжающимся членением на отдельные школы проявляются признаки определенной общности, свидетельствующие о начинающемся процессе сложения общерусского архитектурного стиля. Процесс этот в самом его зачатке был прерван монголо-татарским нашествием. Впервые применены новые методы датировки памятников древнерусской архитектуры, в частности по формату кирпича.

Составление каталога памятников русской архитектуры X—XII вв. дало в руки исследователей полную сводку хорошо проверенного материала по русскому зодчеству домонгольского периода. Оказалось возможным судить о закономерностях развития зодчества, о роли влияний в раз-

витии древнерусской архитектуры, о взаимосвязях различных архитектурных школ.

В итоге изучения строительного ремесла древней Руси раскрылась яркая картина технологической организации одного из наиболее сложных по структуре производств. Выявилась своеобразная артельная система организации строительного производства, причем артели довольно часто переезжали из одной русской земли в другую. Решаются вопросы связи строительных артелей с определенными княжескими династиями, а также соотношение строительной деятельности с политическими событиями.

Значительно продвинулось вперед археологическое исследование зодчества западнорусских земель второй половины XIII—XIV в. Выяснились принципы взаимосочетания древнерусских архитектурных традиций с проникающими с Запада романо-готическими формами и конструкциями. Это оказалось важным для понимания путей сложения средневековой архитектуры Украины и Белоруссии.

При изучении городов Новгородской земли обнаружены и проанализированы новые памятники каменной и деревянной архитектуры, установлена новая периодизация развития северорусской каменной фортификации, выделены ее общеевропейские и местные черты. В строительстве городов Новгородской земли существовала определенная системность, связанная с их оборонительным назначением закрывать основные дороги, ведущие в глубь страны. Применение камня в военно-инженерном строительстве укреплений отмечается уже в конце IX в. (Ладога), т. е. задолго до того, как такое явление стало общей необходимостью.

Что касается городского деревянного домостроительства, то, судя по материалам Ладоги, оно с самого начала имело усадебный характер с главным жилым домом. Удалось обосновать метод реконструкции средневековых укреплений и территории городской застройки. Решены некоторые вопросы планировки и населенности позднесредневековых городов и их ближайшей округи. Особый характер имела ладожская городская волость, отличавшаяся торгово-ремесленной, но не земледельческой направленностью хозяйства.

Атрибутирована группа русских средневековых поселений XIV—XVI в. в Подвинье и Важской земле. Изучен характер каменного (Орлецкий кремль) и дерево-земляного оборонительного зодчества этих крепостей. Прогрессивные тенденции русской фортификации того времени проявились в устройстве этих городов (элементы регулярной планировки крепостных стен), которые, однако, не переросли в городские центры, а с падением новгородской независимости и вовсе были заброшены. Что касается городов Архангельского Севера XVI—XVII вв., то можно говорить о своеобразии этих центров, тесно связанных с ремеслом, торговлей (Соль-Вычегодск) или с морскими промыслами (Холмогоры), что нашло отражение не только в их экономике, но и в характере застройки и планировки посадской территории.

По археологическим данным прослежен начальный период посадского сибирского домостроительства, в котором с наибольшей силой проявилось влияние русского Севера. Определенный этап развития городского ремесла Мангазеи, как и других сибирских городов, выражается прежде всего в доминирующей доле привоза «с Руси» ремесленных изделий (оружие, орудия труда и инструменты, одежда, обувь), что определяет общерусский облик всей материальной культуры городского населения.

Существенный вклад внесен в дело изучения древнерусской керамики. Разработана типологическая и хронологическая классификация керамики городов Черной Руси, Новгородской и Псковской земель, выделены региональные особенности ее в этих районах, связь с южнорусскими традициями.

Тема о вооружении и военном деле Руси IX—XV вв. потребовала полного учета всего накопленного за 175 лет археологического материала, его классификации, разработки проблем хронологии, распростра-

нения и др. Исследование боевой техники позволило реконструировать тактику боя, определить поведение в бою всадника и пехотинца. Выдвинута новая трактовка Куликовской битвы, предполагающая, в частности, последовательный ввод в сражение отдельных отрядов.

Группа, занимающаяся разработкой вопросов истории славян, немногочисленна. До своей кончины ее возглавлял член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков. Его работа под названием «По следам древних славянских племен» (Л., 1982) издана посмертно с предисловием Б. А. Рыбакова и Э. А. Сымоновича. Существенный вклад в изучение истории ранних славян внесен Е. А. Горюновым, безвременно ушедшим из жизни. Особое его внимание привлекали памятники середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. в днепровском левобережье. Им написана книга «Ранние этапы истории славян днепровского левобережья» (Л., 1981). В настоящее время раннюю историю славян продолжают исследовать В. М. Горюнова и аспирантка О. А. Щеглова.

Почти все творческие разработки сотрудников сектора обеспечиваются материалами весьма результативных полевых исследований. В Архангельской обл. ряд лет трудится Северодвинская экспедиция под руководством О. В. Овсянникова. Обнаружены городища, могильники русского и финского населения, в том числе принадлежавшие чуди заволочской. Напряженную полевую деятельность ведет Е. А. Рябинин. В Кингисеппском и Волосовском районах Ленинградской обл. возглавляемая им Ижорская экспедиция проводила разведки и раскопки могильников у деревень Бегуницы, Теглицы и Ложковицы. Изучено около 200 погребений. При раскопках в Старой Ладоге Е. А. Рябининым прорезан вал Земляного городища и вскрыты слои VIII—X вв., в которых обнаружен производственный комплекс с набором кузнечно-ювелирных инструментов. Заволжская экспедиция под руководством Е. А. Рябинина в 1978—1981 гг. выявила ряд древнерусских поселений и курганных могильников в Костромской и Ивановской областях. Совместно с Волго-Окской новостроечной экспедицией Института археологии предприняты раскопки грунтового могильника V—VII вв., городища и селища конца I тысячелетия н. э. у д. Попово (бассейн р. Унжа).

Е. Н. Носов возглавляет Новгородскую областную экспедицию, основной задачей которой является исследование Новгородского (Рюрикова) городища, где открыты слои IX в. Кроме того, обследован ряд сельских поселений и могильников Новгородской земли. В. П. Петренко завершил полевые исследования сопки северного Поволжья, произвел раскопки на Варяжской улице в Старой Ладоге, где обнаружены слои середины IX—XI вв. В. А. Назаренко изучал курганные могильники юго-восточного Приладжья. Неизвестные ранее памятники культового характера (жертвенные камни) и остатки селищ летописной корелы обнаружены А. И. Сакса в Приозерском р-не Ленинградской обл. Н. В. Хвоцинская ведет планомерные раскопки могильника X—XII вв. у д. Залахтовье в Гдовском р-не Псковской обл.

А. Н. Кирпичниковым осуществлен цикл работ по изучению городо-крепостей Новгородской и Псковской земель: Ладоги, Орешка, Корелы, Тиверского городка, Копорья, Ямгорода, Порхова, Новгорода, Пскова, Гдова, Велья, Острова. Открыты крепостные сооружения и культовые постройки IX—XVI вв. Особое значение отводится изысканиям в Старой Ладоге. К. В. Павлова завершила раскопки на городище Осовик. В. И. Кильдюшевский принимает регулярное участие в охранных раскопках Пскова. Архитектурно-археологическая экспедиция под руководством П. А. Раппопорта вела раскопки и исследования памятников русского зодчества домонгольского периода: в 1974 г. — в Смоленске, в 1975 г. — во Владимире-Волынском, а в 1976—1977 гг. — в Полоцке. После этого экспедиция работает отдельными отрядами. Отряд А. А. Песковой в 1978—1981 гг. провел раскопки близ Успенского собора во Владимире-Волынском и обнаружил ранее неизвестную церковь XII в. Л. Н. Большаков в 1979—1980 гг. руководил раскопками церкви Климента в Ста-

рой Ладогe, а в 1982 г. принимал участие в раскрытии собора Спасского монастыря в Новгороде-Северском. Отряд О. М. Иоаннисяна ведет разведки и раскопки памятников зодчества древнего Галича. Кроме того, он осуществил в 1981—1982 гг. раскопки памятников в новгородском Хутыньском монастыре, в 1983 г. — архитектурно-археологические исследования полоцкого Софийского собора, а также раскопки в г. Белая Церковь. Отдельные группы экспедиции изучали памятники Гродно и Витебска. Самостоятельно работал отряд М. В. Малевской, который вел поиски и раскопки памятников архитектуры XIII—XV вв. в западных областях Руси (сооружения гражданского, культового и оборонительного назначения в Новогрудке, Владимире-Волынском, Луцке, Львове, Любомле), в селах Спас и Пятничаны Львовской обл.

В 1983 г. начались планомерные разведки археологических памятников Ленинградской обл. с целью создания их сводной карты. В этом поиске участвуют и сотрудники славяно-финского сектора. В. А. Лапшиным и Н. И. Платоновой составлена картотека более чем на 800 памятников археологии.

Показателем активной деятельности сектора является научная продукция. За истекшие 10 лет его сотрудниками опубликовано 19 книг и брошюр, 215 статей. Напечатаны тезисы 60 докладов на симпозиумах и конференциях, 105 сообщений в ежегоднике «Археологические открытия» и 15 рецензий. Завершено написание шести книг, а 100 статей сданы в печать.

В период учреждения и формирования нового подразделения ушли из жизни ведущие археологи-слависты Г. Ф. Корзухина (1974 г.), П. Н. Третьяков (1976 г.), М. К. Каргер (1976 г.), М. А. Тиханова (1981 г.) и Е. А. Горюнов (1981 г.). Несмотря на смену поколений, традиции ленинградской научной школы сектору удалось сохранить и приумножить.

Сектор славяно-финской археологии работает в тесном контакте с сектором славяно-русской археологии Института. Согласуются отдельные темы, происходит обмен тезисами докладов, прочитанных на заседаниях. Постоянную помощь в выработке программы работы и основных направлений научных разработок сектора оказывает директор Института академик Б. А. Рыбаков. Специалисты сектора участвуют в общеинститутских научных программах, в частности некоторые разделы многотомной «Археологии СССР» написаны П. А. Раппопортом и А. Н. Кирпичниковым.

Сотрудники сектора принимают действенное участие в пленумах Института археологии и его Ленинградского отделения, а также в международных, союзных и региональных конференциях и симпозиумах: Всесоюзных конференциях по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии, конференции «Новгород древний — Новгород социалистический», семинаре «Археология Пскова и Псковской земли», совещаниях и диспутах по археологии северо-запада РСФСР на историческом факультете Ленинградского университета.

Существенную роль в научной жизни коллектива играют еженедельные заседания сектора. За 10 лет состоялось около 250 заседаний.

Сектор осуществляет широкие связи с археологами многих городов Советского Союза, в частности Москвы, Пскова, Новгорода, Киева, Львова, Черновиц, Минска, Гродно. За истекшие 10 лет в секторе заслушано и обсуждено более 60 докладов приезжих товарищей.

С Институтами истории АН Эстонской и Латвийской ССР заключены договоры о научно-практическом сотрудничестве. Выполнение этих договоров возложено на сектор (координаторы Н. В. Хвоцинская и В. П. Петренко). Проводятся дни творческого сотрудничества с археологами союзных республик. Впервые такая встреча осуществлена с коллегами из Эстонии в конце 1983 г. На заседании сектора выступали Ю. Селиранд («Организация археологических работ в Эстонии»), Т. Тамла («Проблемы изучения позднего железного века в Эстонии»), В. Соколовский

(«Поселения железного века в Олуствере»), П. Лиги («Погребальный обряд в курганном могильнике Йыуга»). Эстонские археологи познакомились с материалами, добытыми во время раскопок на северо-западе РСФСР, и совершили экскурсию в Старую Ладугу.

Сектору доверено практическое ведение советско-финляндского сотрудничества в области археологии. Оно осуществляется с 1976 г. в рамках деятельности советско-финляндской рабочей группы в области археологии во главе с академиком Б. А. Рыбаковым. Сотрудники сектора регулярно выступают на двусторонних симпозиумах (состоялось четыре симпозиума) и заседаниях рабочей группы. Они же готовят к изданию труды симпозиумов. Один из них — «Финно-угры и славяне» — вышел в 1979 г., другой — «Новое в археологии СССР и Финляндии» — в 1984 г. По инициативе Б. А. Рыбакова впервые в научной практике двух стран создается совместная с финляндскими археологами книга «Финны в Европе» (VI—XIV вв.). Окончание этого труда намечено на 1986 г.

В секторе готовят кандидатские диссертации аспиранты О. А. Щеглова: «Памятники конца VII—первой половины VIII в. на территории Среднего Поднепровья» (руководитель А. Л. Якобсон); Д. И. Фoniaков: «Древний Торонец» (руководитель П. А. Раппопорт); П. Лиги: «Водские элементы в культуре средневековой Эстонии» (руководитель Е. А. Рябинин); А. А. Пескова: «Жилища и оборонительные сооружения древнего Изяславля» (руководитель А. Н. Кирпичников); стажер-исследователь А. Н. Кушнеревич (Минск): «Становление зодчества Белоруссии первой половины XIV—XVII в.» (руководитель П. А. Раппопорт); соискатель Т. А. Чукова (Эрмитаж): «Архитектурно-декоративное убранство интерьера русских каменных зданий X—XIII вв.» (руководитель П. А. Раппопорт).

Сотрудники сектора постоянно занимаются популяризацией научных знаний — в лекториях ЛОИА, Эрмитажа, Русского музея, в теле- и радиопередачах, пишут о своей работе в газетах, журналах, готовят и публикуют научно-популярные книги, проводят лекции и беседы во время полевого сезона.

По инициативе сектора в крепости Орешек устроен смотровой навильон над остатками укреплений XIV в. По представлению, в частности, Староладожской археологической экспедиции и сектора в 1984 г. в Старой Ладуге организован историко-архитектурный и археологический музей-заповедник площадью 190 га.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.
БАН РО — Библиотека Академии наук СССР. Рукописный отдел
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Ижевск и др.
ВИ — Вопросы истории. М.
ГААО — Государственный архив Архангельской обл.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБЛ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.; Пг.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
КГМ — Карельский государственный музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАНГР — Материалы по археологии восточных губерний России. СПб.
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; М.; Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников СССР. М.; Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Л.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. В. Чернецов.</i> Древнерусские знаки небесных светил	3
<i>Е. Н. Носов, В. П. Петренко.</i> Об одном типе средневековых печей Поволжья	8
<i>О. А. Щеглова.</i> Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа	15
<i>А. М. Спиридонов.</i> Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья	23
<i>В. Б. Перхавко.</i> Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана	28
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке	36

Публикации

<i>Т. Н. Никольская.</i> Новые данные к истории Серенска	41
<i>Н. В. Жилина.</i> К вопросу о происхождении Твери	51
<i>А. А. Медынцева, Ю. Ю. Моргунов.</i> Надпись на корчаге с Полтавщины	55
<i>О. А. Кондратьева.</i> Средневековые гребни с «горбатой» спинкой	58
<i>Д. И. Фояков.</i> Об одной находке из древнерусского могильника в Торшпе	62
<i>И. В. Исланова.</i> Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты	65
<i>З. М. Сергеева.</i> Деңисенские курганы на Витебщине	75
<i>В. А. Булкин, О. В. Овсянников.</i> Троицкий собор Антониева Сийского монастыря	80

Хроника

<i>В. В. Седов.</i> Вопросы этногенеза славян на IX Международном съезде славистов	85
<i>Н. А. Макаров.</i> Сектор славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1983—1984 гг.	89
<i>А. Н. Кирпичников, К. В. Павлова.</i> Деятельность сектора славяно-финской археологии в 1974—1984 гг.	93
Список сокращений	101

Славяно-русские древности

КСИА, вып. 187

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технические редакторы
М. Л. Анучина, Т. А. Калинина
Корректор Г. Н. Джиоева

ИБ № 32116

Сдано в набор 29.01.86.
Подписано к печати 21.05.86.
Т-13805. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная, импортная
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10.
Усл.-кр. отт. 9,45. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 1850 экз. Тип. зак. 124.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12